D02
10702

- - МАЙ 2008

N 35117

Ю 302
1865
Проверено 1948 г.

Юридическія Записки

Проверено 2000 г.

издаваемыя
Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ.

1913 г. Вып. IV (XVIII).

Подъ редакціей:

Б. А. Кистяковскаго, А. Р. Свирщевскаго,
Л. С. Таля и В. Н. Ширяева.

ЯРОСЛАВЛЬ.
1913.

Юридическій кабинетъ В. Ж. К.

Юридическія Записки

издаваемыя
Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ.

1913 г. Вып. IV (XVIII).

Подъ редакціей:

Б. А. Кистяковскаго, А. Р. Свирщевскаго,
Л. С. Таля и В. Н. Ширяева.

Юридическ
кабинетъ
В. Ж. К.

Ярославль.
1913.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *В. Щегловъ*.

Типографія Губернскаго Правленія.

ЮРИДИЧЕС.
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

Оглавленіе.

В. Н. Ширяевъ. Субъектъ должностныхъ преступленій . 511
С. А. Первушинъ. Пониженіе курсовъ государственныхъ и гарантированныхъ фондовъ на Западѣ и повышеніе ихъ въ Россіи 551
В. И Мышцынъ. Политическое самосознаніе христіанской церкви 575

Изъ иностранныхъ журналовъ.

М. Оріу. I. Идеи Дюги. II. Два реализма . . . 600

Хроника.

С. П. Покровскій. Французскій законъ 29 іюля 1913 г. о тайнѣ голосованія 635

Критика.

Ю. С. Гамбаровъ. Курсъ гражданскаго права. Т. I. Часть Общая. Спб. 1911, (*П. Е. Михайлова*) . . . 645
В. Д. Катковъ. Jurisprudentiae novum organon. Т. I. Цивилистика. Одесса, 1913 г. (*Т. М. Яблочкова*) . . 651

Субъектъ должностныхъ преступленій.

В. Н. Ширяева.

Было время, когда должностныя преступленія выдѣлялись изъ другихъ группъ преступныхъ посягательствъ, въ качествѣ преступленій особенныхъ, (delicta propria, Besondere Verbrechen) исключительно вслѣдствіе особыхъ свойствъ учиняющихъ эти преступныя дѣянія виновниковъ,—лицъ должностныхъ. Выясненіе понятія должностного лица, какъ спеціальнаго виновника этихъ особенныхъ преступленій, представлялось тогда настоятельно необходимымъ. Но не менѣе важно выясненіе этого понятія и теперь, когда выдѣленіе должностныхъ преступленій въ особую группу и не связывается исключительно со свойствами виновника, а покоится на признакахъ, коренящихся въ самой юридической природѣ этой группы дѣяній, такъ какъ положительный уголовный законъ даетъ крайне разнообразный отвѣтъ на вопросъ о томъ, кто можетъ быть виновникомъ должностныхъ преступленій?

Даже при поверхностномъ обзорѣ современнаго законодательства можно усмотрѣть, что кругъ виновниковъ должностныхъ преступленій въ настоящее время значительно разросся, выйдя далеко за предѣлы понятія должностного лица. Въ настоящее время должностное лицо, какъ это нетрудно видѣть, является только однимъ изъ возможныхъ виновниковъ должностныхъ преступленій, наряду съ цѣлой группой другихъ лицъ [1]). Кромѣ того, самое понятіе должностного лица не является

[1]) «Sein (Amtsverbrechen) ursprunglich einziger Täter war der Beamte. Mit der Zeit hat sich ihm der unbeamtete Amtsträger gesellt» замѣчаетъ Binding, LB. II/2, стр. 395.

чѣмъ то устойчивымъ и неизмѣннымъ, и выясненіе содержанія этого понятія составляетъ не легкую задачу какъ для доктрины, такъ и для практики. Нѣкоторыя законодательства, какъ напр. германское, итальянское стремятся нѣсколько облегчить эту задачу включеніемъ въ самый текстъ закона нѣкоторыхъ признаковъ, которыми характеризуется должностное лицо, какъ возможный виновникъ должностного преступленія. Другіе же кодексы, и такихъ большинство, ограничиваются простымъ наименованіемъ возможныхъ виновниковъ данной группы преступленій, предоставляя судебной практикѣ выяснить и болѣе или менѣе точно установить предѣлы отдѣльныхъ понятій, нуждающихся и требующихъ поясненія [1]).

I.

Эта послѣдняя система усвоена старѣйшимъ изъ европейскихъ законодательствъ—французскимъ, которое не только не содержитъ никакого опредѣленія должностного лица, но и не имѣетъ даже твердой терминологіи для опредѣленія возможныхъ виновниковъ преступленія. Cod. pén. говоритъ о «fonctionnaires», объ «officiers ministeriels», объ «officiers publics», «agent», «préposé», «commis du gouvernement, d'une administration, de la police» и т. д., но нигдѣ не даетъ болѣе точнаго опредѣленія этихъ понятій, которое и восполняется практикой.

Болѣе широкимъ понятіемъ, обнимающимъ другія, законъ считаетъ «fonctionnaires». Это понятіе стоитъ въ заголовкѣ титула, посвященнаго собственно должностнымъ преступленіямъ и употребляется во вводныхъ art. art. 166, 167 о «forfaiture». Употребляя этотъ терминъ, законъ имѣетъ въ виду всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя отъ имени государства осуществляютъ извѣстную

---

[1]) Главнымъ пособіемъ при разработкѣ даннаго вопроса, особенно въ части, касающейся германскаго права, намъ послужилъ трудъ Wachinger'a—Verbrechen und Vergehen im Amte, Allgemeine Erörterung. См. Vergleichende Darstellung d. Deut. und Ausländischen Strafrechts, Bes. Teil, IX, стр. 193—307.

долю публичной власти; такъ министры, префекты, коммиссары полиціи и т. д являются «fonctionnaires de l'ordre administratif», органы прокуратуры, судебные органы—«fonctionnaires de l'ordre judiciaire». Другимъ общимъ терминомъ, употребляемымъ во французскомъ законодательствѣ, является «officiers publics»; въ смыслѣ болѣе широкомъ, это вообще различные агенты, находящіеся непосредственно или посредственно на службѣ государства; въ болѣе же узкомъ смыслѣ подъ «officiers publics» понимаются второстепенные органы правительства, дѣйствующіе въ силу приказа или порученія высшихъ органовъ. Подъ «officiers ministeriels» обыкновенно понимаются органы судебные, (institués pour le service de la justice, dont on est tenu d'emprunter le ministère, et qui ne peuvent le refuser lorsqu'ils en sont requis: tels sont les greffiers, avoués, huissiers, notaires etc. [1]).

Законъ, повидимому, стремится къ тому, чтобы при обрисовкѣ составовъ отдѣльныхъ должностныхъ преступленій указать въ качествѣ возможныхъ виновниковъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя по свойству лежащихъ на нихъ обязанностей имѣютъ фактическую возможность учинить дѣяніе даннаго рода. Соотвѣтственно съ этимъ и практика въ пониманіи употребляемыхъ закономъ терминовъ не придерживается строго того значенія, какое имѣютъ данные термины въ административномъ правѣ, вслѣдствіе чего толкованіе судебной практики расходится съ административнымъ значеніемъ этихъ терминовъ [2]). Такъ, на основаніи первоначальнаго текста art. 177 возможнымъ виновникомъ взяточничества являлся «fonctionnaire public de l'ordre administratif ou judiciaire»; но судебная практика подводила подъ это понятіе всѣхъ лицъ, облеченныхъ путемъ избранія или посредствомъ делегаціи исполнительной власти «mandat public», постояннымъ или временнымъ, въ силу коего названныя

---

[1]) Garraud, IV, стр. 3.

[2]) Garraud, Traité, IV, 3 стр, «C'est une question parfois difficile à résoudre, et elle doit l'être secundum subjectam materiam, c'est-à-dire eu égard à chaque infraction en particulier».

лица за извѣстное вознагражденіе или безплатно уполномачиваются къ участію въ дѣлахъ государства, департамента или коммуны; такимъ образомъ къ должностнымъ лицамъ практика относила не только уполномоченныхъ коммунъ (préposés—Cass 29 мая 1886 г.), но и народныхъ представителей (Cass. 24 февр. 1893 г.—д. Лессепса) [1]). Опредѣленно выдѣляются изъ разряда должностныхъ лицъ представители церкви, и преступныя дѣянія «les ministres des cultes légalement réconnus» не сливаются съ проступками должностныхъ лицъ [2]).

Въ *норвежскомъ* уложеніи 1902 г. субъектомъ должностныхъ преступленій за немногими исключеніями, является «offentlig tjenestemand»; опредѣленія этого понятія законъ не содержитъ, а въ мотивахъ къ проекту 1896 г. высказывался взглядъ, что представляется вообще невозможнымъ дать простое, основанное на отвлеченныхъ признакахъ опредѣленіе понятія должностного лица и что было-бы поэтому надежнѣе въ отдѣльныхъ законахъ и актахъ назначенія опредѣленно указывать, имѣется-ли въ данномъ случаѣ въ виду установить должностное отношеніе или нѣтъ? [3]).

---

[1]) Въ силу закона 4 іюля 1899 г. прежнее содержаніе art. 177 пополнено опредѣленнымъ указаніемъ на лицъ «investie d'un mandaf électif», какъ на возможныхъ виновниковъ взяточничества.

[2]) Garraud, IV, стр. 157.

[3]) «Мотивы» относятъ къ должностнымъ лицамъ всѣхъ тѣхъ, коимъ въ силу избранія или назначенія предоставлена публичная власть въ государствѣ или общинѣ или коимъ оказывается особое довѣріе (Glaubwürdigkeit) въ какомъ-либо отношеніи, какъ-то: представители общины, сборщики налоговъ, присяжные, судебные засѣдатели. Относительно причисленія этихъ лицъ къ категоріи должностныхъ сомнѣнія быть не можетъ; сомнѣніе начинается относительно такихъ лицъ, которыя, находясь на службѣ государственной или общественной, не имѣютъ власти, которую можетъ передать только государство. Для разрѣшенія этого сомнѣнія не возможно установить одного общаго правила; вопросъ разрѣшается въ зависимости отъ большей или меньшей степени довѣрія, котораго требуетъ то или другое положеніе; такъ не могутъ быть относимы къ должностнымъ лицамъ—пожарные служители, горнорабочіе, наоборотъ должны быть признаны должностными лицами почтовые и телеграфные служащіе и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ за лицомъ, можетъ быть признаваемо значеніе должностного лица лишь въ отношеніи какого-либо отдѣльнаго возложеннаго на него порученія и въ предѣлахъ выполненія этого порученія (см. Wachinger, Vergl. Dar stellung. BT. т. IX, стр. 273—274).

Hagerup полагаетъ, что должностными лицами слѣдуетъ считать всѣхъ облеченныхъ публичной властью или отправляющихъ такія обязанности (Verrichtungen), которыя входятъ въ число задачъ государственнаго управленія; центръ тяжести понятія должностныхъ лицъ заключается слѣдо-

Существеннымъ моментомъ понятія «tjenestemand» является характеръ службы; это понятіе обнимаетъ также лицъ, которыя въ силу спеціальнаго порученія отправляютъ отдѣльныя опредѣленныя функціи, какъ напр. присяжные. Въ §§ 110, 113 и 325 возможными виновниками законъ называетъ судей, присяжныхъ, «skjonsmaend» (экспертовъ по гражданскимъ дѣламъ, заключеніе коихъ обязательно для судей), экспертовъ, третейскихъ судей, поскольку ихъ рѣшенія имѣютъ силу приговоровъ, наконецъ «embeds-u «bestillingsmaend». Несомнѣно, что всѣ указанныя лица, за исключеніемъ развѣ третейскихъ судей, экспертовъ и skinsmaend, подходятъ подъ понятіе «tjenestemand», какъ опредѣляютъ это понятіе мотивы къ проекту. Наконецъ, на основаніи закона 12 авг. 1848 г. и 26 сент. 1857 г. постановленія о должностныхъ преступленіяхъ примѣняются къ повѣреннымъ и адвокатамъ высшаго суда, а по закону 27 іюня 1891 г.—къ представителямъ религіозныхъ обществъ [1]).

Въ уложеніи *нидерландскомъ* большая часть должностныхъ преступленій имѣетъ своимъ субъектомъ «ambtenaar» или лицъ, подходящихъ подъ это понятіе; болѣе близкаго опредѣленія этого понятія законъ не содержитъ не потому, чтобы это было вообще невозможно, а потому, какъ замѣчаетъ Объяс. Зап., что опредѣленія вообще не должны имѣть мѣсто въ законѣ [2]).

вательно не въ моментѣ назначенія (Anstellung) на государственную или общественную службу, а въ самомъ свойствѣ дѣятельности лица; не имѣетъ также значенія, добровольность или обязанность принятія на себя извѣстныхъ полномочій, съ согласія или въ силу законной обязанности были приняты на себя извѣстныя полномочія.

[1]) Wachinger, ук. соч. стр. 274—275.

[2]) Объясн. Зап. должностными лицами считаетъ «лицъ назначенныхъ государственной властью», но кто можетъ быть таковымъ лицомъ рѣшить довольно трудно. По мнѣнію v. Hamel'я должностными лицами должны быть признаны всѣ тѣ, кто временно или постоянно, за вознагражденіе или безплатно, въ силу назначенія публичной властью, несутъ общественную должность (ein öffentlichrechtliches Amt), которая является частью постоянной организаціи, связанной съ опредѣленными правилами службы, надзоромъ и началомъ іерархіи. Публичной же должностью, въ глазахъ v. Hamel'я, является всякое регулируемое публичнымъ правомъ положеніе, (Stellung), возлагающее опредѣленную задачу, которая должна быть выполнена для государства или какой либо его части (провинціи, общины и т. п.) (См. Wachinger, ук. соч. стр. 275—276).

Помимо «ambtenaar» возможными виновниками должностныхъ преступленій въ нидерландскомъ правѣ являются:

1. На основаніи art. 84—a) лица, законнымъ образомъ избранныя [1]); b) третейскіе судьи, а также судьи, выполняющіе административныя функціи [2]); c) всѣ, входящіе въ составъ арміи [3]).

2. Составы отдѣльныхъ должностныхъ преступленій называютъ въ качествѣ возможныхъ виновниковъ служащихъ, но не чиновниковъ (nichtbeamtete Amtsträger), такъ напр. въ art. 359—361, говорящихъ о присвоеніи, подлогѣ въ книгахъ, сокрытіи актовъ, наряду съ должностными лицами упоминаются также уполномоченные къ отправленію публичной должности постоянноили временно, а въ art. 374 и 375—лица, служащія при предназначенномъ для общественнаго пользованія телеграфѣ [4]).

II.

Въ противоположность разсмотрѣннымъ законодательствамъ германское уложеніе, итальянское и нѣкоторыя другія въ самомъ законѣ указываютъ признаки должностного лица, какъ возможнаго виновника должностныхъ преступленій. Въ § 359 St.G.B. содержится опредѣленіе должностного лица, а въ § 31,2— опредѣленіе понятія публичной должности—«das öffent-

---

[1]) Уравненіе членовъ палатъ, провинціальныхъ штатовъ и общинныхъ совѣтовъ съ чиновниками было проведено по примѣру французской судебной практики въ виду того, что указанныя лица, избранныя законнымъ образомъ, выполняютъ «munus publicum» не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ и лица, назначаемыя на должность исполнительной властью.

[2]) Третейскіе судьи отнесены къ должностнымъ лицамъ въ виду того, что, хотя и на основаніи частно-правнаго порученія, они несутъ все-таки munus publicum; упоминаніе объ судьяхъ, выполняющихъ административныя обязанности, сдѣлано съ цѣлью устраненія сомнѣнія.

[3]) Отнесеніе къ должностнымъ лицамъ военныхъ чиновъ является особенностью нидерландскаго права, не встрѣчающейся въ другихъ законодательствахъ.

[4]) Кромѣ того въ art. 183 и 184, abs. II—въ преступныхъ дѣяніяхъ, направленныхъ противъ должностныхъ лицъ, съ должностными лицами уравнены служащіе на желѣзныхъ дорогахъ (die Vorsteher, beeideten Beamten u. Bediensteten des Eisenbahndienstes), а также лица несущія въ силу предписанія закона общественную службу, временно или постоянно, (die kraft gesetzlicher Vorschrift dauernd oder zeitweite mit einem öffentlichen Dienste betraut sind). См. Wachinger, ук. соч. стр. 276—277.

liche Amt.». Оба эти опредѣленія имѣютъ силу и значеніе для всѣхъ постановленій уголовно-правового характера, касающихся должностныхъ лицъ, гдѣ бы эти постановленія не находились: въ уголовномъ уложеніи или внѣ его [1]).

Но сравненіе этихъ опредѣленій (§ 359 и § 31,2) показываетъ, что съ точки зрѣнія StGB. не всякій, занимающій какую-либо должность, можетъ быть признанъ въ тоже время и должностнымъ лицомъ. Изъ носителей тѣхъ общественныхъ обязанностей, которыя подводятся законодателемъ подъ понятіе «des öffentlichen Amts»: «Anwaltschaft», «Advokatur» и «Notariat», только нотаріусы признаются законодателемъ должностными лицами (Beamten).

Кромѣ того, возможными субъектами должностныхъ преступленій StGB. признаетъ присяжныхъ, шеффеновъ и третейскихъ судей, а при взяточничествѣ (§ 333)— также лицъ, входящихъ въ составъ арміи—«Mitglieder der bewaffneten Macht».

Такимъ образомъ понятія «Amt» и «Beamte» въ ихъ обычномъ словоупотребленіи не совпадаютъ и въ дѣйствительности существуютъ такіе «Amtsträger'ы», которые не признаются должностными лицами («Beamten»), и наоборотъ, такія должностныя лица, которыя въ данный моментъ никакой должности не занимаютъ. Можетъ ли быть субъектомъ должностного преступленія только должностное лицо, отправляющее извѣстную должность? Общаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя, онъ рѣшается въ зависимости отъ состава отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній [2]). Въ качествѣ руководящаго положенія выставляется обыкновенно правило, что послѣ оставленія должности должностное преступленіе уже не можетъ быть учинено, причемъ здѣсь имѣется въ виду не столько отстраненіе отъ отправленія должности, (Wegfall der Amtsinnehabung), сколько прекращеніе са-

---

[1]) Rüdorff. Anm. 2 и Olshausen Anm. 1 zu § 359 и Anm. 11 zu § 31; Binding. LB II, 582. Wachinger, ук. соч. стр. 234.

[2]) Binding. LB. II, 384, Ziff. 3; 394, Ziff. XI, 3.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

маго должностного отношенія (Beamtenverhältniss) [1]). Напротивъ, прекращеніе должностного отношенія или оставленіе должности уже послѣ учиненія преступнаго дѣянія, конечно, не мѣняетъ характера этого послѣдняго.

Данное въ § 359 опредѣленіе понятія должностного лица требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Такъ прежде всего требуетъ разъясненія понятіе «Anstellung»—опредѣленія на службу, представляющее необходимое условіе для признанія за лицами должностного характера (Beamteneigenschaft) [2]). Wachinger устанавливаетъ двоякое толкованіе этого понятія: болѣе строгое—узкое и болѣе свободное—широкое.

Подъ опредѣленіемъ на службу въ болѣе строгомъ смыслѣ слова подразумѣвается созданіе путемъ назначенія или избранія публично-правоваго служебнаго отношенія къ государству въ цѣляхъ отправленія общеетвенной службы [3]).

Сущность этого государственно-служебнаго отношенія, создаваемаго опредѣленіемъ на службу, господствующее ученіе характеризуетъ какъ скрѣпленное дисциплинарными предписаніями отношеніе властвованія, обязывающее человѣка къ свободному исполненію служебныхъ обязанностей, къ особой вѣрности и къ особому повиновенію, отношеніе которое отличается отъ частноправныхъ договорныхъ отношеній—отсутствіемъ равенства контрагентовъ, а отъ частно-правныхъ отношеній властвованія—публичнымъ характеромъ цѣли службы [4]). Самый актъ опредѣленія на службу (d. publizistische Begründungs akt) понимается то какъ односторонній актъ государственной власти, которому можетъ, но не обя-

---

[1]) Haelschner, HB. II, 1034; H. Meyer, LB. 871; Olshausen, Vorbem. 5, zu 28 Absch.; Oppenhof Anm. 1 zu § 348; Wachinger, стр. 235.

[2]) Hubrich, Gerichtssaal 75, стр. 122—123. Frank, ук. соч, Anm. I zu § 359.

[3]) См. Hälschner, ук. соч. II, 1033 и слѣд.; Binding, LB. II, 383; Ср. также Olshausen, Anm. II zu § 359; Frank, Anm. II zu § 359; Ср. Wachinger, ук. соч. стр. 237.

[4]) См. Laband, Staatsrecht, I, 406 и 413; Rehm, Annalen d. Deut. Reichs 1885 г., стр. 146 и слѣд.; Binding, LB. II, 383; Rheinbaben, Die preuss. Disziplinargesetze, 19; Olshausen, Anm. 2 zu § 359; Frank, Anm. II zu § 359; Wachinger, ук. соч. стр. 237.

зательно, предшествовать соглашеніе воль [1]), то какъ публично-правовой договоръ, основанный на соглашеніи воль контрагентовъ [2]). Иногда къ этому присоединяется еще указаніе, что въ понятіе государственно-служебнаго отношенія необходимо входитъ общее порученіе—исполнять всѣ присущія данной должности обязанности, и слѣдовательно порученія исполнять только отдѣльныя опредѣленныя услуги для понятія государственной службы недостаточно [3]).

Въ противоположность этому строгому толкованію понятія опредѣленія на службу, болѣе широкое толкованіе его, принятое въ практикѣ прусскаго Ober tribunal'a [4]), подъ опредѣленными на государственную службу и слѣдовательно должностными лицами подразумѣваетъ тѣхъ, кто призванъ законнымъ образомъ, въ качествѣ органа государственной власти, дѣйствовать для достиженія государственныхъ цѣлей [5]). Сущность различія между болѣе узкимъ и болѣе широкимъ пониманіемъ «опредѣленія на службу» (Anstellung) заключается въ томъ, что первое толкованіе слово «Dienst» въ § 359 понимаетъ какъ «публично-правовое служебное отношеніе», какъ «отношеніе властвованія» (öffentlichrechtliches Dienstverhältniss, Gewaltverhältniss), второе же толкованіе понимаетъ его, какъ принятіе на себя публичныхъ обязанностей, слѣд. какъ несеніе службы (Wahrnehmung öffentlichen Funktionen, Amtsausübung) [6]).

Судебная праклика очень часто пользуется болѣе широкимъ опредѣленіемъ должностного лица, не менѣе часто оно встрѣчается безъ всякихъ оговорокъ и въ литературѣ.

---

[1]) См. Laband, I, 418; Hälschner, II, 1013; Binding, LB. II, 3§4, прим. 5.

[2]) Laband, ук. соч. I, 421; Olhausen, 2 zu § 359; Frank II Anm. zu § 359; Wachinger, ук. соч. стр. 238.

[3]) Hälschner, II, 1033, особ. прим. 3; Rheinbaben, ук. соч. стр. 18 и 29. Это условіе не слѣдуетъ смѣшивать съ длящимся характеромъ службы.— Wachinger, стр. 238, пр. 2.

[4]) См. Meves, HH. III, 934.

[5]) Schwarze Anm. 2/3 zu 359; Olshausen Anm. 2 zu § 359; Oppenhoff Anm. 3 zu § 359; Henle-Schirlinger Anm. 2 zu § 359. Иногда къ этому опредѣленію присоединяется еще указаніе на элементъ «самостоятельности», какъ напр. у Schwarze и у Henle-Schirlinger'a. См. Wachinger, ук. соч. стр. 238, пр. 4.

[6]) Laband, ук. соч. I, 404, прим. 2 и стр. 412; Rheinbaben, ук. соч. стр. 27 и слѣд.; Wachinger, ук. соч. стр. 230.

Между тѣмъ оно вызываетъ серьезное возраженіе: подъ это опредѣленіе могутъ одинаково подойти какъ должностныя лица въ собственномъ смыслѣ (Beamten), такъ и тѣ, кого законъ называетъ только «Amtsträger'омъ или «Inhaber'омъ des offentlichen Amts», между тѣмъ какъ уголовное уложеніе проводитъ между этими понятіями различіе [1]).

Въ виду этого въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ указываются ограничительные признаки, значительно сужиающіе широкія границы указаннаго опредѣленія и приближающіе его къ болѣе строгому толкованію [2]).

Помимо отмѣченнаго смѣшенія должностныхъ лицъ въ собственномъ смыслѣ и лицъ, только отправляющихъ публичныя обязанности, болѣе широкое толкованіе понятія «Anstellung» представляетъ еще затрудненіе при проведеніи границы между должностными и не должностными лицами въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на основаніи служебныхъ отношеній совершенно частнаго характера дѣло идетъ о преслѣдованіи публичныхъ цѣлей. Въ такихъ случаяхъ стараются установить необходимое различіе сообразно съ природой оказываемыхъ услугъ [3]).

---

[1]) Hälschner, ук. соч. II, 1033, прим. 4; Binding, LB. II, 382, прим. 2; Wachinger, ук. соч., стр. 238.

[2]) Такъ напр. отвергается наличность опредѣленія на государственную службу и слѣдовательно должностного характера за служащимъ, если исполненіе служебныхъ обязанностей покоится на чисто частно-правовомъ договорѣ, съ которымъ не соединяется передача должности (Amtsübertragung) или если исполненіе служебныхъ обязанностей непосредственно вытекало изъ всеобщей законной повинности подданныхъ или изъ законнаго ихъ права, или если дѣло шло о порученіи выполнить отдѣльныя служебныя дѣйствія. См. Olshausen Anm. 8 a b и c. и Anm. 15 b II β. zu § 359; Oppenhoff Anm. 2 a zu § 359. Рѣш. R. G. V, 418.

[3]) Такъ напр. призваніе къ занятіямъ, которыя представляются проявленіемъ государственнаго верховенства, всегда признается публично-правовымъ актомъ компетентнаго органа государственной власти (т. е. опредѣленіемъ на службу, а лицо призванное—должностнымъ лицомъ); если бы между призваннымъ и государствомъ существовали еще другія отношенія частно-правнаго характера, то въ такомъ случаѣ имѣла бы мѣсто совокупность частно-правныхъ отношеній съ публичной должностью. Но если бы дѣло шло объ исполненіи служебныхъ обязанностей, которыя не могутъ быть разсматриваемы какъ проявленіе государственнаго верховенства, то изъ одного факта несенія этихъ обязанностей нельзя еще вывести заключенія о должностномъ характерѣ служащаго и для устраненія сомнѣнія требуется наличность какого-либо формальнаго акта (утвержденія, присяги и т. п.), который бы подтвердилъ что съ частно-правовымъ отношеніемъ соединяется отношеніе публично-правовое, или что имѣлось

Другое понятіе, включенное въ опредѣленіе должностного лица и также нуждающееся въ нѣкоторомъ поясненіи, это понятіе о непосредственной и посредственной государственной службѣ (unmittelbarer oder mittelbarer Dienst). Это понятіе требуетъ выясненія, такъ какъ отъ того или иного толкованія понятія «mittelbarer Dienst» зависитъ отнесеніе или не отнесеніе даннаго лица къ категоріи должностныхъ лицъ.

Meves различаетъ непосредственную и посредственную службу, смотря по тому, находится ли должностное лицо въ отношеніи непосредственной зависимости отъ государства или отъ уполномоченныхъ на то государствомъ союзовъ (Genossenschaft), или по тому, принимала ли государственная власть непосредственное или посредственное участіе въ назначеніи лица на должность [1]).

Olshausen, при опредѣленіи понятія «посредственнаго должностного лица» (mittelbar. Beamte), обращаетъ главное вниманіе на то, отъ кого исходитъ призывъ къ несенію службы (Berufung zur Dienstleistung) [2]), большинство же рѣшаетъ этотъ вопросъ въ зависимости отъ того, кому несется служба [3]).

При разрѣшеніи этого вопроса, для опредѣленія круга возможныхъ виновниковъ должностныхъ преступленій болѣе важнымъ представляется выясненіе того, кто можетъ считаться посредникомъ (vermittelnde Glie-

---

въ виду превращеніе частно-правового отношенія въ публично-правовое или созданіе чисто публично-правового отношенія. Ср. Oppenhoff Anm. 6 zu § 359; Olshausen Anm. 7 zu § 359; особ. рѣш. XVI, 378; напротивъ Binding LB. II, 389, прим. 3; такимъ образомъ съ точки зрѣнія болѣе широкаго толкованія понятія должностного лица таковыми могутъ быть признаны всѣ тѣ, кто компетентнымъ органомъ государственной власти, путемъ формальнаго публично-правового акта или путемъ передачи верховныхъ функцій общимъ образомъ, призывается къ дѣятельности въ качествѣ органа государства, для осуществленія его цѣлей. Wachinger, ук. соч., стр. 239.

[1]) См. Meves, НН. III, 935.

[2]) Olshausen Anm. 5 a и 12 zu § 359.

[3]) Rüdorff Anm. 5 къ § 359; Oppenhoff Anm. 4 къ § 259; Binding LB. II, 392; Rheinbaben, ук. соч. стр. 24; Рѣш. RG. I, 153; III, 260; VII, 31 и сл. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что субъектъ опредѣляющій на службу, и субъектъ, въ интересахъ котораго исполняются служебныя обязанности, не всегда совпадаютъ, напр. назначаемый королемъ бургомистръ г. Франкфурта на Майнѣ. Wachinger, ук. соч. стр. 240.

der) при опредѣленіи на службу т. е. установленіи государственно-служебныхъ отношеній. Со времени разъясненія прусскаго правительства 1849 г. обыкновенно такое значеніе признается за союзами (Gemeinheit), подчиненными государству, органически входящими въ государственный строй и потому находящимися подъ наблюденіемъ и контролемъ государства т. е. за корпораціями публично-правоваго характера [1]). Къ числу такихъ посредниковъ (Mittelglied) отъ которыхъ можетъ исходить опредѣленіе на службу или въ пользу которыхъ можетъ быть отправляема служба, по мнѣнію Wachinger'a, слѣдуетъ прежде всего отнести: политическіе союзы, союзы общинъ, школьныя общины, учрежденія для призрѣнія инвалидовъ, кредитныя учрежденія, торговыя палаты, ремесленныя палаты, сельскохозяйственныя палаты, владѣльцевъ привилегированныхъ помѣстій [2]).

Помимо разсмотрѣнныхъ выше положительныхъ признаковъ, выработанныхъ доктриной и практикой для лучшаго выясненія понятія должностного лица, встрѣчаются указанія еще на рядъ другихъ признаковъ, которые однако не имѣютъ существеннаго значенія и которые Wachinger называетъ отрицательными («negative Begriffsmerkmale»). Такъ не имѣетъ существеннаго значенія самая форма опредѣленія на службу [3]), поэтому возможно опредѣленіе на службу даже съ помощью конклюдентныхъ

---

[1]) Frank Anm. II, Abs. 2 къ § 359; Рѣш. I, 153; XIV, 130; Rudorff Anm. 5 къ § 359; Oppenhoff Anm. 4 къ § 359. Но такое разъясненіе, по мнѣнію Wachinger'a, не достаточно полно, такъ какъ несомнѣнно, что публичнымъ корпораціямъ приравниваются также и отдѣльныя личности, какъ напр. владѣльцы исключительныхъ имѣній (exemter Güter) Рѣш. RG. VII, 210, а въ одномъ рѣшеніи RG. (XXIX, 188) понятіе «Gemeinheit» замѣнено болѣе общимъ понятіемъ «Mittelglied». Но Binding'a не удовлетворяетъ приведенная формула даже съ этимъ послѣднимъ измѣненіемъ и поэтому онъ предпочитаетъ для опредѣленія такого посредствующаго члена терминъ «abgeleiteter Träger der Staatsgewalt». Binding, LB. II, 392 zu Anm. 5. Простое наблюденіе со стороны государства еще не дѣлаетъ субъекта, находящагося подъ наблюденіемъ, посредствующимъ членомъ (Mittelglied), органически включеннымъ въ государственный строй или по терминологіи Binding'a, «abgeleiter Träger der Stantsgewalt». Binding LB. II, 393, Rheinbaben, ук. соч. стр. 12, Anm. 5; ERG. XXIX, 184.

[2]) Binding, LB. II, 392 и сл; Rheinbaben, ук. соч. стр. 23; Oppenhoff Anm. 31—35; Wachinger, ук. соч. стр. 241.

[3]) Olshausen Anm. 5 b zu § 359; Oppenhoff Anm. 8 zu § 359; Binding LB. II, 383.

дѣйствій [1]); напр. принесеніе присяги или утвержденіе могутъ служить основаніемъ для признанія человѣка принятымъ на службу [2]); нѣкоторые мѣстные законы устанавливаютъ особую форму опредѣленія на службу [3]), но если назначеніе на службу въ той или иной формѣ состоялось, то согласно опредѣленно выраженному въ § 359 положенію, совершенно безразлично, была принесена присяга или нѣтъ, хотя-бы принесеніе присяги и было обязательно [4]).

Не имѣетъ также значенія самый характеръ служебныхъ обязанностей. Нѣтъ такихъ обязанностей, которыя не могли бы дать содержаніе публичной должности или которыя были бы несоединимы съ публично-правовымъ служебнымъ отношеніемъ властвованія. Нельзя думать, что понятія должности и должностного лица должны быть непремѣнно связаны съ выполненіемъ какихъ-либо функцій верховенства (hoheitliche Funktionen); на должностное лицо могутъ быть возложены обязанности техническаго, хозяйственнаго или даже чисто механическаго характера; его дѣятельность можетъ имѣть самостоятельный, руководящій характеръ или только совѣщательный, она можетъ быть подготовительной или воспомогательной, можетъ быть высшей или низшей [5]).

Съ другой стороны нѣтъ и такихъ служебныхъ обязанностей, которыя составляли бы исключительную принадлежность государственной службы за исключеніемъ только развѣ «hoheitliche Funktionen», которыя неразрывны съ понятіемъ государственной должности. Не имѣетъ также существеннаго значенія срокъ службы; § 359 опредѣленно указываетъ, что назначеніе можетъ быть «auf Lebenszeit oder auf Zeit» [6]).

---

[1]) Рѣш. RG. XXVI, 437; Rechtspr. V, 328.
[2]) ERG. II, 189; IV, 214; XXIII, 405; XXIX, 230; Binding LB. II, 389.
[3]) ERG. XIV, 350; XIX, 180; XXII, 39.
[4]) Wachinger, ук. соч. стр. 242.
[5]) Olshausen Anm. 4 къ § 359; Frank Anm. III, 1 къ § 359; Hälschner, ук. соч. I, 404, Anm. 1; 407, Anm. 1; G. Meyer, ук. соч. Zorn, Das Staatsrecht d. Deut. Reichs, 2 Aufl. I, 294 (Beschränkung auf hoheitlichen Funkionem); Wachinger, ук. соч. стр. 242.
[6]) Olshausen Anm. 7 zu § 359; Oppenhoff Anm. zu § 359; Frank Anm III, zu § 359; Ent. V, 418; Laband, ук. соч. I, 407, Anm. 1.

Въ виду опредѣленнаго смысла закона не имѣетъ также значенія окончательный или условный (vorläufig) характеръ назначенія, равнымъ образомъ и порядокъ оплаты труда; существуютъ должности безплатныя, съ вознагражденіемъ поденно, по недѣльно, по мѣсячно, наконецъ, должности при которыхъ вознагражденіе имѣетъ видъ ренты [1]).

Согласно съ господствующимъ взглядомъ для отнесенія даннаго лица къ категоріи должностныхъ лицъ не имѣетъ рѣшающаго значенія подчиненіе его дисциплинарной власти государства, такъ какъ и при болѣе узкомъ толкованіи понятія должностного лица есть такія категоріи лицъ, на которыхъ простирается дисциплинарная власть государства, но которыя въ то же время не находятся съ государствомъ въ публично-правовомъ отношенія властвованія, какъ напр. приватъ-доценты; если же стать на точку зрѣнія болѣе широкаго толкованія понятія должностного лица, то среди лицъ, отнесенныхъ этимъ толкованіемъ къ категоріи должностныхъ, встрѣтятся такія. которыя не подчинены дисциплинарной власти государства, какъ напр. органы полиціи на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ [2]). Вопреки этому господствующему взгляду Wachinger находитъ, что въ Германіи не встрѣчается случаевъ такого публично-правоваго отношенія властвованія, на которое непростиралась-бы осуществляемая непосредственно или посредственно дисциплинарная власть государства [3]).

Наконецъ для уголовнаго суда не имѣетъ значенія, что какая-либо группа лицъ или отдѣльное лицо, на основаніи мѣстнаго законоположенія или случайно, но вопреки § 359 StGB. отнесено опредѣленно къ категоріи должностного лица или, напротивъ, исключена изъ этой категоріи; въ этомъ случаѣ слѣдуетъ

---

[1]) Olshausen, 10 zu § 359; Frank Anm. III, 5 zu § 359; Hälschner, ук. соч. II, 1031; Laband, ук. соч. I, 406; Wachinger, ук. соч. 242—243.

[2]) Binding LB. II, 984, Anm. 5; 387, Anm. 3; Oppenhoff Anm. 13 zu § 359.

[3]) Hälschner, ук. соч. II, 1032, прим. 1; Laband, ук. соч. I, 406; Wachinger, ук. соч. стр. 243.

обратить вниманіе на то, имѣетъ-ли мѣсто въ данномъ случаѣ опредѣленіе на службу или нѣтъ? [1]).

Такими чертами германская доктрина и судебная практика опредѣляютъ понятіе должностного лица (Beamte), субъекта должностныхъ преступленій. Для лучшаго выясненія этого понятія слѣдуетъ остановиться еще на отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, рѣшеніе которыхъ на почвѣ дѣйствующаго германскаго права представляетъ нѣкоторыя особенности:

a. Существуютъ предпріятія, въ которыхъ замѣшанъ общественный интересъ, но которыя обслуживаются исключительно свободнымъ частнымъ трудомъ и государство или совершенно устраняется отъ всякаго вмѣшательства или ограничивается въ крайнемъ случаѣ однимъ наблюденіемъ за его дѣятельностью, напр. баварскій союзъ для наблюденія за паровыми котлами, который обезпечиваетъ своимъ членамъ техническій надзоръ за ихъ котлами; одно наблюденіе государства еще не превращаетъ эти частныя учрежденія въ учрежденія государственныя и не дѣлаетъ служащихъ этихъ учрежденій должностными лицами [1]). Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и о служащихъ союзовъ для охраны животныхъ, частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ [2]), и частныхъ землевладѣльцевъ.

b. Не признаются должностными лицами такъ наз. «Diener des Publikums», т е. лица, доставляющія извѣстныя услуги обществу. Въ правильномъ отправленіи нѣкоторыхъ профессій государство бываетъ настолько заинтересовано, что считаетъ себя вынужденнымъ допускать къ отправленію ихъ только опредѣленныхъ лицъ или по крайней мѣрѣ указывать публикѣ тѣхъ лицъ, которыхъ оно считаетъ способными для отправленія занятій данной профессіи и заслуживающими довѣрія. Такъ поступаетъ государство по отношенію къ врачамъ, акушеркамъ, аптекарямъ, далѣе путемъ «offentliche Anstellung und Vereidigung» (§ 36 RGO.) по отношенію къ землевладѣльцамъ,

---

[1]) Binding LB. II, 391; Olshausen Anm. 7 zu § 359; Hälschner, ук. соч. II, 1032/3 Anm. 3; RGEnt. XXXI, 293; Wachinger, ук. соч. стр. 243.
[2]) RGEnt. XXIX, 184.
[3]) RGEntsch. X, 325; Wachinger, ук. соч. стр. 243—244.

аукціонистамъ, пробирерамъ, экспедиторамъ, вѣсовщикамъ, мѣрильщикамъ, браковщикамъ, надсмотрщикамъ, и т. п. Всѣ эти лица занимаются своей профессіей въ интересахъ публики; они могутъ превратится въ должностныхъ лицъ, если государство или какой-либо общественный союзъ (Gemeinde) признаютъ необходимымъ встать съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ въ публично-правовое отношеніе властвованія [1]).

c. Само по себѣ довольно спорное положеніе нотаріусовъ и повѣренныхъ опредѣленно разрѣшено въ положительномъ германскомъ правѣ путемъ отнесенія первыхъ къ должностнымъ лицамъ, а вторыхъ къ носителямъ общественныхъ обязанностей; повѣренный, входящій въ составъ какого-либо учрежденія, въ качествѣ юрисконсульта (Syndikus), дѣлается должностнымъ лицомъ. Третейскаго судью законодатель также относитъ къ носителямъ общественныхъ обязанностей и даже къ органамъ правосудія; такой взглядъ на третейскаго судью, по замѣчанію Wachinger'a, стоитъ въ несоотвѣтствіи съ его современнымъ положеніемъ [2]).

d. Изъ круга должностныхъ лицъ исключаются также тѣ, кто получаетъ отъ какого-либо учрежденія порученіе, имѣющее въ виду исключительно интересы отдѣльныхъ лицъ; таковые напр. попечители конкурса, опекуны [3]).

e. Придворные чины не могутъ считаться должностными лицами, такъ какъ они служатъ монарху не какъ главѣ государства, а какъ частному лицу; только при совмѣщеніи придворнаго званія съ какой-либо государственной службой они дѣлаются должностными лицами [4]).

f. Лица духовнаго званія и должностныя лица церкви служатъ прежде всего церкви, которая съ точки зрѣнія германскаго государственнаго устройства не

---

[1]) Oppenhoff Anm. 45 zu § 359; RGEntsch. LVIII, 37; XXIX, 189; XX, 70; Goltd. Archiv. XL, 157; Binding, LB. II, 389 Anm. 2.

[2]) Laband, ук. соч. I, 403; Katzenstein, Z. f. Str. R. W. Bd. 23, стр. 196; Oppenheim, Rechtsbeugung, стр. 5 прим. 9; стр. 198 и слѣд.; Hälschner, ук. соч. II, 1073; Binding, LB. II, 564; Olschausen Anm. 6 zu § 334; Anm, 1 b zu § 336.

[3]) Oppenhoff Anm. 38 zu § 359; RGEnsch. XIX, 85.

[4]) Olshausen Anm. 14 zu § 359; Binding LB. II, 390 и слѣд.

является государственнымъ учрежденіемъ; въ виду этого они не считаются ни должностными лицами, ни лицами, несущими государственную службу (Inhaber eines Staatsamts). Но спорнымъ представляется вопросъ, подходитъ ли дѣятельность, посвященная церкви, подъ понятіе общественной службы въ смыслѣ § 31 StGB.? [1]).

Спорно также, могутъ ли лица духовнаго званія и церковныя должностныя лица, въ виду лежащихъ на нихъ обязанностей по завѣдыванію церковнымъ имуществомъ, считаться должностными лицами въ смыслѣ § 359 StGB.? R.G. разрѣшилъ этотъ вопросъ по отношеніи къ Пруссіи и Баваріи въ утвердительномъ смыслѣ въ виду того, что по мѣстнымъ законамъ управленіе церковнымъ имуществомъ признается государственной задачей и церковныя общины въ отношеніи управленія имуществомъ разсматриваются, какъ публично-правовыя корпораціи [2]).

Не вызываютъ сомнѣній, напротивъ, тѣ случаи, когда духовныя лица привлекаются государствомъ для выполненія какихъ-либо духовныхъ или свѣтскихъ обязанностей и между ними и государствомъ устанавливается публично-правное отношеніе властвованія; когда напр. духовные назначаются преподавателями, школьными наблюдателями, или въ какія-либо государственныя или общинныя учрежденія, въ военныя части; во всѣхъ такихъ случаяхъ должностной характеръ духовныхъ лицъ мало кѣмъ оспаривается [3]).

g. Члены парламента, представители общинъ, земскихъ собраній и т. п. дѣйствуютъ на основаніи принадлежащаго имъ въ силу конституціи права, какъ представители населенія имперіи или данной мѣст-

---

[1]) Olshausen Anm. 7 zu § 31; Binding LB. II, 380, особ. прим. 2; Entsch. R. G. X, 199.

[2]) Oppenhoff Anm. 28/9 къ § 359.

[3]) Meves HH. III, 937; Oppenhoff Anm. 28 zu § 359. Особнякомъ стоитъ только мнѣніе Binding'a, который отрицаетъ должностной характеръ даже за тѣми церковными должностными лицами, которыхъ мѣстное законодательство опредѣленно относитъ къ должностнымъ лицамъ. Binding LB. II, 378 и слѣд., особ. 379 Anm. 3 и 4. Wachinger признаетъ этотъ взглядъ далеко не безспорнымъ и указываетъ, что Binding не отрицаетъ должностного характера за придворными чинами, состоящими въ тоже время на государственной службѣ; ук. соч. стр. 247.

ности и потому, хотя ихъ дѣятельность посредственно или непосредственно направлена къ государственнымъ цѣлямъ, единодушно исключаются изъ категоріи должностныхъ лицъ [1]).

h. Лица, отбывающія воинскую повинность, хотя и находятся къ государству въ публично-правовомъ отношеніи властвованія, тѣмъ не менѣе никѣмъ не причисляются къ должностнымъ лицамъ; ихъ служба покоится на всеобщей воинской повинности гражданъ. Напротивъ гражданскіе чины военнаго вѣдомства (неимѣющіе военныхъ чиновъ), равно какъ и военные чиновники (Militärbeamten) вполнѣ подходятъ подъ понятіе должностного лица въ см. § 359; тоже самое слѣдуетъ сказать о «Berufsoffizieren» и «Kapitulanten». Напротивъ, спорнымъ представляется вопросъ объ офицерахъ запаса и ополченія (ReserveLandwehroffizieren). На основаніи § 145 M. Str.GB. солдаты, при порученіи имъ завѣдыванія какой либо отраслью въ управленіи военномъ или морскомъ, могутъ быть привлечены къ отвѣтственности по обвиненію въ должностныхъ преступленіяхъ [2]).

h. Многочисленныя категоріи лицъ, несущихъ общественную службу (Inhaber von Aemtern) въ области судебной дѣятельности (шеффены, присяжные, засѣдатели въ промысловыхъ, консульскихъ и колоніальныхъ судахъ) и въ области государственнаго и общественнаго управленія (члены раскладочныхъ комиссій, представители предпринимателей и рабочихъ въ учрежденіяхъ для обезпеченія инвалидовъ, избранные члены провинціальныхъ совѣтовъ, окружныхъ и уѣздныхъ комиссій и т. п.) хотя и несутъ свою службу въ силу требова-

---

[1]) Oppenhoff, Anm. 39 zu § 359; Hälschner, ук. соч. II, 1034; Binding LB. II, 391, Ziff. IX; Rheinbaben, ук. соч. стр. 29 и слѣд.

[2]) Olshausen Anm. 1 и 8a zu § 359; Oppenhoff Anm. 49 zu § 359; Frank, Anm. II Abs. 1 zu § 359; R. M. G. V, 210; Laband, ук. соч. § 106 (4 Aufl. IV, 175); Binding LB. II, 386; O. Mayer (Deut. Verwaltungsrecht, II, 214) напротивъ указываетъ, что они по меньшей мѣрѣ занимаютъ мѣсто должностныхъ лицъ. H. Schneider (Die rechtliche Natur des Offizierdienstes 1906 г.)—признаетъ должностными лицами всѣхъ офицеровъ. Ensch. XXIII, 17—признаетъ офицеровъ запаса должностными лицами. Должностными лицами признаются также Landgendarmen (Landjäger). Hälschner, ук. соч. II, 1031; Binding LB. II, 386.

ній закона, тѣмъ не менѣе ихъ повинность отличается отъ общей воинской повинности тѣмъ, что вмѣсто непосредственнаго принужденія къ службѣ, здѣсь дѣйствуетъ только угроза невыгодными послѣдствіями за отказъ, такъ что исполненіе этихъ обязанностей имѣетъ характеръ добровольный. [1]).

Признаніе всѣхъ перечисленныхъ категорій лицъ должностными или наоборотъ зависитъ, по мнѣнію Wachinger'a, отъ самаго толкованія понятія должностного лица: при болѣе строгомъ толкованіи большинство ихъ не подойдетъ подъ это понятіе, напротивъ—при толкованіи болѣе широкомъ большая часть этихъ лицъ должна быть признана должностными. Hälschner находитъ, что вопросъ долженъ быть разрѣшаемъ на основаніи положительнаго права, такъ какъ невозможно установить какое-либо общее правило [2]).

і) Министры безусловно должны быть признаны должностными лицами; наравнѣ съ прочими должностными лицами они подчиняются общимъ правиламъ о должностныхъ преступленіяхъ [3]).

Говоря о должностныхъ лицахъ, какъ возможныхъ субъектахъ должностныхъ преступленій, законъ имѣетъ въ виду лишь германскихъ (inländische) должностныхъ лицъ; это заключеніе вытекаетъ изъ словъ § 359: «im Dienste des Reichs, oder in unmittelbarem oder mittelbarem Dienste eines Bundesstaats» [4]), но самое дѣяніе можетъ быть учинено и за предѣлами Германіи; отъ этого оно не перестаетъ быть преступнымъ и наказуемымъ [5]).

Итальянское уложеніе перечисляя возможныхъ виновниковъ должностныхъ преступленій, указываетъ,

---

[1]) Binding не признаетъ эти категоріи лицъ должностными на томъ основаніи, что ихъ обязанности покоятся на требованіи закона, а не на основанномъ соглашеніи (Rechtsgeschäft), но въ тоже время сенаторовъ г. Гамбурга Binding считаетъ должностными лицами, хотя отказъ отъ этого званія также не допустимъ. Binding LB. II, 386 и сл.; Olshausen, Anm. 8 a zu § 359; Frank, Anm. II A. s. 1 zu § 359.

[2]) Hälschner, ук. соч. II, 1032; Срав. Rheinbaben, ук. соч. 26 стр. и 29 стр. Wachinger, ук. соч. стр. 248.

[3]) Wachinger, ук. соч. стр. 248—249.

[4]) Olshausen Anm. 8 zu § 31; Anm. 2 Abs. III zu § 359; Binding LB. II, 373; Rudorff Anm. 4 zu § 359; Hälschner, ук. соч. II, 1035.

[5]) Frank Anm. III 2 b zu § 4 и 5; См. Wachinger, ук. соч. стр. 234—235.

кого оно считаетъ должностными лицами. Согласно art. 207 должностными лицами признаются:

1. Лица, облеченныя хотя бы временно, публичными функціями (funzione), платными или безплатными, по службѣ государственной, провинціальной или общинной [1]) или по службѣ учрежденій, состоящихъ въ силу закона подъ охраной (tutela) государства или общины [2]);

2. Нотаріусы;

3. Агенты публичной власти и должностныя лица, исполнительные судебные органы, состоящія при судебномъ сословіи [3]).

Къ должностнымъ лицамъ приравнены присяжные, третейскіе судьи, эксперты, переводчики и свидѣтели на то время, когда они призваны для выполненія своихъ обязанностей (art. 207), а въ силу art. 284 также лица, уполномоченныя къ составленію документовъ, за коими законъ признаетъ оффиціальное значеніе [4]).

Помимо выраженія закона «на службѣ государства и т. д.», указывающаго, по господствующему взгляду, на отношеніе зависимости, возбуждаетъ недоразумѣніе также выраженіе «облеченіе публичными функціями». Сравненіе текста art. 207, 194 и 396 приводитъ къ установленію различія двухъ понятій—«funzione pubblica» съ одной стороны и «servizio pubblico»—съ другой. Согласно господствующему въ практикѣ воззрѣнію «funzione pubblica» имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда лицо является представителемъ государственной власти т. е. когда оно призвано закономъ дѣйствовать по своей

---

[1]) Выраженіе «на службѣ государственной и т. п. указываетъ на моментъ зависимости отъ государства и т. д. Crivellari, VI, 366; contra Cialfi, ук. соч. стр.

[2]) Таковы учрежденія благотворительныя, частныя желѣзно-дорожныя общества. Зак. говоритъ о «tutela», почему одного надзора (vigilanza) со стороны государства, по мнѣнію судебной практики, недостаточно, поэтому напр. служащій въ частномъ банкѣ не можетъ быть отнесенъ къ должностнымъ лицамъ.—Crivellari, IV, стр. 367, 390.

[3]) Подъ агентами публичной власти подразумѣваются, по мнѣнію Cisotti (Suppl. alla Riv. pen., I, 340 и слѣд.), тѣ должностныя лица, которыя призываются для насильственнаго пресѣченія и подавленія случаевъ сопротивленія государственной власти или закону.

[4]) Для уразумѣнія art. 207 необходимо также обратить вниманіе на art.art. 130, 146, 187, 197 и 396, гдѣ говорится о посягательствахъ противъ должностныхъ лицъ.

иниціативѣ сообразно съ обстоятельствами, по своей иниціативѣ принимать соотвѣтствующія мѣры, дабы фактически осуществить государственный законъ или имѣющее силу закона опредѣленіе [1]).

Напротивъ, Impallomeni понимаетъ «облеченіе публичными функціями», только какъ «законное порученіе принимать мѣры для удовлетворенія общественной потребности»; такъ что, по мнѣнію Impallomeni, для состава разсматриваемаго понятія не требуется ни самостоятельнаго осуществленія государственной власти, ни дѣятельности распорядительной [2]), поэтому подъ понятіе должностного лица могутъ подойти секретарп, счетчики и органы чисто исполнительные.

Что же касается «servizio pubblico», то подъ это понятіе подойдетъ:

1) служба, покоящаяся не на общихъ требованіяхъ закона, но на случайныхъ требованіяхъ общественной нужды (такова напр. служба воспомогательнаго персонала въ кабинетѣ министра, чистильщиковъ улицъ, ловцовъ собакъ и т. п.);

2) воспомогательная служба при учрежденіяхъ, какъ напр. курьеры, швейцары и т. п.

Такимъ образомъ признакъ, разграничивающій два понятія: «funzione pubblica» и «servizio pubblico», коренится въ самомъ характерѣ дѣятельности, установленіе этого развитія несомнѣнно способствуетъ суженію круга возможныхъ виновниковъ должностныхъ преступленій и освобожденію ряда служащихъ лицъ отъ особой отвѣтственности, установленной для должностныхъ лицъ [3]).

---

[1]) Crivellari, IV, 368; Cialfi, ук. соч. стр. 138, 141.

[2]) Impallomeni—Supplem. alla Riv. pen. II, 342.—Il Codice pen. ital. illustrato, Vol. II, 235.

[3]) Возбуждалъ сомнѣніе вопросъ о подведеніи подъ указанное понятіе должностного лица народныхъ представителей, духовныхъ и военныхъ. Въ литературѣ является господствующимъ взглядъ, что *члены парламента* не могутъ считаться должностными лицами въ смыслѣ уголовнаго законодательства. Въ подтвержденіе этого взгляда ссылаются не только на исторію возникновенія art. 207, но также и на то, что въ рядѣ ст. (art. 146, 187, 194) члены парламента указываются рядомъ съ должностными лицами. Кромѣ того для понятія должностного лица требуется, какъ это было указано выше, отношеніе зависимости и дѣятельности въ сферѣ исполнительной власти: оба эти условія отсутствуютъ въ положеніи чле-

При обсужденіи проекта уложенія было замѣтно стремленіе въ качествѣ главнаго признака должностныхъ лицъ выставить «облеченіе общественными функціями», а не моментъ назначенія, но вслѣдствіе особаго упоминанія о присяжныхъ (art. 207, abs. II) оказалось, что слова «на службѣ государства и т д.» пришлось понимать въ смыслѣ существованія въ положеніи должностного лица особыхъ отношеній зависимости [1]).

Для *англійскаго* права опредѣленіе должностного лица даетъ J. E. Stephen [2]), признающій «public officer» тѣхъ, кто надѣленъ властью и обязанъ закономъ исполнять общественную обязанность; подъ это понятіе не подходятъ члены парламента, духовныя лица, армія и флотъ. Это же опредѣленіе было внесено J. F. Stephen'омъ въ III t. X cap. 69 s. проекта уложенія 1878 г.; въ послѣдующихъ проектахъ это опредѣленіе отсутствовало. Данное Stephen'омъ опредѣленіе обнимало всѣхъ носителей общественной власти, независимо отъ того, служитъ-ли онъ государству непосредственно или посредственно, призваны-ли они къ службѣ назначеніемъ, избраніемъ или требованіемъ закона, находятся

новъ парламента (Crivellari, VI, 375 и слѣд.). Вопреки указанному господствующему мнѣнію *Bertolini* (Riv. pen. XXXVII, стр. 329 и сл.) полагаетъ, что члены парламента вполнѣ подходятъ подъ понятіе должностного лица и итальянская палата депутатовъ встала на эту точку зрѣнія въ 1893 г. въ дѣлѣ Zerbi, допустивъ возбужденіе преслѣдованія за взяточничество и должностное присвоеніе. Относительно членовъ общинныхъ совѣтовъ *Tosatti* (Riv. pen. XXXVII, стр. 526 и слѣд.), отрицающій за членами парламента значеніе должностного лица, держится противоположнаго взгляда на томъ основаніи, что при господствѣ въ государствѣ начала раздѣленія властей, палаты почти не принимаютъ никакого участія въ управленіи, между тѣмъ какъ община является лишь пространственно ограниченнымъ округомъ центральной власти и ея дѣятельность представляется въ полномъ смыслѣ дѣятельностью административной. *Духовныя лица* вообще не могутъ быть признаны должностными, господствующій въ литературѣ и практикѣ взглядъ дѣлаетъ исключеніе лишь для настоятелей приходовъ, какъ лицъ, ведущихъ списки родившихся и т. д.. но противъ этого возражаетъ Azzolini (Supplem. alla Riv. pen. III. 301 и слѣд.; 321 и слѣд.), указывающій на то, что лица, составляющія документы, за исключеніемъ нотаріусовъ, упомянуты особо въ въ art. 284. Къ должностнымъ лицамъ относится не только командующій составъ арміи, но даже и солдаты, какъ скоро они несутъ какія либо общественныя обязанности, напр. караульную службу или выступаютъ по требованію гражданскихъ властей. Crivellari причисляетъ ихъ къ агентамъ публичной власти (VI, 379); см. также Cialfi, ук. соч. стр. 148.

[1]) Wachinger, ук. соч. стр. 277—282.

[2]) III T. 11 Кар. 123 Art.

они или нѣтъ въ особыхъ служебныхъ отношеніяхъ къ государству.

III.

Въ заключеніе разсмотрѣнія положительнаго права остановимся на отношеніи къ вопросу о субъектѣ должностного преступленія нашего отечественнаго законодательства.

Съ точки зрѣнія нашего дѣйствующаго законодательства различается служба государственная или служба по опредѣленію отъ правительства (т. III, ч. 1, по изд. 1896 г.) и «исполненіе обязанностей по государственному управленію»; «ближайшее изученіе III т. Св. Зак., замѣчаетъ Лазаревскій, показываетъ, что можно занимать должность по назначенію отъ правительства, не пользуясь въ тоже время правами государственной службы, и наконецъ, что можно вовсе не занимать никакой должности, но считаться на государственной службѣ и пользоваться всѣми сопряженными съ государственной службой правами» [1]).

Въ Россіи пользуются правами государственной службы, хотя и не занимаютъ никакой должности и вообще могутъ не нести никакихъ служебныхъ обязанностей напр. лица «причисленныя» къ тому или другому учрежденію; наоборотъ, не пользуются правами государственной службы, хотя и несутъ должностныя обязанности, всѣ служащіе на должностяхъ коронной службы «по вольному найму», затѣмъ занимающіе нѣкоторыя коронныя должности, но почему либо признаваемыя менѣе почетными, (напр по казенной продажѣ питей), и служащіе въ органахъ самоуправленія Точно также не пользуются правами государственной службы всѣ тѣ, на кого падаетъ лишь временное исполненіе какихъ-либо функцій власти, напр. присяжные засѣдатели.

Такимъ образомъ существуетъ несоотвѣтствіе между понятіями: «должности государственной службы» и

---

[1]) Лазаревскій, Лекціи по русскому госуд. праву, т. II, ч. I, стр. 77.

«должности по государственному управленію»; лица, занимающія эти послѣднія, не считаются состоящими на государственной службѣ, напр. волостныя старшины, мѣщанскіе старосты; состоящими на государственной службѣ являются лишь первые—занимающіе должности государственной службы. Должностями государственной службы признаются прежде всего всѣ штатныя или классныя должности т. е. созданныя законодательными актами и при этомъ перечисленныя въ штатѣ даннаго учрежденія и положенныя закономъ въ тотъ или иной классъ; затѣмъ—нѣкоторыя должности управленія общественнаго, относительно которыхъ въ законѣ имѣется прямое постановленіе, предоставляющее имъ права государственной службы; таковы должности, замѣщаемыя по выборамъ отъ дворянства (Св. Зак. т. IX Зак. о сост. ст. 317), предсѣдатели и члены земскихъ управъ (Св. Зак. т. II Пол. о зем. учр. ст. 124) и городскіе головы, члены городскихъ управъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ и городскіе секретари (Св. Зак. т. II, Город. Пол ст. 121).

Нельзя сказать, чтобы лица, занимающія должности государственной службы, являлись всегда носителями власти, а лица, занимающія должности по государственному управленію никакой государственной власти не осуществляли: волостному старшинѣ несомнѣнно принадлежитъ извѣстная доля государственной власти и во всякомъ случаѣ большая, чѣмъ какому-либо департаментскому писцу, между тѣмъ какъ первый не занимаетъ должности государственной службы, а второй занимаетъ. Такое несоотвѣтствіе двухъ видовъ должностей и двухъ категорій служащихъ можетъ быть объяснено исторически. «Тѣ категоріи должностей, замѣчаетъ Лазаревскій, которыя имѣлись въ виду законами второй четверти XIX столѣтія, а равно тѣ должности, которыя по существу своему не отличаются отъ коронныхъ должностей того времени (напр. столоначальники въ министерствѣ торговли и промышленности, учрежденныя въ 1896 г.) подошли подъ понятіе должностей государственной службы; что же касается должностей, которыя являются чѣмъ то принципіально но-

вымъ, какъ напр. органы самоуправленія, то они оказались не вполнѣ подходящими подъ старыя рамки и старыя мѣрки и первоначально законъ рѣшительно отказывалъ имъ въ характерѣ должностей государственной службы, а если теперь за отдѣльными должностями этого рода права государственной службы и признаются, то не иначе, какъ на основаніи прямого о томъ спеціальнаго постановленія закона» [1]).

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія нашего законодательства должностнымъ лицомъ-чиновникомъ является не только человѣкъ, занимающій должность государственной службы, но также и лицо, «служащее по опредѣленію отъ правительства», независимо отъ занятія какой либо должности. Наиболѣе характернымъ моментомъ для понятія чиновника наше право признаетъ слѣдовательно состояніе на государственной службѣ; свойство служебныхъ обязанностей и срокъ службы, условія вознагражденія не имѣютъ рѣшающаго значенія. Но относительно порядка преслѣдованія и условій отвѣтственности съ должностными лицами въ указанномъ смыслѣ нашъ законъ и судебная практика уравниваетъ много другихъ лицъ, отправляющихъ обязанности по службѣ государственной и общественной, вслѣдствіе чего фактически понятіе должностного лица значительно расширяется сравнительно съ тѣмъ понятіемъ, какое можетъ быть выведено изъ постановленій законодательства.

Уложеніе о наказаніяхъ, чуждое вообще какихъ либо теоретическихъ опредѣленій, не знаетъ и опредѣленія должностного лица; мало того, оно не имѣетъ даже опредѣленнаго термина и пользуется наименованіями самыми разнообразными для опредѣленія виновниковъ должностныхъ преступленій; число этихъ наименованій достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ. Наиболѣе часто для опредѣленія субъекта преступленія законъ говоритъ вообще о «виновномъ»; затѣмъ довольно часто законъ употребляетъ выраженіе «должностное лицо»; этотъ терминъ замѣняется и ставится иногда

---

[1]) Лазаревскій, ук. соч. стр. 80, пр. 1.

рядомъ съ выраженіемъ «чиновникъ» (ст. 338—340, 343); другими болѣе общими терминами, употребляемыми сравнительно рѣже, являются: «лицо, состоящее на службѣ государственной или общественной» (ст. 346, 372, 392), «вообще сстоящее на службѣ» (ст. 354) и т. п. По системѣ, усвоенной уложеніемъ о наказаніяхъ изъ партикулярныхъ нѣмецкихъ кодексовъ, преступленія и проступки по службѣ государственной и общественной раздѣляются на два рода: одни изъ нихъ могутъ быть учиняемы всѣми категоріями служащихъ (гл. 1—10 разд. V), другіе-же—только отдѣльными группами. Для опредѣленія возможныхъ виновниковъ этого второго рода должностныхъ преступленій законодатель пользуется спеціальными наименованіями и говоритъ о желѣзно-дорожныхъ служащихъ (ст. 384[2]). чинахъ полиціи (430 и др.), землемѣрахъ (436, 438—441, 443, 444), чиновникахъ монетнаго двора (569—578), чиновникахъ и служителяхъ соляного управленія (653—661), почтальонахъ (1107, 1108, 1120, 1132), маклерахъ (1300 и слѣд.). диспашерахъ (1339—1345) и друг. [1]).

При выясненіи природы преступнаго дѣянія и характера виновника судебная практика исходила изъ объясненій, содержащихся въ 3-мъ раздѣлѣ III книги у. уг. с. (изд. госуд. канц.), гдѣ между прочимъ было сказано, что установляя нѣкоторыя особенности въ порядкѣ производства уголовныхъ дѣлъ по преступленіямъ должности, законодатель имѣлъ въ виду исключительно органы государственной власти, установленные для охраненія силы законовъ и общественнаго порядка. Такими представителями власти, какъ это явствуетъ изъ помѣщенныхъ въ Св. Зак. уставовъ о гражданской службѣ и положеній о различнаго рода учрежденіяхъ какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ и сословныхъ, являются только тѣ власти и должностныя лица, которыя прямо въ этихъ уставахъ и учрежденіяхъ указаны какъ власти и лица, дѣятельность которыхъ

---

[1]) Въ отдѣлѣ «О преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ государственной и общественной» улож. о нак. встрѣчаются два случая возможной отвѣтственности юридическихъ лицъ, такъ ст.ст. 337 и 1078 говорятъ объ отвѣтственности *мѣстъ* и лицъ.

вращается въ сферѣ охраненія государственнаго и общественнаго порядка и управленія (О. С. $^{80}/_{26}$ $^{98}/_{24}$).

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія судебной практики должностнымъ лицомъ является конечно прежде всего лицо, которое въ качествѣ такового указано въ соотвѣтствующемъ пунктѣ законодательства. Такъ напр. раввины и ихъ помощники признаются должностными лицами, такъ какъ въ ст. 1083 и 1084 и прим. I къ ст. 1086 т. XI объ управленіи духовныхъ дѣлъ евреевъ прямо указано, что въ должности эти назначаются евреи по общественымъ выборамъ единовѣрцевъ и утверждаются въ нихъ губернскимъ начальствомъ. Въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ Сената въ качествѣ признака, обусловливающаго должностной характеръ лица, указывается утвержденіе даннаго лица извѣстнымъ установленнымъ въ законѣ порядкомъ (Опр. С. Пр. 16 нояб. 1887 г. №№ 7787 и 7789, 24 мая 1893 г. № 4309), въ другихъ—одно назначеніе подлежащей властью, безъ послѣдующаго утвержденія (опр. С. Пр. 27 февр. 1878 г. № 1827; 26 мая 1890 г. № 4800; 18 марта 1891 г. № 2907) [1]). Но затѣмъ, по взгляду судебной практики, при опредѣленіи характера преступленія надлежитъ руководствоваться соображеніемъ о свойствѣ самаго дѣйствія (С. Пр. 16 сент. 71 г. № 6654); дѣяніе лица не можетъ быть признано преступнымъ по должности исключительно лишь вслѣдствіе того, что лицо это состоитъ на государственной службѣ, но для признанія таковымъ необходимо, чтобы между означеннымъ дѣяніемъ его и условіями государственной службы существовала тѣсная связь, при которой дѣяніе вытекало бы изъ свойства государственной службы и составляло-бы нарушеніе ея обязанностей (О. С. $^{91}/_{9}$), и лицо, виновное въ преступныхъ дѣйствіяхъ, имѣющихъ характеръ дѣйствій по государственной или общественной службѣ, хотя-бы на службѣ и не состояло, приравнивается къ должностнымъ лицамъ.

---

[1]) Но частное лицо, по *добровольному соглашенію* со стражей принявшее на себя обязанность покараулить арестанта, въ случаѣ побѣга послѣдняго, не можетъ быть привлекаемо къ отвѣтственности по 452 ст. ул. о нак. (Опр. С. Пр. 21 февр. 1874 г. № 1713).

Опираясь на указанныя свойства дѣяній практика признала возможными виновниками должностныхъ преступленій и такимъ образомъ приравняли къ должностнымъ лицамъ:

1) вольнонаемныхъ волостныхъ писарей (С. Пр. 24 мая 73 г. № 4350, У. К. $^{70}/_{335}$, $^{71}/_{812}$), помощника волостного писаря (У. К. $^{76}/_{135}$), письмоводителей уѣзднаго исправника (С. Пр. 16 сент. 71 г. № 6654); воинскаго присутствія (С. Пр. 8 янв. 79 г. № 319), писаря исправительнаго арестантскаго отдѣленія (У. К. $^{73}/_{554}$), смотрителя сельской тюрьмы, хотя и неутвержденныхъ въ означенной должности (С. Пр. 15 ноября 1881 г. № 9161);

2) казаковъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ и лишь временно прикомандированныхъ къ городской полиціи (С. Пр. 21 мая 92 г. № 4409), всадниковъ Карской милиціи (О. С. $^{97}/_{3}$), казачьи команды, несущія полицейскія службы въ инородческихъ степяхъ Ставропольской губ. (О. С. $^{97}/_{23}$), полицейскихъ приказныхъ въ землѣ войска Донского (С. Пр. 15 янв. 79 г. № 534), поселковыхъ атамановъ (С. Пр. 12 февр. 1879 г. № 1455 и др.).

3) служащихъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, независимо отъ того пользуются они правами государственной службы или служатъ по вольному найму, такъ какъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ они являются представителями казеннаго управленія и хранителями казеннаго имущества (О. С. $^{904}/_{5}$; У. К. $^{906}/_{10}$, $^{902}/_{18}$);

4) вольнопрактикующихъ врачей — при учиненіи дѣяній, относящихся къ ихъ профессіональной дѣятельности (С. Пр. 9 апр. 79 г. № 3021);

5) духовныхъ лицъ нехристіанскихъ исповѣданій за нарушеніе ими служебныхъ обязанностей, не относящихся къ области духовныхъ дѣлъ (С. Пр. 16 ноября 87 г. № 7787 и 7789 и С. Пр. 17 окт. 94 г. № 7521), а также и раввиновъ—при учиненіи преступленій и проступковъ, совершенныхъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, не относящихся до еврейской вѣры (С. Пр. 17 февр. 92 г. № 1886; 30 ноября 92 г.

№№ 8945 и 8496 (8946?); 22 мая 92 г. № 4407; 24 мая 93 г. № 4309);

6) пожарныхъ старостъ и мѣстныхъ сторожей казенныхъ лѣсовъ, независимо отъ порядка назначенія (С. Пр. 28 окт. и 11 ноября 71 г. №№ 7922, 8344; У. К. $^{68}/_{838}$, $^{69}/_{178}$, $^{97}/_{22}$, $^{69}/_{175}$) [1]);

7) сельскихъ обывателей, назначенныхъ подлежащей законной властью сопровождать арестантовъ (С. Пр. 27 февр. 78 г. № 1827, 20 окт. 86 г. № 6524, 11 дек. 89 г. № 9713, 10 дек. 96 г. № 10516, 26 мая 90 г. № 4800, 18 марта 91 г. № 2907);

8) уполномоченныхъ ярмарочнаго купечества (С. Пр. 1 дек. 86 г. № 7738).

Напротивъ, не признаются должностными лицами:

1) домохозяева—участники сельскаго схода (С. Пр. 21 окт. 82 г. № 8187);

2) опекуны, въ случаяхъ совершенія или какихъ либо преступныхъ по опекѣ дѣйствій (С. Пр. 12 мая 81 г. № 3563; О. С. $^{90}/_{20}$);

3) выборные ремесленнаго сословія, незанимающіе должностей по сословному управленію (С. Пр. 20 марта 89 г. № 2565);

4) члены еврейскихъ духовныхъ правленій, казначеи и старосты еврейскихъ молитвенныхъ домовъ и члены божничаго надзора (О. С. $^{98}/_{24}$; С. Пр. 17 февр. 92 г. № 1485; 22 мая 92 г. № 4392; У. К. $^{88}/_{8}$).

5) директоры тюремныхъ комитетовъ и ихъ отдѣленій (С Пр. 12 апр. 82 г. № 3037);

6) завѣдующіе земельными участками крестьянскаго поземельнаго банка (О. С. $^{95}/_{33}$);

7) церковные старосты (О. С. $^{80}/_{26}$);

8) посредники третейскаго суда (О. С. $^{95}/_{27}$).

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія нашего законодательства возможными субъектами должностныхъ преступленій являются или спеціально указанныя въ самомъ текстѣ закона должностныя лица или лица, при-

---

[1]) Но лѣсные сторожа удѣльныхъ станичныхъ и общественныхъ лѣсовъ (С. Пр. 19 ноября 84 г. № 8124, 18 янв. 88 г. № 448, 28 янв. 91 г. № 881, 20 марта 89 г. № 2571, 10 дек. 90 г. № 10507) не признаются должностными лицами.

равниваемыя должностнымъ въ силу характера отправляемыхъ ими обязанностей [1]).

На такой же точкѣ зрѣнія первоначально стояла и комиссія по составленію проекта новаго уголов. улож., полагавшая, что «введеніе въ угол. улож. опредѣленія понятія служащаго было-бы едва-ли практично въ виду трудности обнять одной и той же формулой всю пеструю массу различныхъ органовъ власти,—и едва-ли вызывается потребностями уголовнаго правосудія, ибо и предъ уголовнымъ судомъ служащимъ въ государственной и общественной службѣ долженъ быть почитаемъ: 1) только тотъ, кто считается не частнымъ лицомъ, а органомъ власти на основаніи общаго устава о службѣ или же спеціальнаго устава, учрежденія, и вообще на основаніи законовъ общихъ или спеціальныхъ для даннаго вѣдомства, установленія, общества или для данной группы лицъ, а 2) всякій, законнымъ порядкомъ уполномоченнй на совершеніе какого-либо дѣйствія въ порядкѣ управленія, хотя бы онъ не состоялъ на службѣ» [2]). Но затѣмъ комиссіи пришлось отказаться отъ своего первоначальнаго плана и внести соотвѣтствующее опредѣленіе «служащаго» въ самый текстъ уложенія, которое съ нѣкоторыми измѣненіями вошло и въ окончательную редакцію закона; именно ст. 636, ч. 4 говоритъ: «служащимъ почитается всякое лицо, несущее обязанности или исполняющее временное порученіе по службѣ государственной или общественной, въ качествѣ должностного лица, или полицейскаго или иного стража или служителя или лица сельскаго или мѣщанскаго управленія».

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія этого опредѣленія возможными виновниками должностныхъ преступленій являются прежде всего должностныя лица, затѣмъ полицейскіе и иныя стражи, служители и служащія лица сельскаго и мѣщанскаго управленія. Терминомъ «должностное лицо» законъ имѣетъ въ виду обнять всѣхъ

---

[1]) См. С. Пр. 17 окт. 1883 г. № 6491 признавшаго должностной характеръ за лицомъ, исполнявшимъ обязанности сотскаго, безъ установленнаго назначенія.

[2]) Объясн. Зап т. VIII, стр. 17.

тѣхъ служащихъ, которые входятъ въ составъ правительственныхъ или общественныхъ установленій въ качествѣ представителей власти въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ дѣйствующее улож. о нак. въ ст.ст. 285 и 286, именуя ихъ «чиновникамм». Второй же терминъ—«полицейскій или иной стражъ или служитель»—долженъ обнимать служащихъ низшаго порядка въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ уставъ о нак. въ ст. 31, именуя ихъ полицейскими или другими стражами, служителями судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, полевыми и лѣсными сторожами, должностными лицами волостного или станичнаго и сельскаго или хуторскаго управленія (за исключеніемъ однако, волостныхъ старшинъ и лицъ, занимающихъ соотвѣтственныя должности), желѣзно-дорожными сторожами или другими агентами желѣзно-дорожнаго управленія. Такимъ образомъ, терминъ «служащій» долженъ означать родовое понятіе, подъ которое подходятъ отдѣльные категоріи возможныхъ виновниковъ должностныхъ преступленій: должностныя лица, полицейскій или иной стражъ, служитель [1]). Но хотя онъ и является достаточно широкимъ и потому охватываетъ значительную часть всѣхъ возможныхъ виновниковъ должностныхъ преступленій, но всетаки не всѣхъ и въ послѣдующихъ ст.ст. улож. въ качествѣ субъектовъ преступныхъ дѣяній указываются присяжные засѣдатели, (ст. 658, 677—679), исполняющій обязанности завѣдующаго военно-конскимъ участкомъ (ст. 684), третейскій судья (ст. 675) [2]). Слѣдовательно лица, несущія обязанности или временное порученіе по службѣ государственной или общественной, но неподходящія ни подъ одинъ изъ видовъ, указанныхъ въ ст. 636, ч. 4 или въ послѣдующихъ ст.ст. уложенія, не могутъ быть признаны виновниками должностныхъ преступленій и подлежатъ отвѣтственности на общихъ основаніяхъ.

Но затѣмъ, кого изъ несущихъ обязанности или исполняющихъ временное порученіе по службѣ госу-

---

[1]) См. Таганцевъ, Уголов. улож. 1903 г. стр. 966—970.

[2]) Ст. 675 говоритъ о судьяхъ, ст.ст. 672, 692 о нотаріусахъ, хотя они и подходятъ подъ понятіе должностныхъ лицъ.

дарственной или общественной уложеніе считаетъ должностными лицами, объ этомъ законъ умалчиваетъ и такимъ образомъ наиболѣе сложный вопросъ оставляетъ безъ отвѣта, предоставляя разрѣшить его судебной практикѣ.

IV.

Изъ разсмотрѣннаго нами матерьяла положительнаго законодательства видно, насколько въ настоящее время выросъ кругъ возможныхъ виновниковъ должностныхъ преступленій: наряду съ должностными лицами—чиновниками всѣ законодательства упоминаютъ обширный рядъ лицъ, являющихся возможными виновниками должностныхъ преступленій; таковы адвокаты, нотаріусы, присяжные засѣдатели, шеффены и т. д. Только въ силу присущихъ этимъ лицамъ особыхъ полномочій для нихъ являются доступными посягательства на правовыя блага—объекты должностныхъ преступленій. Вѣдь всякое посягательство, помимо общихъ условій вмѣненія предполагаетъ наличность въ виновникѣ, на данное благо посягающимъ, еще наличность извѣстныхъ особыхъ физическихъ, психическихъ или юридическихъ условій; напр. едва ли возможно представить себѣ въ качествѣ физическаго виновника изнасилованія женщину или импотента, или чтобы подлогъ документа былъ учиненъ неграмотнымъ; равнымъ образомъ для наличности домашней кражи необходима наличность особыхъ связей, соединяющихъ виновнаго съ потерпѣвшимъ и т. д. Точно также необходима наличность особыхъ условій въ личности виновного, чтобы было налицо должностное преступленіе; только при наличности этихъ особыхъ условій въ субъектѣ преступленія становится возможнымъ для него посягательство на нѣкоторыя правовыя блага, также отличающіяся особыми свойствами.

Эти особыя условія заключаются въ обладаніи лицомъ особыми полномочіями или несеніи имъ особыхъ обязанностей по службѣ государственной и общественной, въ силу которыхъ для него открывается доступъ къ посягательству на нѣкоторыя правовыя блага. Бли-

жайшимъ образомъ эти полномочія могутъ быть выяснены изъ свойства нарушаемыхъ ими благъ, такъ напр. неправосудіе можетъ быть учинено только лицомъ, обладающимъ судебными полномочіями, тайна почтовой корреспонденціи можетъ быть нарушена только почтово-телеграфными служащими, коимъ она по закону ввѣряется; виновникомъ взяточничества можетъ быть только тотъ, кто обязанъ безплатно нести служебныя функціи въ виду того, что принятіе за нихъ платы ставитъ въ опасность ввѣренные по службѣ интересы и т. д.

Такимъ образомъ можно сказать, что виновникомъ должностныхъ преступленій является всякое вмѣняемое лицо, которое въ силу лежащихъ на немъ особыхъ полномочій находится къ государственнымъ, общественнымъ и частнымъ интересамъ въ такомъ положеніи, которое даетъ ему возможность причинять вредъ или ставить эти интересы въ опасность [1]).

Несомнѣнно, что подъ это опредѣленіе подойдутъ всѣ тѣ категоріи возможныхъ виновниковъ должностныхъ преступленій, о которыхъ говорятъ уголовные кодексы; подойдутъ подъ это опредѣленіе и должностныя лица, составляющія главный контингентъ среди этихъ виновниковъ, въ виду чего они и упоминаются законодателемъ въ первую очередь. При этомъ въ однихъ кодексахъ, какъ было сказано выше, законодатель довольствуется простымъ указаніемъ на должностныхъ лицъ, какъ возможныхъ виновниковъ, не дѣлая попытки дать ближайшее опредѣленіе этому понятію; иногда, напротивъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ германскомъ уложеніи, въ самомъ законѣ дѣлаются нѣкоторыя указанія для ближайшаго выясненія этого понятія. Кого слѣдуетъ считать должностнымъ лицомъ, какъ возможнымъ виновникомъ должностного преступленія? Какъ мы видѣли, предѣлы этого понятія намѣчаются крайне разнообразно.

---

1) Срав. Binding LB II/2, стр. 403: «Taugliches Subjekt des Amtsverbrechens ist prinzipiell nicht lediglich der Beamte, sondern gleich ihm jeder Amtsträger, der den gleichen Zugang zu jenen Rechtsgütern hat».

Наиболѣе простымъ способомъ разрѣшенія этого вопроса было-бы перенесеніе понятія должностного лица въ готовомъ видѣ изъ той области права и законодательства, гдѣ это понятіе возникло и сложилось ранѣе всего, т. е. публичнаго права, подобно тому какъ это дѣлаетъ уголовное право съ цѣлымъ рядомъ другихъ понятій; напр. при конструированіи имущественныхъ посягательствъ криминалистъ имѣетъ дѣло съ понятіемъ имущества, заимствованнымъ изъ права гражданскаго.

Къ сожалѣнію, указанный наиболѣе простой пріемъ въ данномъ случаѣ совершенно непримѣнимъ, прежде всего въ виду отсутствія твердо установленнаго понятія должностного лица. Ученіе о государственной службѣ и связанное съ нимъ ученіе о государственной должности и должностномъ лицѣ до сихъ поръ являются въ государственномъ правѣ крайне сложными и неразработанными. Объяснить это отчасти можно тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ эти понятія тѣсно связаны со всѣмъ государственнымъ укладомъ и подвержены измѣненіямъ въ зависимости отъ политическихъ и экономическихъ условій соціальной жизни и потому трудно поддаются теоретическимъ обобщеніямъ [1]). Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, въ большинствѣ случаевъ, стоитъ въ тѣсной связи съ постановленіями положительнаго права. Они несомнѣнно кладутъ свою печать на теоретическія конструкціи, создаваемыя тѣмъ или другимъ авторомъ. Слѣды подобнаго вліянія замѣтны напр. на воззрѣніяхъ такого выдающагося государствовѣда, какъ Laband, постоянно ссылающагося въ подтвержденіе своихъ взглядовъ на Reichsbeamtengesetz. v. 31 März 1873

---

[1]) Понятіе должностного лица поддается такъ трудно опредѣленію, что напр. Barthelemy считаетъ даже не возможнымъ найти характерный признакъ, который позволилъ бы точно опредѣлить это понятіе, и это, по его мнѣнію, объясняется крайнимъ разнообразіемъ должностей и тѣхъ условій, въ которыхъ онѣ находятся. Поэтому онъ рекомендуетъ ограничится употребленіемъ этихъ терминовъ «въ смыслѣ общеупотребительномъ, безъ ясно очерченныхъ границъ, а не въ научномъ значеніи, оправданія которому нельзя найти ни въ текстахъ закона, ни въ принципахъ права». Barthelemy, Trnité d. droit administratif, стр. 46. См. также Arndt-Reichtstaatsrecht 1901 г. стр. 633 и слѣд. Parey-Rechtsgrundsätze d. preus. Oberverwaltungsgerichts III 340.

и его послѣдующія измѣненія [1]). Мы не будемъ здѣсь останавливатся на множествѣ разнообразныхъ ученій по данному вопросу, а приведемъ лишь наиболѣе заслуживающія вниманія, отбрасывая при этомъ изложеніи все то, что не имѣетъ прямого отношенія къ интересующему насъ вопросу о томъ, кого слѣдуетъ признавать должностнымъ лицомъ?

По мнѣнію Laband'a, наиболѣе характернымъ для понятія чиновника является существованіе публично-правового служебнаго отношенія (Dienstvertältniss), возникающаго въ силу договора между государствомъ и служащими и являющагося по своему содержанію отношеніемъ властвованія (Gewaltverhältniss) [2]); служба чиновника отличается отъ повинности, лежащей на подданномъ, тѣмъ, что послѣдняя обязательна, а не зависитъ отъ свободнаго волеизъявленія служащаго, но отличается она и отъ обязанностей нанятаго государствомъ служащаго, который занимаетъ по отношенію къ государству положеніе равноправнаго контрагента. Должностное лицо обязывается по отношенію къ государству не только вѣрностью и послушаніемъ, но оно несетъ свою службу ради содѣйствія и осуществленія государственныхъ задачъ, ради общаго блага [3]).

Но точка зрѣнія Laband'a на сущность понятія должностного лица подвергается оспариванію со стороны

---

[1]) См. Laband, Staatsrecht I, стр. 431, 435, 436, 438 и др. Дюги, Конст. право, рус. пер., стр. 620 и т. д. Такой же характеръ носятъ разсужденія Hülschner'a, HB. II, § 302, 303, стр. 1028—1023 и Binding'a LB. II, стр. 381 и слѣд.

[2]) См. Laband, Das Staatsrecht, I, стр. 431, 433, 434, 438.

[3]) Содержаніе служебныхъ обязанностей чиновника Laband характеризуетъ цитатой Pr. Allg. Land. Tl. II, Tit. 10, § 1: «Militär-und Civilbediente sind vorzüglich bestimmt, die Sicherheit, die gute Ordnung und den Wohlstand des Staates unterhalten und befördern zu helfen». Взгляды Laband'a въ значительной мѣрѣ раздѣляетъ Hälschner, несогласный лишь по вопросу объ юридической природѣ акта, создающаго служебное отношеніе между чиновниками и государствомъ; по мнѣнію Hälschner'a—это не договоръ, а односторонній актъ публичной власти. См. Hälschner. HB. II-§ 302, стр. 1028— 023. Также Binding, HB. II/2, стр. 383.—«Das Entschei, dente ist der Eintritt in das Dienstgewaltverhältniss zum Reich oder einem Gliedstaate—die Begründung eines von Untertanenverband verschiedenen Gewaltverhältnisses, das den Gewaltunterworfenen verpflichtet, auf Verlangen des Staates zwischen beiden vereinbarte Teile seiner Gewalt auszuüben oder ihm anderweite Dienste zu leisten». Но онъ, какъ и Hälschner, расходится съ Laband'омъ въ обрисовкѣ юридической природы акта, устанавливающаго служебное отношеніе.

другихъ публицистовъ. Такъ *Дюги* считаетъ чиновниками агентовъ, которые нормальнымъ и неизмѣннымъ образомъ, сообща трудятся надъ выполненіемъ миссіи, признаваемой обязательной въ данный моментъ для государства, въ виду ея важности для коллективности [1]). Въ содержаніи и характерѣ дѣятельности видитъ отличительное свойство должностного лица и Eckstein, посвятившій этому вопросу особую работу [2]). Чиновникъ, въ его глазахъ, есть носитель государственнаго верховенства; содержаніе его дѣятельности, заключающейся въ осуществленіи государственныхъ верховныхъ правъ, дѣлаетъ чиновника чиновникомъ. Но это еще недостаточно для полнаго опредѣленія понятія должностного лица. Осуществленіе верховныхъ правъ государства должно быть дѣйствованіемъ (Handeln) по собственной иниціативѣ; государственная власть должна быть передана чиновнику для самостоятельнаго осуществленія. Не чиновникъ дѣйствуетъ для государства, но государство функціонируетъ посредствомъ чиновниковъ. Но функціонированіе государства состоитъ только въ авторитативномъ моментѣ. Государство есть воплощеніе мощи (Macht); то, что оно передаетъ чиновнику, есть полномочіе (Ermächtigung); все прочее, какъ-то: извѣстная интеллигентность, одушевляющая государственную силу, извѣстные механическіе пріемы, требуемые для реальной дѣятельности,—чиновникъ привноситъ уже изъ своей личности. То, что дѣлаетъ работу чиновника именно чиновничьей, должностной дѣятельностью, это именно авторитативный моментъ, дѣятельность правительственная, по управленію въ широкомъ смыслѣ, приказы, распоряженія. Такимъ образомъ чиновникомъ является авторитативный носитель государственной власти въ предѣлахъ своей

---

[1]) Дюги, Конст. право. рус. пер. Ященко и др. стр. 395: Несомнѣнно, что это опредѣленіе страдаетъ излишней общностью, подъ него подойдутъ не только чиновники, но вообще всѣ лица, обладающіе какими либо служебными полномочіями; это опредѣленіе годно не для понятія «Beamte», а для понятія «Inhaber des Amtes». Необходимо внесеніе въ него еще нѣкотораго ограничивающаго признака.

[2]) См. Arch. d. öffentlich. Rechts XXVII, 4—Der Beamtenbegriff in dem privaten u. öffentlichen Recht.

должности [1]). Кромѣ указанныхъ признаковъ въ литературѣ выдвигались еще другія отличительныя черты должностного положенія, какъ то *полученіе вознагражденія* (въ болѣе старой литературѣ этому признаку придавалось рѣшающее значеніе), *длительный характеръ службы* [2]), но въ настоящее время они не признаются рѣшающими [3]).

По нашему мнѣнію, признакъ выдвинутый Laband'омъ, можетъ быть признанъ лишь вторичнымъ, добавочнымъ; отличительную особенность положенія должностного лица слѣдуетъ искать скорѣе въ характерѣ и содержаніи его дѣятельности. Опредѣлить точно эти свойства дѣятельности представляется едва-ли возможнымъ [4]), въ виду ихъ измѣнчивости въ зависимости отъ господствующихъ въ данный моментъ условій; жизнь всегда можетъ поставить передъ государствомъ опредѣленныя требованія, удовлетвореніе которыхъ явится для государства обязательнымъ и органы, созданные спеціально для осуществленія этихъ требованій, могутъ быть признаны со стороны законодателя должностными [5]). Это признаніе со стороны законода-

---

1) См. ук. соч. стр. 496—505.

2) Zachariä, Staatsrecht, II, § 133, 134; v. Gerber-Grundzüge, стр. 109; Schulze-Preus. Staatsrecht, I, стр. 317; v. Rheinbaben-Preus. Disziplinargesetze, 1904, стр. 29.

3) См. Laband, ук. соч. стр. 435; Hälschner, HB. II, § 302; Impallomeni-Supplem. del. Rivista, XVIII, стр. 341 и слѣд. Giampietro, Supplem. alla Rivista pen. 19, стр. 24 и слѣд.

4) Въ этомъ ошибка Eckstein'a, который, слѣдуя за Iellineck'омъ, видитъ въ авторитативномъ моментѣ отличительный признакъ дѣятельности чиновника. По мнѣнію Iellineck'a: «Nur die befehlende, ordnende, leitende Tätigkeit in der Behörde und der Anstalt ist staatlicher Art. Wissenschaftliche, künstlerische, technische Verrichtungen bleiben Aktionen der Individuen die vom Staate zwar angeordnet, aber nicht vollzogen werden können. Nur dass, nicht wie siestattfinden, ist staatliches Werk». См. System, d. subj. Rechte, стр. 224. Но развѣ можетъ государство въ своей дѣятельности обойтись безъ дѣятельности отдѣльныхъ индивидовъ? Ср. Laband, ук. соч. стр. 436, пр. 1.

5) Laband, отрицая за родомъ дѣятельности рѣшающее значеніе, въ сущности подтверждаетъ выраженную въ текстѣ мысль, онъ говоритъ: «Die Art der Dienste ist nicht entscheidend; *dieselbe Dienste, welche fest angestellte Beamte leisten, kann der Staat in anderen Fällen durch einem Arbeitsvertrag sich verschaffen;* ук. соч. стр. 432, прим. 1. Но если государство можетъ чиновничьи обязанности поручить служащимъ по вольному найму, то оно можетъ поступить и обратно, превративъ служащихъ по вольному найму въ чиновниковъ. «Auch die Boten, Heizer, Portiers und Kastellane in den Dienstgebäuden des Staates sind Staatsbeamte, wenn-

теля извѣстныхъ органовъ—должностными, установленіе слѣдовательно между ними и государствомъ особенныхъ служебныхъ отношеній явится внѣшнимъ доказательствомъ того, что осуществляемая ими дѣятельность служитъ достиженію поставленныхъ государствомъ цѣлей, что государство придаетъ ей столь важное значеніе, что выдѣляетъ эти органы въ особую группу изъ другихъ служащихъ.

Такимъ образомъ должностнымъ лицомъ-чиновникомъ является тотъ, кого таковымъ признаетъ законодатель; законодатель-же признаетъ таковыми тѣхъ изъ служащихъ, которые преслѣдуютъ цѣли, признаваемыя государствомъ въ данный моментъ за свои собственныя цѣли. Едва-ли можно, съ надеждой на успѣхъ, итти дальше въ отысканіи отличительныхъ свойствъ чиновника [1]).

Такой взглядъ на должностное лицо вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ основаніямъ, въ силу которыхъ законодательство считаетъ нужнымъ выдѣлять должностныя преступленія въ особую группу, устанавливаетъ для нихъ особый порядокъ преслѣдованія и отвѣтственности. Мы думаемъ, что особое положеніе, занимаемое этой группой преступныхъ дѣяній, можетъ быть объяснено тѣмъ особо гибельнымъ вліяніемъ, которое они оказываютъ на задачи государственнаго управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ на интересы общества и частныхъ лицъ. Должностныя преступленія болѣе, чѣмъ какія-

---

gleich sie als Unterbeamte «eine besondere Klasse bilden», wofern sie nur «angestellt sind» d. h. nicht in einem privatrechtlichen Missverhältniss zum Fiskas stehen»—замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ Laband, ук. соч. стр. 436. Также Binding: Dieselben staatlichen Geschäfte können in dem einen Staate durch Beamte, in andern durch Träger eines öffentlichen Amtes ohne Beamtencharakter, in dem dritten durch gesetzlech berufene Bürger, in dem vierten endlich durch Kräfte besorgt werden, die sich der Staat durch Dienstmiete gesichert hat. LB. II/2 стр. 385—386.

[1]) Выставляемые далѣе признаки должностной дѣятельности—ея *властность*, (Zorn. I, стр. 294 и сл.), *болѣе высокій родъ*, ея наконецъ *профессіональный характеръ* (Heffter, Beiträge gum deut. Staatsrecht, стр. 106; Perthes, Der Staatsdienst in Preussen (Hamburg 1838 г.), стр. 44, Gerber, ук. соч. § 36; L. Stein, Verwaltungslehre, I, 1, стр. 207; Schulze-Preus. Staatsrecht, I, стр. 315, 323; Deut. Staatsrecht, стр. 317—не составляютъ ея «essentialia» и дѣйствительность можетъ дать примѣры прямо противоположные. См. Laband, ук. соч. стр. 437—438. Hälschner, HB. II, стр. 1029. Binding, HB. II/2 стр. 385. *Cialfi*—Riv-pen. vol. XXXIII, стр. 134 и сл.

либо другія правонарушенія подрываютъ авторитетъ закона и колеблютъ прочность правового порядка, какъ исходящія отъ лицъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ со стороны государства и обязанныхъ по отношенію къ нему особой вѣрностью.

Въ заключеніе нужно остановится на вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли указывать въ самомъ текстѣ уголовнаго закона характерныя особенности должностного лица, по примѣру § 359 герм. угол. улож., или нѣтъ?

Мы думаемъ, что отвѣтъ въ данномъ случаѣ долженъ быть отрицательный и что уголовному законодателю слѣдуетъ придерживатся той системы, которая усвоена большинствомъ современныхъ кодексовъ, съ допущеніемъ развѣ, по примѣру итальянскаго уложенія, въ одной статьѣ общаго перечня всѣхъ возможныхъ виновниковъ должностныхъ преступленій. Основанія, по которымъ мы приходимъ къ такому выводу, заключаются въ отмѣченныхъ выше затрудненіяхъ, связанныхъ съ опредѣленіемъ этого понятія. Если дать опредѣленіе должностныхъ лицъ нерѣшаются публицисты, то тѣмъ болѣе должны воздержатся отъ этого криминалисты, тѣмъ болѣе, что опыты сдѣланные въ этой области не могутъ быть признаны удачными.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ уяснить опредѣленіе, внесенное въ § 359 StGB. Изо всѣхъ признаковъ, перечисленныхъ въ этомъ § болѣе или менѣе положительное значеніе имѣетъ только признакъ назначенія на государственную службу; всѣ остальные признаки: срокъ службы, присяга, какъ видно изъ самаго текста § 359, существеннаго значенія неимѣютъ; но и указанный положительный признакъ, имѣющій при томъ чисто формальное значеніе, мало помогаетъ уясненію дѣла. Приведенное въ § 359 St.GB. опредѣленіе говоритъ только, что не всякое служащее государству лицо является чиновникомъ; таковыми, по выраженію § 359, являются: «alle im Dienste des Reiches oder... eines Bundesstaats angestellten Personen», т. е. чиновникъ, въ отличіе отъ всякаго другого служащаго государству, долженъ быть назначенъ (angestelt); но вѣдь опредѣляется на службу и обыкновенный служащій государ-

ству; въ отличіе отъ этого опредѣленія назначеніе чиновника на службу государству должно быть понимаемо въ спеціальномъ, болѣе узкомъ смыслѣ назначенія, именно, какъ чиновника. Такимъ образомъ, чиновниками должны считаться лица, назначенныя на службу государства, какъ чиновники [1]). Не трудно понять, что такое опредѣленіе не особенно содержательно.

При составленіи уголовнаго уложенія, какъ извѣстно, также возникалъ вопросъ о внесеніи въ текстъ уложенія соотвѣтствующаго опредѣленія. Въ результатѣ выраженныхъ нѣкоторыми чинами судебнаго вѣдомства пожеланій ввести во избѣжаніе недоразумѣній въ законъ поясненіе термина «служащій» [2]) появилась 4 ч. 636 ст., указывающая, кого изъ несущихъ обязанности или временное порученіе законъ считаетъ возможнымъ виновникомъ преступныхъ дѣяній, перечисленныхъ въ XXXVII гл.? Но едва-ли это поясненіе въ значительной мѣрѣ удовлетворитъ судебныхъ дѣятелей: если отпадутъ сомнѣнія относительно полицейскаго или иного стража, служителя и служащихъ лицъ сельскаго и мѣщанскаго управленія, то сомнѣніе въ томъ, считать или не считать того или иного служащаго должностнымъ лицомъ, останутся въ силѣ; въ этомъ отношеніи текстъ уголовнаго закона не поможетъ и судебной практикѣ по прежнему придется признавать должностными лицами только тѣхъ, кого опредѣленно такъ именуетъ законодатель или, въ случаѣ молчанія закона, кто по характеру своихъ обязанностей подходитъ подъ это понятіе. Такой исходъ намъ представляется, въ виду сложности понятія должностного лица, наиболѣе пріемлемымъ; этотъ пріемъ, какъ мы видѣли, рекомендуется мотивами къ норвежскому уголовному уложенію [3]).

---

[1]) См. Об. Зап. т. VIII, стр. 18.
[2]) Ср. также Zerboglio въ Trattato die diritto penale, т. III, стр. 237.
[3]) Ср. Enkstein, ук. соч. стр. 490—491.

Пониженіе курсовъ государственныхъ и гарантированныхъ фондовъ на Западѣ и повышеніе ихъ въ Россіи (1903—1912 г.).

С. Первушина.

Въ современныхъ финансовыхъ системахъ государственный кредитъ играетъ весьма крупную и притомъ все увеличивающуюся роль. Быстрый ростъ коллективныхъ потребностей и неэластичность налоговой системы—вотъ тѣ основныя причины, которыя неизбѣжно влекутъ за собой чрезвычайно быстрое развитіе публичныхъ займовъ. Такъ, въ пятилѣтіе 1876—80 г. было выпущено на міровомъ рынкѣ государственныхъ и гарантированныхъ займовъ на 31 милліардъ рублей, въ 1886—90 г. на 40,1 милл. руб., въ 1896-900 г. на 60 милл. рублей, и, наконецъ въ 1906—910 г. на 114,1 милліардовъ рублей [1]). Соотвѣтственно этому, все большая и большая сумма цѣнностей, заключенныхъ въ государственные фонды, поступаетъ въ руки различныхъ классовъ населенія: держателями ихъ становятся все новые слои общества... И, такимъ образомъ, вопросъ о высотѣ и колебаніяхъ курсовъ государственныхъ бумагъ—вопросъ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ сильно интересующій финансистовъ,—пріобрѣтаетъ огромный народно-хозяйственный интересъ.

Въ задачу моей настоящей работы не входитъ давать исчерпывающее изложеніе вопроса о колебаніяхъ фондовъ—теорію этого вопроса. Моя задача гораздо скромнѣе и уже: я остановлюсь на чисто конкретномъ

---

[1]) Ср. проф. М. Н. Боголѣповъ «Къ вопросу о пониженіи государственныхъ фондовъ за-границей и въ Россіи». (Вѣстн. Финансовъ 1911 г. № 51—52).

вопросѣ—о причинахъ колебаній русскихъ государственныхъ фондовъ и отчасти дивидендныхъ бумагъ за послѣднее десятилѣтіе (1903—1912) Этотъ новѣйшій періодъ въ исторіи русскаго государственнаго кредита, кстати сказать, почти совершенно неизученный [1]), представляетъ большой интересъ. Прежде всего, къ его началу у насъ уже достаточно упрочилась золотая валюта. Далѣе, именно за это время Россія пережила крупный политическій и экономическій переломъ (русско-японская война, революція, земельная реформа 9 ноября 1906 года), который также не могъ такъ или иначе не отразиться на русскомъ государственномъ кредитѣ. Все это представляетъ, на нашъ взглядъ, вполнѣ достаточное основаніе для выдѣленія послѣдняго десятилѣтія въ особую группу, въ особый періодъ, подлежащій до извѣстной степени самостоятельному изученію.

Однако, прежде, чѣмъ перейти къ фактамъ конкретной жизни, мы не можемъ не остановиться, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, на выясненіи одного общаго вопроса, какимъ путемъ складывается вообще цѣна фондовъ, какія причины вызываютъ ея колебанія?

Еще до сихъ поръ существуетъ и упорно держится взглядъ, что цѣна и колебанія фондовъ зависятъ преимущественно или даже исключительно отъ кредитоспособности государствъ. Однако этотъ взглядъ врядъ ли нуждается въ долгомъ опроверженіи. Фактъ довѣрія или недовѣрія, конечно, оказываетъ вліяніе [2]) на расцѣнку фондовъ, но это вліяніе сказывается лишь въ критическіе для государства моменты (напр. войны). При болѣе же или менѣе нормальныхъ условіяхъ, какъ совершенно правильно замѣчаетъ г. Никольскій [3]), «никому и въ голову не приходитъ вопросъ о кредито-

---

[1]) Спеціальная монографія Б. Н. Никольскаго «Причины колебанія курсовъ русскихъ государственныхъ бумагъ въ 1884—904 гг.», какъ показываетъ самое заглавіе, доведена лишь до 1904 г. Мало захваченъ этотъ новѣйшій періодъ и капитальнымъ изслѣдованіемъ проф. П. П. Мигулина «Русскій государственный кредитъ».

[2]) Ср. *П. П. Мигулинъ* «Русскій госуд. кредитъ». Томъ III.

[3]) Ср. *Никольскій*, op. cit. введеніе.

способности такихъ государствъ, какъ Россія, не говоря уже о Франціи, Германіи, Англіи», и на первый планъ выступаютъ чисто-экономическія соображенія о большей или меньшей выгодности помѣщенія капиталовъ въ государственныя процентныя бумаги. Такимъ образомъ, фонды становятся обычнымъ товаромъ, цѣнность и общественная полезность котораго основана на способности фондовъ удовлетворять двумъ общественнымъ потребностямъ: 1) въ помѣщеніи средствъ, 2) въ источникѣ извѣстной прибыли съ накопленнаго капитала. Какъ цѣнность всякаго другого товара, цѣнность фондовъ есть не что иное, какъ равнодѣйствующая субъективныхъ оцѣнокъ указанныхъ двухъ общественныхъ потребностей отдѣльными лицами (физическими и юридическими—чрезъ представителей послѣднихъ); высота этой цѣнности зависитъ отъ отношенія между общественной потребностью въ фондахъ и размѣрами ихъ предложенія. Какъ колебанія цѣнъ всякаго другого товара, колебанія курсовъ государственныхъ фондовъ зависятъ отъ двухъ причинъ: или отъ колебаній абсолютной цѣнности фондовъ (зависящей въ свою очередь отъ условій спроса и предложенія) или отъ колебанія цѣнности денегъ—измѣрителей, въ которыхъ выражается цѣна фондовъ.

Теперь послѣ этихъ предварительныхъ, по необходимости чрезвычайно краткихъ, замѣчаній перейдемъ къ интересующему насъ вопросу.

Какъ извѣстно, за послѣдніе 12—15 лѣтъ на рынкѣ государственныхъ фондовъ наблюдается яркое понижательное движеніе. Такъ, напримѣръ, $2^1/_2\%$ англійскія консоли, расцѣнивавшіяся въ 1895—96 г. по 108—109, почти правильно понижаясь, упали до 73 (окт. 1912 г.). Французская 3% рента за то же время упала съ 107 до 89. Та же участь постигла германскій имперскій заемъ, прусскую, голландскую, венгерскую, итальянскую и датскую ренту. Словомъ, пониженіе это носитъ универсальный характеръ: «оно имѣетъ рѣзко выраженную тенденцію охватить всѣ страны и всякіе фонды»—говоритъ проф. М. И. Боголѣповъ.

Немудрено поэтому, что вопросъ о паденіи курсовъ фондовъ энергично обсуждался, обсуждается и сейчасъ различными изслѣдователями. Оставляя сейчасъ въ сторонѣ подчасъ весьма интересныя журнальныя [1]) статьи, укажу на наиболѣе крупныя работы [2]) Kimmich'a, Baum'a, Gibson'a, Lescure, проф. И. Х. Озерова и проф. М. И. Боголѣпова. Если только что приведенныя изслѣдованія и не выяснили окончательно этого вопроса, то въ общемъ грубо намѣтили причины наблюдаемаго паденія фондовъ. Сводя въ систему работы указанныхъ изслѣдователей и, съ другой стороны, опираясь на теорію цѣнности,—мы можемъ раздѣлить причины паденія фондовъ на 2 группы: a) причины, коренящіяся въ области предложенія и b) въ области спроса.

Изъ условій предложенія фондовъ слѣдуетъ, прежде всего, указать на усиленный выпускъ фондовъ. Я выше уже приводилъ цифры, свидѣтельствующія о поразительномъ ростѣ эмиссіи фондовъ. Этотъ быстрый ростъ предложенія фондовъ не могъ вообще не обострить конкурренцію между ними.

При этомъ темпъ роста публичныхъ займовъ весьма значительно превышалъ темпъ роста благосостоянія населенія. Хотя мы не имѣемъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній относительно роста благосостоянія, однако косвеннымъ, и притомъ самымъ грубымъ путемъ, ростъ благосостоянія населенія и темпъ этого роста учесть все же возможно по даннымъ статистики прямого обложенія. Такъ, по вычисленіямъ извѣстнаго финансиста Schwartz'a [3]) поступленія отъ всѣхъ прямыхъ на-

---

[1]) Весьма значительное мѣсто указанному вопросу удѣляютъ нижеслѣдующіе журналы: Die Bank, Bank-archiv, Bankers magazine (особенно интересна «Gold Reserves and the fall in consols» статья Gilson'a 1910), Allgem. Statistisches Archiv, Journal de la société de statistique de Paris, L'économist français, «Action» и у насъ Вѣстникъ Финансовъ, Биржа и Биржевой ежемѣсячникъ.

[2]) *Rich. Baum* «Rentekurs und Rentepolitik» Wien. 1909; *Gibson* «The Fall of the Consols and the others investments since 1897» London 1909; *Kimmich* «Die Ursachen des niedrigen Kursstandes deutschen Staatsanleihen» Berlin 1906; *Lescure* «Hausses et Baisses de prix generale» Paris 1912; проф. *М. И. Боголѣповъ*, op. cit.; проф. *И. Х. Озеровъ* «Фонды и дивидендныя бумаги» (въ сборн. «Что дѣлать» 1913).

[3]) D-r. *O. Schwartz*, «Die Finanzen der Gegenwart» s. 248 («Handwörterbuch der Staatswissenschaften» III Auflage, IV Band).

логовъ по семи главнымъ странамъ міра (Россія, Англія) Германія, Австро-Венгрія, Франція, Италія, Японія, увеличились съ 1.992,6 милл. марокъ (1875—78 г. средняя) до 4.102 мил. марокъ—въ 1908 году, или немного болѣе, чѣмъ въ два (2,12) раза. Это увеличеніе явилось слѣдствіемъ не только роста благосостоянія населенія, но и увеличенія тяжести обложенія (введеніе новыхъ налоговъ, повышеніе налоговаго бремени на единицу обложенія), наконецъ, улучшенія податной техники. И все-таки темпъ роста эмиссіи фондовъ болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза превышалъ темпъ роста поступленій отъ прямыхъ налоговъ. Міровая эмиссія фондовъ почти за то же самое время увеличилась не въ два, а въ три съ половиной раза (съ 31 мил. руб. до 114.2 мил. руб.). Вотъ этотъ чрезвычайно быстрый ростъ эмиссіи фондовъ, при этомъ совершено не соотвѣтствующій росту покупательной способности населенія, и является одной изъ главныхъ причинъ паденія курсовъ фондовъ.

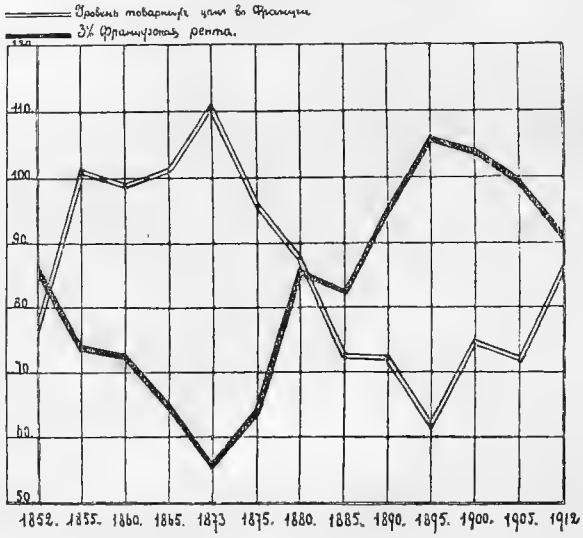
Не меньшую роль въ этомъ понижательномъ движеніи играютъ и условія спроса. Здѣсь также приходится отмѣтить весьма крупныя перемѣны. Населеніе теперь предпочитаетъ помѣщать свои сбереженія не въ государственныя процентныя бумаги съ твердой доходностью, а въ акціи различныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Главной причиной побѣды акціи надъ фондами является вздорожаніе [1]) жизни. Послѣд-

---

1) О вздоражаніи жизни и его причинахъ ср. *Lagton* «Introduction into study of Prices» London 1912; *Ihrwing Fischer* «The Purchasing Power of money» 1911 и «The equation o exchange»; *Hooker* «The Course of prices at home and abroad» въ Journ. of the Royal Statist. Society» Dec. 1911; *J. Lescure* «Hausses et baisses et baisses de prix generale (Revue d'économie politique» Janv. 1912); *Eulenburg* «Die Preissteigerung der letzten Jahrzents» 1912; *O. Bauer* «Die Teuerung» 1912; *O. Spann* «Theorie der Preisverschiebung» (Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik... 1913, V); *Ludwig v. Mises* «Die allgemeine Teuerung tm Lichte ber theoretischen Nationaloekonomie» (Archiv für Socialwissenschaft 37 B. 2 Heft); *Tyszka* «Die Bewegung der Preise einiger wichtigen Lebensmittel (Jahrb. für Nationaloekonomie und Statist. 1911 S. 638); *Glier* «Die Preiskurwe und Teuerungsproblem (Zeitschrift für Socialwissenschaft, 1913, IV—VII); *А. Д. Билимовичъ* «Подъемъ товарныхъ цѣнъ» Кіевъ 1909; *А. Н. Анциферовъ* «Ростъ цѣнъ и вздорожаніе жизни» (Записки Импер. Харьк. Ун. за 1912 г.); *Пажитновъ* «Дороговизна на Западѣ и въ Россіи» 1912; *М. И. Туганъ-Барановскій* «Вздорожаніе жизни».

нее равносильно паденію и безъ того низкаго (особенно по сравненію съ акціями) дохода отъ фондовъ и, какъ таковое, несомнѣнно понижаетъ цѣнность доходовъ и спросъ на нихъ. Если вы сопоставите движеніе курсовъ французской 3% ренты съ данными index-totalisateur (о движеніи общаго уровня цѣнъ), то вы замѣтите поразительно тѣсную обратную зависимость между этими факторами (ср. діаграмма № 1). То же самое явленіе наблюдается и въ Англіи [1]).

Движеніе курсовъ Французской 3% ренты
въ связи съ движеніемъ цѣнъ за 1852–1912 гг.
(діаграмма №1)



Но если, съ одной стороны, экономическіе разсчеты, связанные съ дороговизной жизни, заставляютъ капиталистовъ искать болѣе выгоднаго помѣщенія для ихъ капиталовъ и толкаютъ ихъ въ промышленность, то, съ другой стороны, и въ организаціи самой промыш-

---

1) Ср. *Hooker*, op. cit (Journ of Royal Statist. Society. 1911).

ленности произошли довольно рѣзкія перемѣны, благодаря которымъ привлекательность акцій весьма повысилась. Ростъ акціонерныхъ и обязанныхъ публичной отчетностью предпріятій за счетъ единоличныхъ, быстро прогрессирующее объединеніе промышленности въ различнаго рода союзы (синдикаты, тресты, ковенціи), урегулированіе банковаго дѣла и банковой политики (въ тѣсной связи съ банковой концентраціей), наконецъ, все болѣе и болѣе тѣсное сближеніе банковъ съ промышленными предпріятіями [1]), весьма упорядочили производственныя отношенія. Кризисы теперь потеряли свою остроту, да и въ своей смягченной формѣ, благодаря той же концентраціи промышленности,—они менѣе всего опасны капиталистамъ. Кризисы всей своей тяжестью обрушиваются на рабочій классъ [2]), затѣмъ уже на предпринимателей, главнымъ образомъ некартеллированныхъ предпріятій, и лишь въ послѣдней инстанціи на капиталистовъ. Публичная же отчетность, сокращеніе срока отчетовъ (полугодовые, мѣсячные отчеты) и цѣлый рядъ спеціальныхъ мѣропріятій (ср. объ этомъ у И. Х. Озерова, op. cit. и М. И. Боголѣпова, op. cit.), несомнѣнно, приблизили промышленность къ населенію. Теперь акція *въ значительной степени* утратила свою прежнюю черту—рискованность. Дѣлаясь относительно все болѣе и болѣе доходной по сравненію съ фондами, она дѣлается, въ то же самое время, и менѣе рискованной [3]). Итакъ, *быстрый ростъ эмиссіи государственныхъ фондовъ, дороговизна жизни и упорядоченіе производственныхъ отношеній—вотъ тѣ главныя причины*, которыя ведутъ къ паденію цѣнъ фондовъ и въ тоже самое время къ повышенію спроса на акціи. Эти причины, въ той или иной мѣрѣ, дѣйствовавшія во всѣхъ евро-

---

1) Ср. объ этомъ *Liefmann R.* «Beteiligungs-und Finanzie-ungsgesellschaiten» 2 изд. 1912; *Dr Biesser.* «Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration» 4 изд. 1912 г.; *R. Gilverding*, «Finanzkapital» 1909.

2) Ср объ этомъ *Э. М. Эпштейнъ*, «Банковое дѣло». (Курсъ лекцій читанный въ Моск. коммер. институтѣ).

3) По сравненію съ прошлымъ.

пейскихъ странахъ, и привели къ универсальному паденію курсовъ государственныхъ бумагъ. Однимъ изъ немногихъ исключеній въ этомъ отношеніи—является Россія.

У насъ не только не наблюдается сколько-нибудь замѣтнаго паденія фондовъ (если не считать 1905—6 гг.); наоборотъ, какъ видно изъ приводимой нѣсколько ниже таблицы, № 1-й съ 1907 г. наблюдается не пониженіе, а правильное *повышеніе* курса всѣхъ важнѣйшихъ фондовъ, несмотря на то, что причины, вызвавшія ихъ паденіе на Западѣ, въ той или иной мѣрѣ имѣли мѣсто и въ Россіи за послѣдніе годы. Такъ, врядъ ли приходится доказывать, что подъемъ цѣнъ у насъ проявился наиболѣе рѣзко [1]), что эмиссіонная дѣятельность у насъ въ послѣднее время также довольно быстро прогрессировала. По даннымъ, заимствованнымъ мной изъ объяснительной записки министра финансовъ къ проекту государственной росписи, на 1913 годъ, выпущено русскихъ цѣнныхъ бумагъ въ Россіи и заграницей въ 1907-мъ году—на 627,9 мил. руб., въ 1908—на 900 мил. руб., въ 1909—853,9 мил. руб, въ 1910—926,9 и въ 1911-мъ году на 1244,7 милл. рублей [2]). Наконецъ, нельзя до извѣстной степени отрицать у насъ и упорядоченія производственныхъ отношеній въ связи съ объединеніемъ промышленности въ союзы (синдикаты, различнаго рода совѣты съѣздовъ etc).

---

[1]) Ср. объ этомъ «Своды товарныхъ цѣнъ на русск. и иностран. рынкахъ» за 1900—1912 гг. Изд. д-та Торговли и Мануфактуръ; см. также проф. А. Д. Билимовичъ, проф. А. Н. Анциферовъ, К. Пажитновъ, цитированныя выше сочиненія.

[2]) Ср. Объяснительн. записка мин. финансовъ къ проекту государ-росписи доходовъ и расходовъ на 1913 годъ, часть II, стр. 61; цифра для 1907 г. заимствована мной изъ Статистич. Ежегодника на 1913-й г. Изд. Совѣта съѣздовъ промышленности и торговли, стр. 429. Долженъ замѣтить, что приводимыя здѣсь цифры расходятся съ данными, приведенными въ изд. Особ. Канцел. по кредитн. части «Русскій денежный рынокъ», но тенденція—одна и та же.

Таблица № 1-й (*средніе* годичные курсы) [1]).

	4% рента.	1 внутр. выигр. заемъ.	5% закл. листы Дворянск. зем. банка.	4½% свидѣт. крестьян. поз. банка.	4½% Россійс. государ. заемъ 1905 г.	5% Росс. госуд. заемъ 1906 г.	Гарантир. ж.-д. акціи Моск.-Казан. ж. д.
1904	92,29	303	—	—	—	—	390 р.
1905	85,71	409	—	—	91,9	—	369 р.
1906	74,52	363	—	71,6	92,3	86,6	312 р.
1907	72,09	352	81,1	74,0	94,0	91,7	247 р.
1908	76,72	359,2	86,4	74,1	96,4	95,5	186,5
1909	84,8	411,8	93,5	80,9	98,8	99,4	223,2
1910	92,6	470,9	99,2	89,5	100,0	103,4	515,2
1911	93,8	471,1	99,5	91,6	100,0	103,6	524,4
1912	92,8	466,8	100,3	91,4	100,4	104,1	538,1
1912 (къ концу)	94,0	488,9	191,1	91,7	103,1	104,89	490 (29/XII) и 567 (май 1913)

Итакъ какія же причины опредѣляли собой движеніе курсовъ нашихъ фондовъ за послѣднее десятилѣтіе?

Существуетъ взглядъ, что наблюдаемый у насъ подъемъ курсовъ нашихъ фондовъ объясняется просто ненормальнымъ паденіемъ ихъ въ 1905—6 годахъ—подъ вліяніемъ войны и революціи.

Приведенная выше таблица, съ несомнѣнностью, указываетъ, что подобное объясненіе, въ лучшемъ случаѣ, недостаточно. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе годы наши бумаги, въ частности государственная рента, не только достигли того уровня, на которомъ онѣ стояли до 1905—6 года, но и значительно превысили его.

---

1) Означенная таблица (среднихъ курсовъ на Спб. биржѣ) составлена на основаніи 1) подлинныхъ биржевыхъ котировокъ (изъ архивовъ биржи) до 1908 года; 2) цифры среднихъ годич. курсовъ съ 1908 года по 1912—заимствованы изъ изданія «Статистич. Ежегодникъ на 1913-й годъ». Изд. Совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли; 3) цифры къ концу 1912 года—изъ «Биржевого ежемѣсячника». Изд. журн. «Биржа».

Такъ, средній курсъ 4% ренты за 1903—4 (урожайный) годъ равнялся 92,12, а къ концу 1912 года—94,0 [1]), I-й внутренній выигрышный заемъ 393 (1904 г.) и 466 (1912 г.)..

Такимъ образомъ, причинъ этого повышенія нужно искать не столько въ политическихъ условіяхъ, извѣстнаго вліянія которыхъ, разумѣется, отрицать нельзя, сколько въ условіяхъ экономическихъ и, прежде всего, въ условіяхъ спроса и предложенія, т. е въ измѣненіи абсолютной цѣнности фондовъ. Повышеніе нашихъ фондовъ не могло находиться въ зависимости отъ измѣненія цѣнности денегъ: при тѣхъ же самыхъ условіяхъ международнаго денежнаго рынка на Западѣ наблюдалось не повышеніе, а пониженіе курсовъ. Итакъ, начнемъ съ анализа спроса. Здѣсь прежде всего возникаетъ вопросъ: не произошло ли это повышеніе фондовъ за счеть акцій, т. е. не явилось ли это повышеніе въ результатѣ измѣненія, такъ называемой «спеціальной» покупательной способности населенія въ благопріятную для фондовъ сторону? Какъ видно изъ діаграммы № 2-й и приводимой ниже таблицы № 2-й, такая гипотеза неправильна.

Таблица [2]) № 2-й.

Курсы фондовъ и акцій на 30-е декабря (въ рубл.).

Фонды	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	Увел. въ % къ 1904 г.
Государств. рента	89 3/8	80 1/2	73 1/2	74 1/4	77	89 7/8	95	91	94	+ 5,3%
5% внутр. заемъ 1905 г.	—	96	91	92 1/8	96 3/4	101	104	103 1/2	104 7/8	+ 8,3%
Акціи:										
Кіево-Вор. ж. д.	385	340	322	335	270	370	580	755	900	+ 134%
Юго-Вост. ж. д.	124	106	92	88	101	138 1/2	250	229	280	+127,1%
СПБ. Межд. Банка	378	367	421	373	336	431	535	546	550	+ 46,2%
Моск. Земельн. Банка	622	455	495	500	546	648	763	760	832	+ 34,0%
Брянскія	189	150	110	109	102	111	142	189	206	+ 9,0%
Никоп.-Маріупол.	—	—	—	72	45	50	99	189	326	—
Нобель (нефт.)	10200	8600	10150	10700	10250	11650	10650	11900	15000	+ 46,9%
Ленскія (золотопром.)	—	—	—	375	450	2500	3100	3770	—	—
Глухоозерскія (цементн.)	190	225	175	—	175	225	400	800	2650	—
I-ое Страхов. О-во	1250	1050	850	830	860	1190	1470	1480	1530	+ 22,6%

[1]) Къ концу урожайнаго 1910 года курсъ 4% ренты=95. (См. «Колебанія курсовъ всѣхъ процентныхъ бумагъ котирующихся на СПБургской биржѣ за послѣдніе семь лѣтъ». Изд. журнала «Биржа».

[2]) Означенная таблица составлена на основаніи 1) II-й части Объяснительной записки м-ра финансовъ къ росписи на 1913 г.; 2) изданія журнала Биржа «Колебанія всѣхъ процентн. бумагъ котирующихъ на Спб. биржѣ за послѣдніе семь лѣтъ»; 3) Биржевого Ежемѣсячника за декабрь 1912 года.

Биржевой подъемъ коснулся почти всѣхъ, безъ исключенія, процентныхъ бумагъ, при чемъ акціи повысились въ гораздо большей степени, чѣмъ фонды.

Такимъ образомъ, и въ Россіи только въ своеобразной формѣ проявилась та же тенденція, которую мы ззмѣтили на Западѣ, т. е. *относительное паденіе цѣнности фондовъ по сравненію съ акціями.*

Абсолютнаго же паденія не произошло, какъ остается предположить, благодаря быстрому общему увеличенію спроса на цѣнныя бумаги (акціи+фонды), иначе говоря, благодаря быстрому (интенсивному и экстенсивному) росту общей покупательной способности населенія, прямо или косвенно связаннаго съ биржей.

Итакъ, если для провѣрки этой гипотезы обратимся къ отчетамъ нашихъ банковъ (государственный банкъ, акціонерные коммерч. банки, о-ва взаимнаго кредита) и сберегательныхъ кассъ и подсчитаемъ «итоги вкладовъ и текущихъ счетовъ», то мы натолкнемся на любопытный фактъ чрезвычайно быстраго накопленія у насъ «свободныхъ» денежныхъ капиталовъ (см. діагр. № 3 и табл. № 3).

Таблица [1]) № 3-й.

На 1 янв.	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912
А) Вклады и текущіе счета:	Милліоны рублей.									
Госуд. банкъ Частн. коммерческіе банки Об-ва взаимн. кредита Город. обществен. банки	1068,6	1200,8	1284,3	1164,2	1263,4	1457	1644	2114	2512	2760
Вклады въ Госдарств. сберег. кассы (въ девьгахъ и % бум.	920	1022,4	1105,1	1055,0	1272,4	1403,5	1477,1	1562,2	1683,8	1802,7
Итого вкладовъ	1988,6	2223,2	2381,4	2219,0	2535,8	2860,5	3121,0	3678,2	4195,8	4562,7
В) Свободная наличность Госуд. казначейства	257,6	318,3	6,2	(—)157,9	158,5	8,9	1,8	107,4	333,1	450,1

[1]) Означенная таблица составлена на основаніи слѣдующихъ источниковъ: 1) отчеты государств. банка за....годъ; 2) сводные балансы акціонерн. банковъ коммерч. кредита за....годъ; 3) отчеты государств. сберегательн. кассъ за....годъ; 4) свободная наличность государственнаго казначейства за 1892—1911 годы (Опытъ изслѣдованія ея происхожденія и употребленія). Приложеніе къ журн. «Вѣстн. Фин.»; 5) «Русскій денежный рынокъ». Изд. Особ. Канцел. по кредитной части; 6) сводн. балансы городск. обществ. банковъ; 7) сводн. балансы обществ. взаимн. кредита.

Какъ видно изъ таблицы, итогъ вкладовъ и текущихъ счетовъ составлялъ на 1 января 1913 года—1989 мил. руб.; на 1 января 1906 г.—2219 мил. руб.; на 1 января 1909 г.—3121 мил. руб. и на 1 января 1912 г.—4562 мил. рублей. Словомъ, за одно послѣднее десятилѣтіе сумма свободнаго капитала въ банкахъ увеличилась болѣе, чѣмъ въ $2^1/_4$ раза; свободная наличность государственнаго казначейства также достигла внушительной цифры—450 мил. рублей.

Особенно быстрое нарастаніе капиталовъ происходило въ 1909—12 гг. Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ оборотныя средства народнаго хозяйства увеличились слишкомъ на $2^1/_4$ милліарда (а свободная наличность въ 450 мил. руб. есть всецѣло продуктъ этого трехлѣтія: на 1 января 1909 года она составляла всего 1,8 мил. рублей). Соотвѣтственно быстрому накопленію капиталовъ быстро понижался и учетный процентъ (съ $7^1/_2{}^0/_0$—начало 1908 года, до $4^1/_2{}^0/_0$ и даже $4^1/_2{}^0/_0$—начало 1912 года).

Вотъ, это-то чрезвычайно быстрое накопленіе свободныхъ у насъ капиталовъ, ищущихъ во чтобы то нистало помѣщенія, и явилось непосредственной причиной того общаго биржевого подъема, который наблюдался у насъ за послѣдніе годы, въ частности причиной повышенія фондовъ.

Но выясненіемъ этой непосредственной причины еще, разумѣется, не рѣшается вопросъ о причинахъ подъема нашихъ фондовъ. Для этого надо выяснить тѣ основныя, болѣе глубокія причины, коими обусловливалось, въ концѣ концовъ, такое быстрое нарастаніе свободныхъ капиталовъ въ Россіи. Какъ мы знаемъ, увеличеніе капиталовъ въ такъ называемыхъ «новокапиталистическихъ» странахъ, къ каковымъ относится и Россія, можетъ происходить подъ вліяніемъ двухъ причинъ: или отъ нарастанія «туземныхъ» капиталовъ, или благодаря приливу иностранныхъ капиталовъ, эмигрирующихъ изъ старыхъ капиталистическихъ странъ (Англія, Франція, Германія, Бельгія) въ погонѣ за болѣе высокимъ процентомъ.

Какъ ни затруднительно отдѣлить эти двѣ категоріи

капиталовъ, однако грубый учетъ иностранныхъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ Россіи, произвести все же возможно (наприм., по мѣсту уплаты процентовъ по государственному долгу). Эти подсчеты съ возможной аккуратностью и были выполнены С. Н. Прокоповичемъ [1]). Конечно, въ вычисленіяхъ послѣдняго, несомнѣнно, многое ускользнуло, есть, несомнѣнно, и произвольныя допущенія, въ силу чего его абсолютныя цифры ни въ коей мѣрѣ не могутъ претендовать на точность. Но для характеристики *измѣненій*, происходящихъ въ капиталообразовательномъ процессѣ страны, для чего нужны лишь *относительныя* числа, его вычисленія представляются намъ все же удовлетворительными и могутъ быть используемы. Согласно вотъ этимъ исчисленіямъ, приливъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію составлялъ въ среднемъ въ годъ: въ 1897—900 г.—450,3 мил. руб., въ 1901—04 г.—181,6 мил. р., 1905—08 г.—370,7 мил. рублей. Въ трехлѣтіе же 1909—1911 гг., когда накопленіе у насъ капиталовъ, какъ мы видѣли, шло особенно быстрымъ темпомъ, приливъ иностранныхъ капиталовъ выразился даже отрицательной величиной: 284 мил. руб. въ годъ. Въ эти три года въ Россію было куплено на 1292,3 мил. рублей государственнаго долга, помѣщеннаго прежде за-границей. Такимъ образомъ, ясно, что нарастаніе капиталовъ въ Россіи [2]) никакъ не можетъ быть объяснено приливомъ иностранныхъ капиталовъ. Нѣтъ! *Это было нарастаніе, прежде всего, нашихъ «туземныхъ»* капиталовъ, какъ слѣдствіе «туземныхъ» же причинъ, къ выясненію коихъ и перейдемъ сейчасъ.

Уже тотъ самый фактъ, что наиболѣе интенсивное наростаніе капиталовъ совпало съ двумя выдающимися урожаями 1909 и 1919 года, наводитъ на мысль, что оно находится въ прямой зависимости отъ состоянія нашего сельскаго хозяйства. Итакъ, сопоставимъ данныя о накопленіи капиталовъ въ банкахъ съ данными объ экспортѣ хлѣбовъ и урожаѣ (табл. № 4 и діагр. № 3).

---

1) С. Н. Прокоповичъ. «Новыя явленія въ народномъ хозяйствѣ». (Русск. Вѣд. 1913 г. № 1, первое января); его-же, докторская диссертація «Ueber die Bedingungen der industriellen Entwickelung Russlands» 1913.

2) Допуская весьма крупныя неточности приведенныхъ вычисленій.

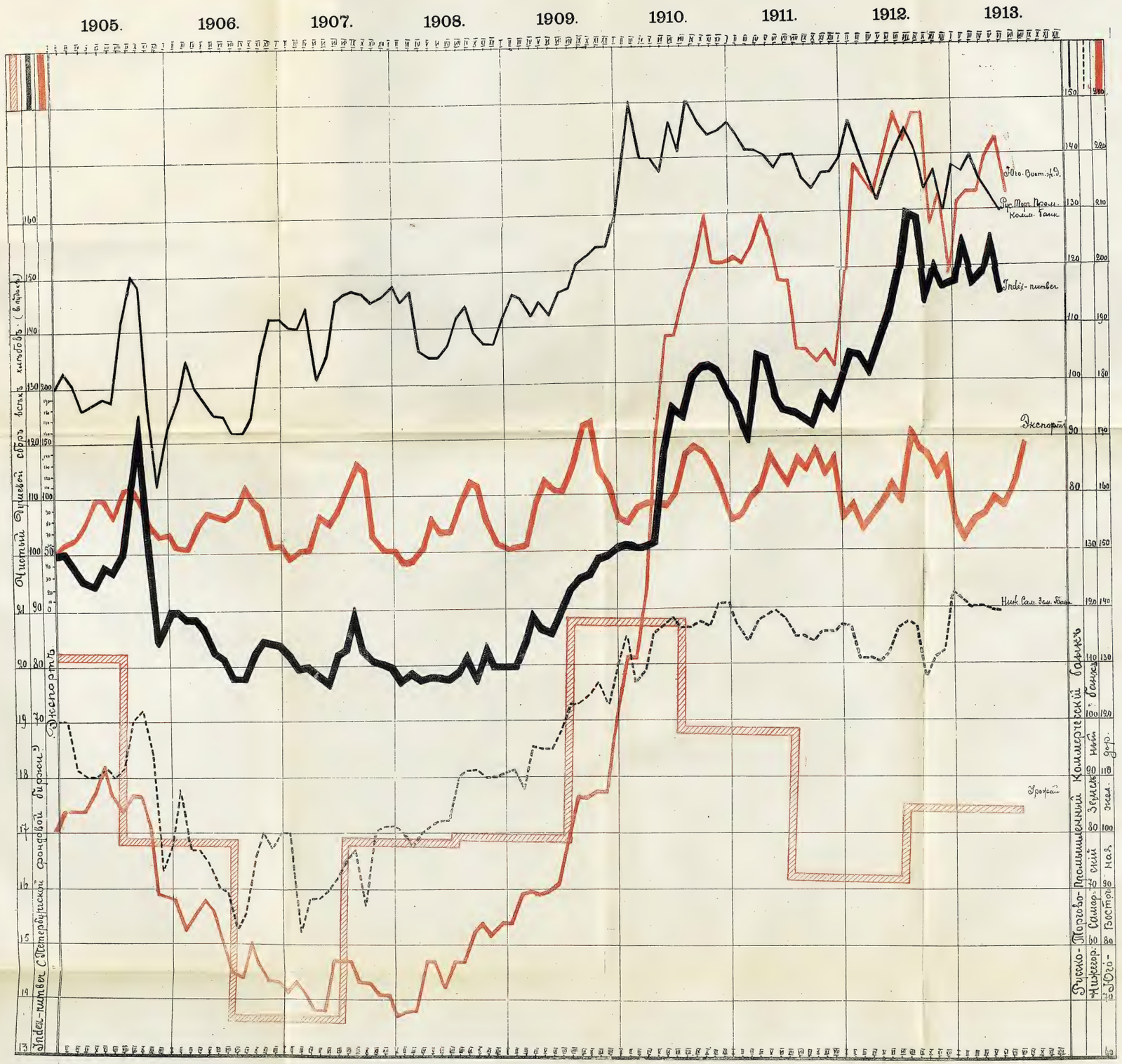
Таблица [1]) № 4-й (сельско-хоз. годы съ 1 іюля по 30 іюня).

Сельск.-хоз. годъ.	Средн. учетн. %		Итогъ вкладовъ въ учрежд. краткоср. кредита.	Учетъ векселей имѣющихъ не менѣе 2 подп.	Срочн. ссуды подъ залогъ цѣнн. бум. товар. коносам. и пр.	Ссуды въ формѣ спеціальн. текущихъ счетовъ.	Урожай въ отношеніи къ среднему.	Хлѣбн. экспортъ (по сельск.-хоз. годамъ)	4% рента за сельск.-хоз. годъ.	I выигр. заемъ за сельск.-хоз. годъ.	Index-number биржи (средняя изъ 12 гг. бумагъ, котирующ. на СПБ. биржѣ) за сельск.-хоз. годъ.
	Средне-Евр. за гражд. годъ.	Русскій за сельск.-хоз. годъ.	мил. руб.	Только въ акціон. банкахъ коммерч. кредита. Милліоны рублей.				мил. руб.			
1901—2	—	5,4	959 (1/1 902)	431,6 (1/1 902)	65,9	223,9	87 (min)	697 (min)	96,7 (min)	391 (min)	—
1902—3	—	4,5	978 („ 903)	562,2 „	73,5 (max)	242,3	117	822 „	97,4	467 (max)	—
1903—4	3,58	5,7	1068 („ 904)	611,2 (max) „	71,7	280,8	111	906 „	98,1 (max)	456	133 (max)
1904—5	3,97	6,5	1200 („ 905)	609,4 „	73,3	293,5	131 (max)	1032 (max)	92,0	401	107,8
1905—6	3,97	7,75	1284 (max) („ 906)	528,1 „	68,9	354,4	105	986,1	81,8	373	95,1
1906—7	4,80	7,25	1164 (min) („ 907)	518,0 (min) „	65,6 (min)	362,7	87 (min)	950,6 (min)	72,2 (min)	354 (min)	82,0
1907—8	5,30	7,10	1263 („ 908)	582,8 „	67,8	392,2	102	966,2	74,1	360	80,7 (min)
1908—9	4,19	5,75	1457 („ 909)	682,4 „	64,0	417,5	104	1084,5	79,3	442	82,4
1909—10	3,73	4,80	1644 („ 910)	806,9 „	66,7	536,2	134 (max)	1422,0	89,0	486 (max)	98,9
1910—11	3,64	4,59	2114 („ 911)	1053,4 „	75,4	—	126	1494 (max)	94,3 (max)	474	129,4
1911—12	3,88	4,50	2512 („ 912)	1209,1 „	80,8	—	99	1338	91,6	469 (min)	129,6
1912—13	4 1/4 (конецъ 1912)	5,5 (конецъ 1912)	2760 („ 913)	1413,2 „	—	—	112	1392	93,8	481,1	161,8 (II полуг. 1912 г.).

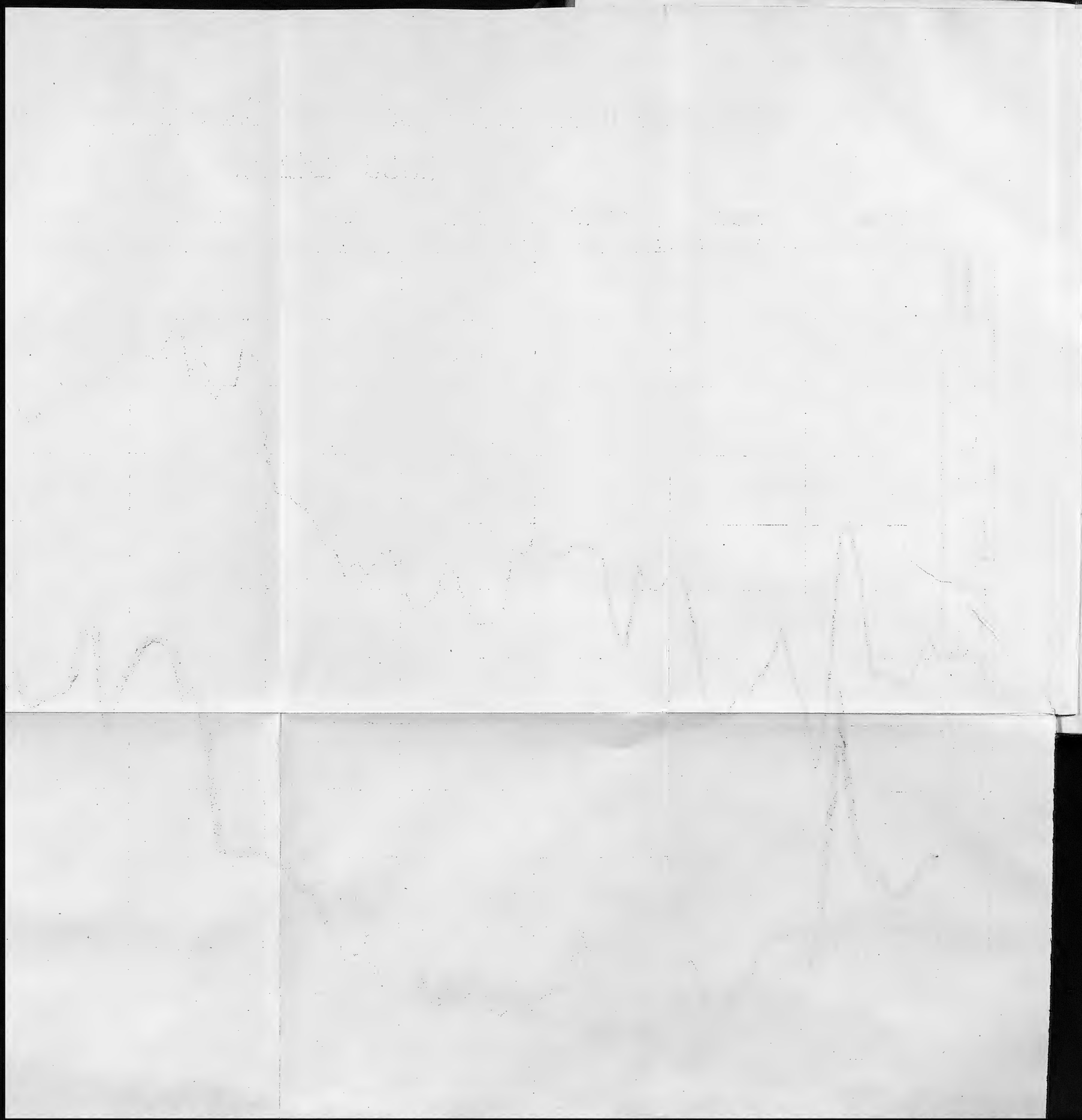
[1]) При составленіи настоящей таблицы авторъ пользовался кромѣ упомянутыхъ выше источниковъ еще слѣдующими: 1) урожай за....годъ (изд. Центр. Стат. К-та) и 2) «Внѣшняя торговля Россіи по Европ. и Азіат границѣ» *(ежемѣсячно)* за мѣсяцъ....года...

Движеніе цѣнныхъ бумагъ на С.-Петербургской Биржѣ

(1905—1912 г.).



*) **Примѣчаніе:** Для опредѣленія общаго уровня цѣнъ фондовъ и акцій, котирующихся на С.-Петербургской фондовой биржѣ для каждаго мѣсяца (1905—1913 г.г.), вычислялась **средняя** изъ относительныхъ чиселъ (за 100 принималась цифра среднихъ курсовъ каждой бумаги за январь 1905 г.) по слѣдующимъ бумагамъ: 1) 4% Государ. рента, 2) I (выигр.) внутрен. заемъ, 3) 5% Закладн. листы Дворянскаго земельн. банка, 4) Акціи Волжско-Камскаго комм. банка, 5) Торгово-Пром. комм. банка, 6) Нижегородско-Самарскаго земельн. банка, 7) Брянскаго завода, 8) Сормовскія акціи, 9) Юго-Восточной жел. дор., 10) Московско-Казанской ж. д., 11) Моск.-Виндаво-Рыбинской жел. дор. и 12) Манташевскія.



Приведенная таблица № 4-й, а также діаграмма № 3-й, показываетъ, какъ для ренты, такъ и для I-го внутренняго выигрышнаго займа слѣдующіе minimum'ы: 1901—2 годъ, 1906—7 годъ, 1911—12 годъ; maximum'ы приходятся на 1902—3 г., 1909—10 г. и 1912—13 г. Какъ разъ годы minimum'овъ—это неурожайные годы, годы maximum'овъ—урожайные. Но параллелизмъ между колебаніями урожаевъ и движеніемъ фондовъ этимъ не ограничивается и въ промежуточные между maximum'ами и minimum'ами годы мы наблюдаемъ почти полный параллелизмъ между колебаніями фондовъ съ одной стороны и урожаемъ, экспортомъ и нарастаніемъ свободныхъ капиталовъ въ банкахъ—съ другой. Единственное уклоненіе даютъ смежные 1904/5 и 1905/6 сельско-хозяйственные годы. Здѣсь пониженіе курсовъ фондовъ совершилось при повышеніи цифръ экспорта, урожаевъ, банковыхъ вкладовъ. Однако обусловливалось это пониженіе чисто политическими — пертурбаціонными факторами (война, революція). Какъ твердо установлено наукой и блестяще подтверждено жизнью, крупныя политическія событія всегда играли и играютъ крупную роль въ расцѣнкѣ фондовъ [1]).

Итакъ, если устранить вліяніе этого пертурбаціоннаго фактора и внести приблизительную поправку въ цифры цѣнности фондовъ въ 1904—5 и 1905—6 годахъ, повысивъ эти цифры, то кривая фондовъ приметъ слѣдующее направленіе: повышеніе отъ 1901—2 г. къ 1904—5 г., паденіе въ 1906—7 г., правильное повышеніе къ 1909—10 г., пониженіе въ 1911—12 году... Почти такое же направленіе имѣютъ и кривыя урожаевъ, экспорта и кривая нарастанія банковыхъ вкладовъ.

Насколько тѣсна эта связь между указанными факторами, явствуетъ изъ діаграммы № 4-й (помѣсячныя колебанія фондовъ въ связи съ экспортомъ и урожаемъ) и діаграммы № 5-й—(помѣсячныя колебанія дивидендныхъ бумагъ на СПБургской биржѣ за 1905—1912 гг.).

---

[1]) Ср. проф. П. П. Мигулинъ. «Русскій государственный кредитъ» Томъ III, стр. 1052 (таблица колебаній французскихъ, англійскихъ, прусскихъ, австрійскихъ фондовъ отъ 1862 до 1904 г.).

Такъ, на діаграммѣ № 4-й мы замѣчаетъ, что въ 1905 году 5% внутр. выигрышный заемъ, 5% закл. листы дворянскаго земельнаго банка значительно повышаются отъ марта къ октябрю—ноябрю, давая рѣзкое паденіе въ декабрѣ подъ вліяніемъ московскаго вооруженнаго возстанія. Съ самаго начала 1906 года фонды волнообразной кривой понижаются до сентября 1906 года, когда всѣ фонды, съ различнымъ, правда, темпомъ [1]), снова повышаются, при чемъ «maximum» приходится на конецъ 1906 года. Такое же направленіе принимаютъ наши кривыя фондовъ и въ послѣдующіе годы. Государственная рента, которая имѣетъ болѣе тѣсную связь съ международныхъ денежнымъ рынкомъ, отличается значительно большей устойчивостью: въ ней мы не замѣчаемъ такихъ рѣзкихъ изломовъ, которыми характеризуется движеніе кривыхъ I внутр. займа, 5% закл. листовъ дворянскаго земельнаго банка. Однако и ея колебанія носятъ въ общемъ тотъ же характеръ: она въ своемъ движеніи лишь на мѣсяцъ опаздываетъ отъ другихъ фондовъ, но характеръ ея динамики—въ общемъ одинъ и тотъ же. Сопоставивъ теперь эти кривыя фондовъ съ кривой балансовъ коммерческихъ банковъ, мы не можемъ не признать, что въ общемъ и среднемъ между этими кривыми существуетъ довольно тѣсный параллелизмъ [2]) даже при анализѣ помѣсячныхъ колебаній. Но теперь возникаетъ вопросъ, что же такое кривая балансовъ, чѣмъ опредѣляется физіономія этой кривой?

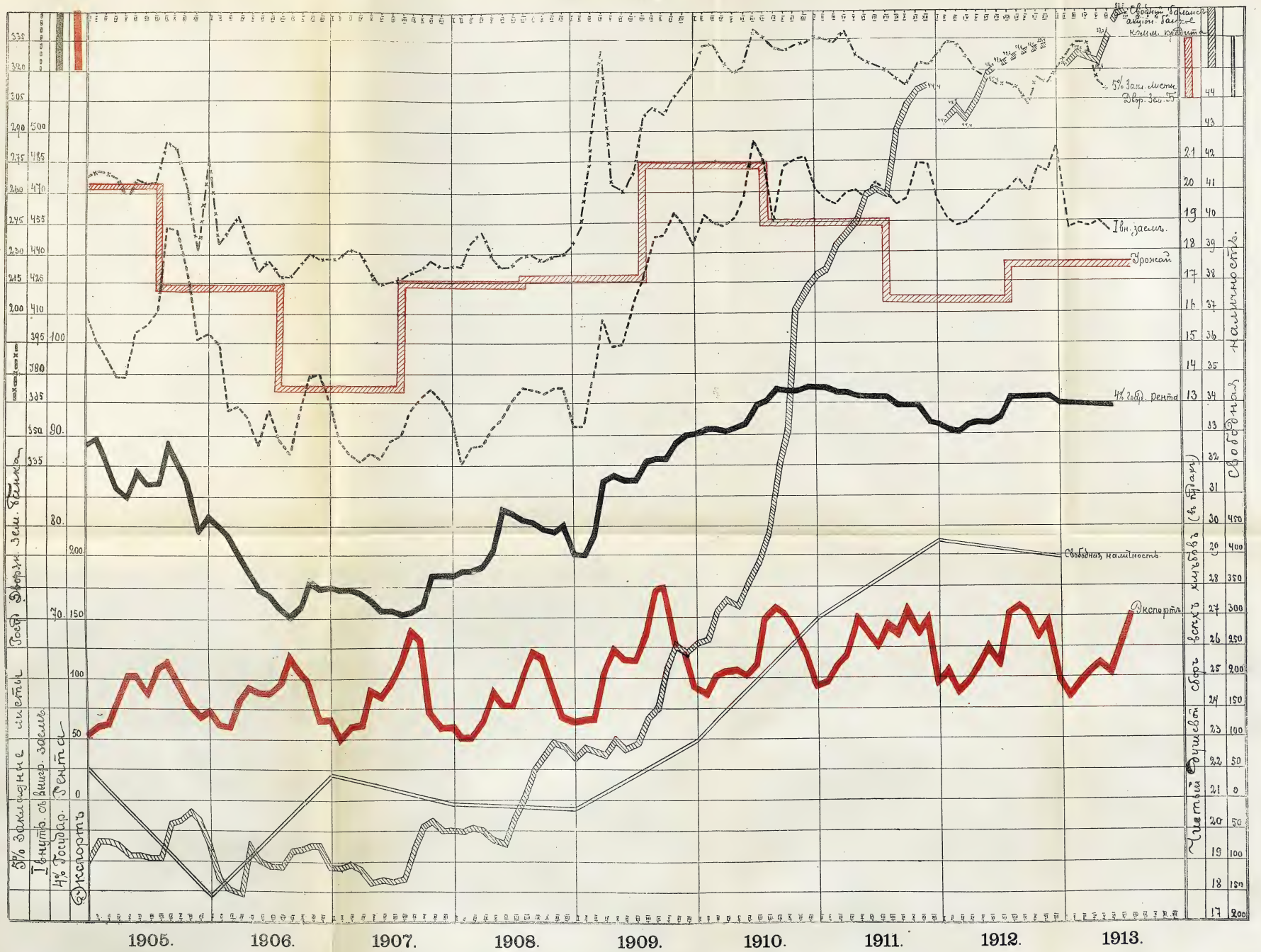
---

[1]) Такъ, напримѣръ, 5% закладн. листы двор. земельн. банка въ 1906 году наиболѣе сдержанно реагируютъ на повышеніе экспорта. Это, на нашъ взглядъ, обусловливалось аграрными безпорядками, которые не могли не отразиться ближайшимъ образомъ на этихъ фондахъ.

[2]) Въ діаграммѣ № 5-й у меня приведены данныя какъ о колебаніяхъ курсовъ отдѣльныхъ типичныхъ бумагъ, котирующихся на Спб. биржѣ, такъ и данныя объ измѣненіи *общаго уровня цѣнъ фондовъ и дивидендныхъ бумагъ*. Для послѣдней цѣли я вычислилъ своего рода биржевой index-number—среднюю изъ относительныхъ чиселъ 12 типичныхъ фондовъ и дивиденднъ. бумагъ (4% рента, 5% I выигр. заемъ, 5% закл. листы дворянск. земельн. банка, акціи: Русс. Торг. Пром. банка, Нижегород. Самар. земельн. банка, Юго-Восточн. ж д., Казанской ж. д., Виндаво-Рыбинской ж. дор., Волжско-Камск. банка, Сормовскія, Манташевскія и Брянскія). Какъ видно изъ діаграммы, *движеніе общаго уровня цѣнъ на фондовой биржѣ*—въ общемъ аналогично движенія цѣнъ фондовъ и также находится въ несомнѣнной связи съ кривой экспорта.

Движеніе государственныхъ и гарантированныхъ фондовъ на С.-Петербургской Биржѣ

1905—1912 г.



Какъ мы видѣли уже при анализѣ погодичныхъ колебаній (табл. № 4 и діагр. № 3-й) кривая банковыхъ вкладовъ находится въ довольно тѣсной связи съ кривой хлѣбнаго экспорта: до извѣстной степени она можетъ быть опредѣлена, какъ функція кривой экспорта. Къ точно такому же результату приводитъ и анализъ помѣсячныхъ колебаній банковыхъ балансовъ: и здѣсь кривая банковыхъ балансовъ есть не что иное, какъ кривая экспорта, усложненная лишь одновременнымъ дѣйствіемъ другихъ факторовъ. Наконецъ, послѣдняя кривая (т. е. кривая экспорта)—есть не что иное, какъ преобразованная кривая урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ.

Такимъ образомъ, и при анализѣ помѣсячныхъ колебаній, не смотря на обиліе пертурбаціонныхъ факторовъ (присущихъ биржѣ), мы наблюдаемъ ту же зависимость колебаній фондовъ (а также и многихъ акцій) отъ условій сельскаго хозяйства.

Однако, одного этого объясненія недостаточно. Какъ явствуетъ изъ діагр. № 4 и 5, съ 1909 года наши фонды, особенно же 4% рента, начинаютъ интенсивнѣе реагировать на увеличеніе экспорта и накопленія свободныхъ капиталовъ. Наоборотъ, пониженіе кривой экспорта лишь въ значительно слабѣвшей степени отражается на фондахъ. Самое накопленіе свободныхъ капиталовъ совершается съ такой быстротой, которая выходитъ за предѣлы объяснимаго урожаемъ и хлѣбнымъ экспортомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы указанное быстрое накопленіе капиталовъ въ послѣдніе годы всецѣло объяснялось высокими урожаями и высокимъ хлѣбнымъ экспортомъ, то ясно, что темпъ этого накопленія былъ бы наиболѣе быстрымъ въ тѣхъ районахъ, гдѣ эти факторы дѣйствовали съ наибольшей силой. т. е. въ губерніяхъ Самарской, Саратовской, Херсонской. Наоборотъ, наименьшаго повышенія въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ждать въ такихъ губерніяхъ, какъ Костромская, Вологодская, Тверская, Рязанская.

Пользуясь трудами государственнаго банка «*Свѣдѣнія по конторамъ и отдѣленіямъ государственнаго банка за 1903—12 г.*», дающими свѣдѣнія по всѣмъ операціямъ каждаго отдѣленія государственнаго банка

и суммарно важнѣйшія итоговыя цифры *по всѣмъ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ* [1]) *и сберегат. кассамъ*, дѣйствующимъ въ районѣ даннаго отдѣленія, попытаемся разсмотрѣть. какъ совершалось накопленіе въ различныхъ районахъ Европейской Россіи. Для этого возьмемъ четырнадцать районовъ, выбранныхъ [2]) изъ различныхъ частей Россіи (см. таблица № 5).

Таблица № 5-й.

РАЙОНЫ.	Сумма вкладовъ и текущ. счетовъ въ Гос. Банкѣ и всѣхъ частн. кред. учрежд. къ концу 1906 г. (въ тыс. рубл.).	къ концу 1912 г.	Увеличеніе въ % къ 1906 году.	На 1 жителя [4]) приходится сбереженій (въ руб.) по губерніи.	Число всѣхъ кредитн. учрежд. въ районѣ данн. отдѣл. Государ. Банка въ 1906 г.	въ 1912 г.	% увеличенія.
1. Саратовскаго отд.	21217	55751	162%	26,3	11	39	254%
2. Самарскаго . .	20101	41814	108%	15,1	9	30	232%
3. Херсонскаго . .	7135	12943	81,4%	42,5	7	23	222%
4. Полтавскаго . .	7163	18869	164%	18,5	6	32	431%
5. Московскаго . .	253652	515147	104%	228,3	15	39	126,1%
6. Харьковскаго .	33215	67296	102,6%	37,2	15	33	119%
7. Пермскаго . .	8920	18432	106,6%	21,7	7	13	87,0
8. Уфимскаго . .	7046	16675	138,3%	9,7	7	17	143%
9. Вятскаго . . .	5918	13271	124,2%	13,8	7	14	100%
10. Костромскаго .	4104	9879	141,2%	27,4	4	16	300%
11. Рязанскаго . .	5201	14372	176,3%	23,1	4	16	300%
12. Курскаго . . .	7351	20681	182,1%	18,2	6	23	283%
13. Вологодскаго . .	2822	8324	191,3%	18,7	4	9	125%
14. Тверскаго . .	2395	8481	258,2%	32,8	4	13	225%
	—	—	средн. 141,9	38,1	—	—	210,5%

Какъ видно изъ этой таблицы, наибольшее увеличеніе вкладовъ приходится не на Самарскій, Саратовскій и Херсонскій районы, даже не на *промышленные* по преимуществу Московскій и Харьковскій [3]), а на районы Тверской, Вологодскій, Курскій, Рязанскій, Полтавскій и т. д.

Указанное обстоятельство заставляетъ насъ предположить, что наряду съ отмѣченными дѣйствовали еще какіе-то другіе экономическіе факторы.

---

[1]) Частн. коммерч. банки, О-ва взаимн. кредита, Городскіе обществ. банки, учрежденія мелкаго кредита. При этомъ, замѣчу, наряду съ главными операціями за рядъ лѣтъ по этимъ учрежденіямъ, дается и самое число кредитн. учрежденій для каждаго года.

[2]) При выборкѣ районовъ—отдѣленій авторъ пользовался данными изслѣдованій проф. П. И. Лященко: 1) «Хлѣбная торговля на внутреннихъ рынкахъ Европ. Россіи». Спб. 1912, ц. 4 р. и 2) «Очеркн аграрной эволюціи Россіи». Спб. 1909.

[3]) Какъ центръ Горнозаводск. промышл. Юга Россіи.

[4]) Означенныя въ этомъ столбцѣ цифры относятся къ 1910 году и

Для выясненія ихъ остановимся нѣсколько на тѣхъ губерніяхъ, кои дали наибольшее повышеніе вкладовъ за періодъ 1906—1912 гг.

Чѣмъ же характеризуются эти губерніи? Это, во-первыхъ, по преимуществу земледѣльческія губерніи. Во-вторыхъ, въ отличіе отъ другихъ губерній, онѣ характеризуются невысокой цифрой народныхъ сбереженій, приходящихся на одну душу (въ этомъ отношеніи всѣ онѣ—ниже средняго). Если послѣдній признакъ можно принять за грубый косвенный показатель степени денежности губерніи, то эти районы могутъ быть охарактеризованы, какъ районы, до извѣстной степени еще натуральнаго типа хозяйства. Но что же тогда означаетъ *максимальный ростъ* сбереженій и вкладовъ въ кредитныя учрежденія—въ этихъ губерніяхъ. Онъ является несомнѣннымъ показателемъ быстраго вовлеченія даннаго района (губерніи) въ денежный оборотъ, показателемъ индустріализаціи района.

Такимъ образомъ, изъ числа факторовъ, усиливавшихъ въ послѣдніе годы вліяніе хорошихъ урожаевъ и высокаго хлѣбнаго экспорта, слѣдуетъ, прежде всего, указать на индустріализацію страны, ростъ городовъ [1]) и *разслоеніе среднихъ крестьянскихъ* группъ, *все большее и большее вовлеченіе нашей деревни въ денежный оборотъ*... И соотвѣтственно этому послѣднему сбереженія крестьянской буржуазіи (количественно и качественно возросшей), *доселѣ хранившіяся «дома—въ деревнѣ—въ сундукѣ»*, *стали проникать въ кредитныя учрежденія*, чему весьма содѣйствовало также быстрое, начиная съ 1908 года, увеличеніе сѣти кредитныхъ учрежденій [2])

взятые мной изъ «Статистическаго Ежегодника на 1913 годъ». Изд. Совѣта съѣздовъ представителей промышл. и торг., стр. 500—501. Таблица CXCI «Сводные капиталы и данныя о видимыхъ народныхъ сбереженіяхъ по губерніямъ на 1 января» (составлена на основ. данныхъ госуд. банка, сберегат. кассъ, учрежд. мелк. кредита, о-въ взаимн. кредита, город. общ. банковъ и изданія кредитной канцелярін «Наличность %-хъ бумагъ»).

[1]) Показателемъ чего служатъ: быстрый ростъ строительной промышленности и затѣмъ непосредственныхъ свѣдѣній о «числѣ возведенныхъ построекъ и перестроекъ съ 1907 по 1911 г. по 158 городамъ Евр. Россіи»—полученныя путемъ анкеты, предпринятой редакціей «Вѣст. Финансовъ». См. В. В. Громанъ «Обзоръ строительной промышленности въ Россіи». Спб. 1912.

[2]) Ср. «Объяснит. записка м-ра финансовъ къ росписи на 1913 г.».

всякаго рода: ростъ кооперативовъ, о-въ взаимнаго кредита (ихъ число увеличилось съ 1 января 1908 г. по 1 ноября 1912 г.— съ 304 до 904) и провинціальныхъ отдѣленій коммерческихъ банковъ (съ 397 до 597 за тотъ же срокъ). Сказалось затѣмъ и отраженное вліяніе русско-японской войны. Въ годы послѣдней нашимъ правительствомъ были сдѣланы милліардные займы (свыше 2 милліардовъ рублей)... И, если весьма значительныя суммы перешли за-границу, то не мало этихъ занятыхъ и израсходованныхъ суммъ осталось и въ Россіи. Эти суммы самыми разнообразными путями проникали въ различные слои населенія, увеличивая темпъ накопленія свободныхъ капиталовъ въ странѣ [1]). Наконецъ, большое вліяніе оказала и банковая политика послѣднихъ лѣтъ: увеличеніе портфелей цѣнныхъ бумагъ, принадлежащихъ банкамъ, и быстрый ростъ онкольной операціи [2]) (см. таблица № 6).

Таблица № 6-й.

На 1 янв.	Цѣнныя бумаги принадлежащія всѣмъ коммерч. банкамъ.		ИТОГО.	Ссуды въ формѣ спеціал. текущ. счетовъ съ обезпечен. цѣнными бумагами.
	Госуд. гарантир.	Негаранти-рованныя.		
	(въ тысяч. рублей).			(въ тыс. руб.).
1905	77225	33855	111080	177683
1906	104551		104551	211436
1907	106714		106714	213246
1908	107468		107468	217038
1909	80509	33563	114072	224316
1910	194390	42823	147213	272505
1911	129919	62607	192526	468403
1912 (1 февр.)	261546		261546	457682
1913 (1 февр.)	300423		300423	655430
1913 (1 іюля)	175505	141336	316841	873941

Примѣчаніе. Въ означенной таблицѣ взяты «ссуды въ формѣ спеціальн. текущихъ счетовъ обезпеченныхъ % бумагами» лишь по С.-Петербургскимъ и Московскимъ банкамъ, такъ какъ провинціальные банки часто не выдѣляютъ таковыя въ особую графу.

---

[1]) Эти капиталы дали себѣ знать такъ поздно (лишь въ 1908 году), благодаря политическимъ неурядицамъ, коими характеризовались наши 1906 и 1907 годы.

[2]) Объ этомъ вопросѣ авторъ предполагаетъ высказаться болѣе подробно въ другомъ мѣстѣ.

Итакъ вотъ тѣ условія спроса, которыя оказали у насъ вліяніе на повышеніе нашихъ фондовъ. Теперь перейдемъ къ анализу условій предложенія фондовъ: и здѣсь приходится указать на нѣкоторые факторы, кои не могли не оказать повышательнаго вліянія на фонды,— я разумѣю, главнымъ образомъ, искусственное сокращеніе предложенія фондовъ путемъ закупки ихъ государственными сберегательными кассами.

Въ связи съ наблюдаемой тенденціей къ паденію фондовъ, указанная мѣра весьма практикуется въ Англіи (см. Gibson «The fall of the rent and others investments since 1897») и въ самое послѣднее время въ Пруссіи. Такъ, въ послѣдней 23 декабря 1912 года получилъ королевское утвержденіе принятый обѣими палатами ландтага «законъ о помѣщеніи вкладовъ сберегательныхъ кассъ въ бумаги на предъявителя» (Gesetz betreffend die Anlegung von Sparkessenbeständen in Inhaberpapieren). По § 3 этого закона $^3/_4$ средствъ, вложенныхъ въ цѣнныя бумаги, должны приходиться на обязательства, выпущенныя Германской Имперіей или Пруссіей. Закрѣпленіе нашей 4% ренты и другихъ фондовъ въ портфеляхъ сберегательныхъ кассъ весьма интенсивно использовалось и нашимъ правительствомъ, какъ видно изъ приводимой ниже таблицы, составленной на основаніи данныхъ государственнаго контроля [1]),

Таблица № 7-й.

Числилось въ портфелѣ сберегательныхъ кассъ.

На 1 янв.	4% государ. рента.	Всѣ государ. займы.
1906	58,4 мил. р.	218,3 мил. р.
1907	109,1 »	— »
1908	229,5 »	319,0 »
1909	243,4 »	393,6 »
1910	354,1 »	500,0 »
1911	432,2 »	595,1 »
1912	489,8 »	667,2 »

[1]) Ср. также И. Х. Озеровъ, «Оборотная сторона нашего бюджета», его-же статья «Фонды и дивидендныя бумаги» въ сборникѣ «Что дѣлать».

Такъ, сумма вкладовъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ, помѣщенныхъ въ государственные займы, увеличилось за 6 лѣтъ (съ 1906 по 1912) болѣе, чѣмъ въ три раза, количество же вкладовъ, помѣщенныхъ въ 4% ренту за тотъ же срокъ увеличилось съ 58,4 мил. руб. до 489,8 мил. рублей, т. е. болѣе, чѣмъ въ восемь разъ. При этомъ въ 1906 году 4% рента, запертая въ портфеляхъ нашихъ сберегательныхъ кассъ, составляла всего 2,98% къ общему количеству выпущенной ренты (1948 мил рублей), въ 1912 году этотъ процентъ поднялся до 21,6% (къ 1 янв. 1912 года—было выпущено всего ренты на 2278 мил. рублей). Вліяніе этого фактора на курсъ нашихъ фондовъ—врядъ ли требуетъ дальнѣйшаго объясненія. Поэтому прямо перейду къ «итогамъ» моей работы.

Все до сихъ поръ сказанное можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ.

1) Колебанія цѣнности фондовъ (поскольку дѣло идетъ о нормальной жизни государствъ), какъ и колебанія цѣнности всякаго другого товара, зависятъ или отъ колебанія въ цѣнности денегъ—измѣрителей или отъ колебаній въ абсолютной цѣнности фондовъ (отъ отношеній спроса и предложенія).

2) Повышеніе нашихъ фондовъ не могло находиться въ зависимости отъ состоянія международнаго денежнаго рынка. Въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ на Западѣ наблюдается не повышеніе, а пониженіе фондовъ.

3) Не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ объяснено это повышеніе фондовъ и ненормальнымъ ихъ паденіемъ въ 1905—6 годахъ, подъ вліяніемъ политическихъ причинъ.

4) Корень этого повышенія лежитъ въ измѣненіи абсолютной цѣнности фондовъ: въ условіяхъ спроса и предложенія фондовъ.

5) Изъ условій, коренящихся въ спросѣ на фонды, первое мѣсто занимаетъ чрезвычайно быстрое накопленіе у насъ свободныхъ капиталовъ, ищущихъ во чтобы-то ни стало помѣщенія.

6) Это чрезвычайно быстрое накопленіе капиталовъ явилось, главнымъ образомъ, *слѣдствіемъ цѣлаго ряда*

условій, коими характеризовалось *развитіе нашего сельскаго хозяйства за послѣдніе годы:* высокіе урожаи, высокія хлѣбныя цѣны, *повышеніе нашего хлѣбнаго экспорта*, разслоеніе среднихъ крестьянскихъ группъ и *ростъ денежности крестьянскаго хозяйства*.

7) Изъ условій, коренящихся въ области предложенія фондовъ, сыграла въ повышеніи нашихъ фондовъ значительную роль – усиленная закупка послѣднихъ нашими государственными сберегательными кассами.

Таковы, по нашему мнѣнію, тѣ основныя причины, которыя привели къ повышенію нашихъ фондовъ.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ, какова же будетъ дальнѣйшая судьба русскихъ фондовъ? Возможно ли ждать дальнѣйшаго ихъ повышенія? Если научный прогнозъ въ общественныхъ наукахъ вообще дѣло весьма трудное, то во много разъ труднѣе дѣлать это предсказаніе по отношенію къ биржѣ. Биржевая цѣна фондовъ какъ мы видѣли, слагается подъ вліяніемъ большого количества факторовъ. Чтобы дѣлать болѣе или менѣе обоснованное предсказаніе, нужно знать, въ какомъ направленіи будутъ измѣняться всѣ эти факторы и каждый изъ нихъ въ отдѣльности, какъ сложится, наконецъ, и политическая конъюнктура будущаго. Это, конечно, невозможно... невозможно поэтому и сколько-нибудь обоснованное предсказаніе. Здѣсь, въ заключеніе, умѣстно сказать лишь одно. Послѣдній подъемъ фондовъ у насъ явился слѣдствіемъ совмѣстнаго дѣйствія цѣлаго ряда факторовъ. Если вѣроятность повторенія каждаго изъ этихъ факторовъ (высокихъ урожаевъ, высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ и высокаго экспорта) въ отдѣльности невысока [1]), то во много разъ меньше (по теоремѣ умноженія вѣроятностей) вѣроятность осуществленія всей той чрезвычайно удачной комбинаціи факторовъ, которая имѣла мѣсто у насъ въ Россіи въ

---

[1]) Напримѣръ, въ послѣдніе два года цѣны на хлѣбъ стали падать, нашъ торговый балансъ начинаетъ измѣняться въ невыгодную для насъ сторону... Нѣкоторые изслѣдователи находятъ даже возможнымъ говорить объ обостреніи аграрнаго кризиса (въ частности о кризисѣ русскаго хлѣбнаго экспорта).

послѣдніе годы. И въ этомъ смыслѣ болѣе вѣроятнымъ представляется намъ близкій переломъ въ движеніи нашихъ фондовъ... Переломъ, за которымъ мы сольемся съ Западной Европой въ переживаемомъ ею понижательномъ движеніи.

Политическое самосознаніе христіанской церкви [1]).

В. Н. Мышцына.

Въ исторіи христіанской церкви есть одно глубоко загадочное явленіе. Христіанство—эта религія духа и свободы, стремившаяся создать особый міръ *внутри* человѣка, во святомъ святыхъ его души, субъективный міръ святыхъ настроеній и нравственныхъ подвиговъ, міръ любви и самоотреченія, чуждый всякаго насилія и противленія злу,—эта религія въ исторіи появляется, какъ великая внѣшняя сила, подлѣ государства, властно заявляетъ о своемъ авторитетѣ, отграничиваетъ для себя у римскаго царства извѣстную сферу дѣйствій, организуется отчасти по типу государства, требуетъ себѣ мѣста рядомъ съ государствомъ, вступаетъ съ нимъ въ союзъ на началахъ взаимнаго содѣйствія и покровительства, какъ было въ церкви греческой и русской, или стремится подчинить себѣ государство, какъ было въ церкви католической. Религія духа и свободы въ исторіи систематически стремится создать самостоятельное царство, государство въ государствѣ, своего рода всеобъемлющій политическій организмъ съ независимымъ внѣшнимъ правопорядкомъ, съ собственною непроизводною властью. Не то лишь удивительно, что царство духа и свободы превращается въ общество съ внѣшнимъ юридическимъ правопорядкомъ, но еще болѣе повидимому удивительно то, что оно стремится, такъ сказать, конкурировать съ государствомъ въ качествѣ по меньшей мѣрѣ равносильной величины или нѣкоторой параллели. Можно сказать, что вся исторія христіанства, съ момента признанія его государственной религіей, сплошь констатируетъ эту тенденцію церкви воплотиться не въ формы обыкновеннаго частнаго религіознаго общенія, по слову Самого Христа: «гдѣ

[1]) Рѣчь произнесенная на актѣ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ 23 ноября 1913 г.

соберутся два или три во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ», а именно въ форму своеобразнаго государства, въ форму всеобъемлющаго политическаго тѣла, стоящаго рядомъ съ государствомъ или выше его, но отнюдь не ниже его. Нищіе духомъ и юродивые міра сего мечтаютъ о царствѣ и тронѣ!

Откуда эта постоянная тенденція церкви мыслить себя своего рода государствомъ, своеобразнымъ политическимъ организмомъ, повидимому вопреки первоначальнымъ христіанскимъ идеаламъ духа и свободы, вопреки первоначальной своей цѣли создать особый міръ «не отсюда», внутри человѣка, въ тайникахъ его души? Эту политическую тенденцію церкви обычно считаютъ случайнымъ элементомъ въ ея исторіи. Думаютъ, что до Константина Великаго церковь была церковью духа, неба, святости, церковью смиренной, страдающей, умирающей для неба, истекающей кровью. Лишь съ 4 в. она одѣлась въ латы, обзавелась оружіемъ, превратилась въ мірскую силу и стала мечтать о царственномъ достоинствѣ. «Опять беретъ Его діаволъ на весьма высокую гору и показываетъ Ему всѣ царства міра и славу ихъ и говоритъ: все это дамъ Тебѣ, если падши поклонишься мнѣ». Великое искушеніе, не коснувшееся безгрѣшной души Христа, оказалось роковымъ, говорятъ, для Его церкви. Церковь захотѣла овладѣть царствами и сама превратилась въ царство, спустилась съ неба на землю.

Такъ ли это? Дѣйствительно ли случилось такое превращеніе съ церковью? Дѣйствительно ли такъ велика разница между первоначальной церковью и церковью временъ Константина? Была ли эта перемѣна измѣной первоначальной сущности христіанства, извращеніемъ завѣтовъ его Основателя?

Наука не любитъ говорить объ извращеніи сущности того или другого института или идеи. Она знаетъ лишь постепенное развитіе, эволюцію ихъ. Предоставляя оцѣнивать ее морально, какъ кому заблагоразсудится, она сама обычно исходитъ изъ того положенія, что между различными фазами въ развитіи извѣстнаго института есть существенное единство, единое сѣмя, и

что уже въ первой стадіи процесса есть такой элементъ, который путемъ естественнаго развитія приводитъ къ послѣдующей стадіи. Въ зернѣ уже даны потенціально всѣ свойства будущаго растенія. Въ играхъ дитяти уже сказывается характеръ мужа. Есть ли такой элементъ въ самой сущности христіанства, въ самой природѣ церкви, который скрывалъ бы въ себѣ причину указаннаго явленія, или такого элемента не было, и онъ явился впервые въ 4 в., какъ стороннее наслоеніе, какъ чуждый наростъ, какъ отвнѣ пришедшее искушеніе?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ древнѣйшіе христіанскіе памятники, лишь въ самое послѣднее время пролившіе обильный свѣтъ на первыя страницы исторіи христіанской церкви. Эти памятники не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что христіанству всегда было присуще политическое самосознаніе, та идея, что сама церковь есть политическое тѣло, своего рода civitas, государство. Эта идея государственности церкви, это политическое самосознаніе христіанъ отнюдь не есть историческая категорія, она родилась не отъ того такъ наз. мезальянса, въ который вступили церковь и государство со временъ Константина. Нѣтъ, она жила еще тогда, когда христіанство было религіей по преимуществу маленькихъ людей, политически почти безправныхъ, бѣдняковъ, рабовъ, вольноотпущенниковъ, рабочихъ и т. п., когда оно должно было прятаться подъ мракомъ ночи и въ подземельяхъ, когда его украшали не царская корона, а терновый вѣнокъ.

Уже въ первые вѣка среди христіанъ и западныхъ и восточныхъ была широко распространена крайне оригинальная идея, что вѣрующіе во Христа составляютъ собою особый народъ, не простое общество, собраніе, союзъ, а именно народъ, націю (ἔθνος, natio). Эта идея проходитъ яркой чертой чрезъ первые вѣка христіанства, начиная со временъ апостольскихъ. Христіане постоянно называются народомъ, въ отличіе отъ другихъ народностей, народомъ особымъ, народомъ первоначальнымъ, народомъ будущаго. Уже ап. Петръ называетъ христіанъ особымъ родомъ, народомъ святымъ

(1 Петр. 2, 9). Особенно замѣчательна философско-догматическая концепція ап. Павла. По нему изъ двухъ народностей—іудеевъ и язычниковъ.—Христосъ создалъ новаго человѣка, новое человѣчество. Онъ является въ отношеніи къ новому человѣчеству тѣмъ, чѣмъ былъ Адамъ по отношенію къ старому человѣчеству. Христосъ есть второй Адамъ. Онъ родоначальникъ новаго народа, новаго человѣчества. «Христіане, писалъ апологетъ Аристидъ [1]): ведутъ свой родъ отъ Іисуса Христа». По выраженію Іустина философа [2]), «Христосъ родилъ насъ для Бога». Итакъ христіане *новый* народъ. Это было наиболѣе характернымъ названіемъ христіанъ. Мы встрѣчаемъ его въ посланіи Варнавы два раза («Христосъ приготовилъ для себя новый народъ»—τὸν λαὸν τὸν καινὸν [3]); и: «Я приношу плоть Мою за грѣхи новаго народа»—τοῦ λαοῦ τοῦ καινοῦ) [4]), у Климента Алекс. [5]) и другихъ писателей. Такъ какъ іудеи обычно раздѣляли все человѣчество на двѣ части: іудеевъ и язычниковъ, то этотъ новый народъ по счету является *третьимъ* народомъ. Это наименованіе (τρίτος γένος, tertius genus) мы также нерѣдко встрѣчаемъ въ примѣненіи къ христіанамъ, напр. въ памятникѣ начала II в. Praedicatio Petri (въ словахъ: «мы же христіане, представляя собой народъ третій, чтимъ Его служеніемъ новымъ»), далѣе въ псевдокипріановомъ сочиненіи De pascha computus [6]), написанномъ около 242 г. Замѣчательно, что не только сами христіане, но и язычники называли христіанъ народомъ, и именно третьимъ народомъ. Максиминъ Даза въ рескриптѣ къ Сабину называетъ ихъ народомъ христіанъ [7]). Народомъ (natio) называетъ ихъ язычникъ Цецилій у Минуція Феликса [8]). По свидѣтельству Тертулліана [9]) названіе «третій народъ» или

---

1) Apol. c. 2.
2) Разг. съ Триф. гл. 123.
3) Apol. c. 5.
4) c. 7.
5) У Клим. Ал. Strom. VI, 5.
6) C. 17.
7) Евсевій Ц. И. 19.
8) C. 9.
9) Ad nat. 8.

«родъ» (tertium genus) было обычнымъ для христіанъ у язычниковъ. Нерѣдко, исполненные злобы и жажды крови, они кричали въ церквахъ: «долго ли будетъ существовать этотъ третій народъ» [1]). Итакъ христіанская церковь—не простое общество, собраніе вѣрующихъ, а народъ, нація, новая народность, новая вѣтвь человѣчества. Это было одинаково вѣрно какъ для самихъ христіанъ, такъ и для язычниковъ.

Но народъ составляетъ одинъ изъ основныхъ элементовъ государства, а по понятіямъ древнихъ—нація прямо отожествлялась съ государствомъ. Такимъ образомъ національное сознаніе христіанъ непосредственно должно было приводить къ сознанію политическому. Это случилось само собой, какъ скоро національное сознаніе христіанъ, сознаніе, что они составляютъ народъ, націю, изъ области абстракціи переходило въ жизнь. На самомъ дѣлѣ, новый или третій народъ, подобно всякому другому народу, уже въ силу своей природы, долженъ имѣть свое собственное πολιτεία, свой собственный правопорядокъ, свою независимую власть, свои законы. Такъ или иначе организованный народъ христіанъ, т. е. христіанская церковь, становится eo ipso политическимъ тѣломъ, своего рода государствомъ. Церковь есть civitas, πόλις—т. е. городъ—государство. Эти термины нерѣдко встрѣчаются въ самыхъ древнихъ христіанскихъ памятникахъ въ примѣненіи къ церкви. Какъ ни глубоко отличіе государства христіанъ отъ государства римлянъ по внутреннему ихъ содержанію и цѣлямъ, съ формальной стороны ихъ организація была аналогична. Подобно государству, церковь имѣетъ своего царя, своего императора [2]), своего архонта архонтовъ, т. е. І. Христа; у нея есть свои архонты и совѣтники, или сенаторы (т. е. епископы и пресвитеры), свой совѣтъ, или сенатъ βουλή—пресвитерская коллегія), свой тронъ Христа, своя μοναρχία, свои эклезіи, соотвѣтствовавшія городскимъ языческимъ эклезіямъ, свои дани (δασμοί), свое войско Христово, сражающееся

---

[1]) Скорпіакъ, гл. 10.
[2]) Императоромъ называетъ І. Христа Кипріанъ (Ер. 10).

съ язычествомъ, и т. д. Перенося терминологію изъ римскаго государственнаго права на церковь, древнѣйшіе христіанскіе писатели любили сравнивать христіанскія учрежденія съ институтами языческаго государства, чтобы доказать превосходство первыхъ надъ вторыми. Приведу хоть одно мѣсто изъ сочиненія Оригена противъ Цельса. «Повсюду появились экклезіи, которыя имѣютъ иную политику (ἀντιπολιτευόμενα), чѣмъ экклезіи людей, почитающихъ демоновъ, порочныхъ и несправедливыхъ... Но если кто сравнитъ экклезіи, наученныя Христомъ, съ экклезіями изъ народныхъ массъ, среди которыхъ они живутъ, то увидитъ, что онѣ «свѣтъ міру»... Далѣе, если сравнить совѣтъ церквей Божіихъ съ совѣтомъ городовъ, то не трудно было бы убѣдиться, что многіе совѣтники (разум. христіанскіе пресвитеры) заслуживали бы права сдѣлаться руководителями града (т. е. государства) Божія, если бы гдѣ-нибудь существовалъ таковой (обратите вниманіе на это замѣчательное мѣсто!)... То же наблюдается при сравненіи предстоятеля церкви каждаго города съ начальникомъ города. И здѣсь можно видѣть, что совѣтники и предстоятели церкви Божіей... по своему поведенію гораздо больше преуспѣвали въ добродѣтели, чѣмъ городскіе совѣтники и начальники».

Это совпаденіе формъ въ строѣ церкви и государства удивляло древнихъ христіанъ, какъ изумляло ихъ и нѣкоторое сходство христіанскаго ученія съ идеями языческой философіи. Но какъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, многіе христіане затруднялись объяснить аналогію иначе, какъ вмѣшательствомъ злого духа. Въ простотѣ своей души они думали, что сатана, подсмотрѣвъ порядки въ христіанской церкви, скопировалъ ихъ въ языческомъ государствѣ. «Когда Господь, пишетъ Ипполитъ: «призвалъ чрезъ апостоловъ всѣ народы и языки, и создалъ народъ вѣрныхъ христіанъ, носящихъ новое имя, тогда царство этого міра, сильное по дѣйствію сатаны, точно воспроизвело то же самое и, собравъ съ своей стороны благороднѣйшихъ изъ всѣхъ народовъ, приготовило ихъ къ битвѣ, назвавши римлянами. И для того первая перепись состоялась при

Августѣ, когда родился Господь, чтобы люди этого міра, приписанные къ земному царю, назывались римлянами, а вѣрующіе въ Царя Небеснаго—христіанами».

Какъ нація, имѣющая свою политику (πολιτεία), противоположную политикѣ римской имперіи, какъ своего рода городъ—государство (civitas), христіанская церковь представляла собой антитезу тогдашнему государству. Церковь и государство мыслились такимъ образомъ понятіями соотносительными: они стояли другъ передъ другомъ, какъ двѣ параллельныя силы, какъ два міровыхъ организма, какъ двѣ политическихъ величины. Церковь была царствомъ въ царствѣ. Отсюда сама собой возникала проблема отношеній между царствомъ Христовымъ на землѣ и царствомъ Рима. Эта проблема начинаетъ волновать уже первыхъ христіанъ. Изъ нихъ одни, какъ авторъ Апокалипсиса, Ермъ, Ипполитъ и под. смотрѣли на государство, какъ на царство сатаны, какъ на царство дракона и древняго змія. «Два города, говоритъ Ермъ, противостоятъ одинъ другому съ ихъ господами: городъ небесный и городъ земной. Христіанинъ не имѣетъ никакого касательства къ земному городу съ его господиномъ—діаволомъ, и весь образъ жизни его долженъ быть противоположенъ образу жизни, порядкамъ и законамъ земного города». Само собою понятно, что говорить о положительныхъ взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства съ этой точки зрѣнія было невозможно. Другіе, какъ напр. ап. Петръ, Іустинъ, Мелитонъ, напротивъ, видѣли въ государствѣ добраго сотоварища церкви, имѣющаго цѣлью утвердить добро и уничтожить неправду. При такомъ сближеніи церкви и государства естественно возникалъ вопросъ, какому изъ этихъ царствъ принадлежитъ первенство. Для христіанъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ экстенсивномъ и интенсивномъ превосходствѣ царства Божія надъ царствомъ земнымъ. Во-первыхъ христіанская нація универсальна. Тертулліанъ прямо заявлялъ, что христіане признаютъ только одно государство—весь міръ [1]). По словамъ автора посла-

[1]) Apolog. 38.

нія къ Діогнету, для христіанъ всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество—чужая страна [1]). Тертулліанъ находилъ даже возможнымъ угрожать римскому государству, указывая на многочисленность христіанъ. Христіане, по нему, могли возстать противъ римлянъ, какъ парѳяне и маркоманы. «Если бы мы захотѣли дѣйствовать въ качествѣ открытыхъ враговъ, пишетъ онъ: развѣ у насъ не достало бы когортъ и армій?... Вчерашніе мы, а все уже ваше заполонили: города, острова, замки, муниципіи, народныя собранія, самые лагери, трибуны, декуріи, дворецъ императора, сенатъ, форумъ; только храмы оставили мы вамъ. На какую войну не были бы мы способны.., если бы по нашимъ правиламъ намъ не дозволялось скорѣе быть убитымъ, чѣмъ убивать?» [2]). Народъ христіанъ долженъ поглотить въ себѣ іудеевъ и язычниковъ. Тѣ и другіе войдутъ въ него какъ части нераздѣльнаго цѣлаго. Вся исторія идетъ къ торжеству этого народа. Онъ есть поэтому «народъ будущаго». Но еще важнѣе внутреннее превосходство царства Христова надъ царствомъ земнымъ. «Душа заключена въ тѣлѣ», пишетъ авторъ посланія къ Діогнету [3]): «но сама содержитъ тѣло; такъ и христіане, заключенные въ мірѣ, какъ бы въ темницѣ, охраняютъ міръ». Христіане—это душа вселенной, животворящее начало въ мірѣ. Народомъ христіанъ держится міръ. Можно сказать, что самый міръ созданъ ради этого народа; ради него онъ продолжаетъ существовать. Онъ—цѣль творенія, Онъ—«народъ изначальный».

Этотъ ореолъ величія церкви естественно переносится и на церковную власть, не только на Невидимаго Царя царства Христова, но и на видимыхъ представителей Его власти. Епископы христіанскихъ церквей это цари, даже больше чѣмъ цари. «Итакъ,» читаемъ мы въ Сирійской Дидаскаліи о епископахъ: «они должны быть почитаемы вашими главами и почитаться, какъ

---

[1]) С. 5.
[2]) Apolog. 37.
[3]) С. 6.

цари, и вы должны приносить имъ почетныя дани какъ царямъ... И что еще сказать? Этотъ царь, который увѣнчанъ короной, господствуетъ надъ тѣломъ, связываетъ и разрѣшаетъ его только на землѣ; епископъ же господствуетъ надъ душой и тѣломъ, такъ что связываетъ и разрѣшаетъ на землѣ съ небесною силою, ибо дана ему великая сила неба т. е. Всемогущаго». Подумаешь, что это говоритъ католикъ среднихъ вѣковъ, а между тѣмъ это писалось въ половинѣ III в. въ наиболѣе распространенномъ тогда церковно юридическомъ сборникѣ, писалось въ самый разгаръ преслѣдованія христіанъ. Эта мысль, логически вытекавшая изъ самого существа дѣла, была среди христіанъ чуть не аксіомой; ее раздѣляли люди такого трезваго ума и ортодоксальнаго направленія, какъ Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ и др. «Священство:» писалъ Златоустъ: «важнѣе самой царской власти, и есть высшая власть. Не говори мнѣ о діадемѣ и золотыхъ одеждахъ—все это тѣнь» [1]). «Начальство въ церкви Божіей настолько выше гражданскаго, насколько небо выше земли» [2]). «Апостолы настолько выше начальниковъ житейскихъ, насколько сами начальники житейскіе выше дѣтей, играющихъ въ начальники» [3]).

Такое великое превосходство церкви Христовой надъ царствомъ римскихъ императоровъ вполнѣ опредѣляетъ ихъ взаимныя отношенія. Церковь должна быть руководительницей и наставницей государства; какъ зрячій слѣпому, она должна указывать ему путь жизни. Она призвана побѣдить языческое государство, конечно не силою оружія, а силою истины и убѣжденія. Путемъ постепеннаго обновленія человѣчества она должна преобразовать, возродить земное царство. Уже въ началѣ III в. воображенію одного церковнаго учителя предносилась величественная картина полнаго торжества церкви на землѣ. Такъ Оригенъ развиваетъ мысль, что церковь есть κόσμος τοῦ κόσμου (міръ міра), и что въ бу-

---

[1]) Твор. І. Злат. I т. 254 стр. Слова на разныя мѣста.
[2]) Бесѣд. на 2 кор. 341 стр.
[3]) Слова на разн. мѣст. II т. 314 стр.

дущемъ она образуетъ здѣсь на землѣ божественное всемірное государство. Она воспримет въ себя римское царство и замѣнитъ его собой. «Если-бы, говоря съ Цельсомъ, пишетъ Оригенъ [1]), всѣ стали поступать, какъ и мы, тогда безъ сомнѣнія и варвары, воспринявъ слово Божіе, улучшили бы свои нравы; и всѣ религіи нашли бы свой конецъ, одна только христіанская осталась бы царствующей; и она дѣйствительно будетъ царствовать, потому что слово Божіе все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ души». Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Что вѣщали наши славянофилы, то было повѣдано міру уже 16 вѣковъ тому назадъ!

Поднявшись до столь высокой ступени христіанскаго самосознанія, мысль церковныхъ писателей скользила затѣмъ въ разныхъ направленіяхъ, нерѣдко уклоняясь въ сторону отъ первоначальныхъ христіанскихъ принциповъ. Сначала изрѣдка, а потомъ чаще и чаще стали говорить о служебной роли государства въ отношеніи къ церкви, о допустимости государственнаго принужденія въ вопросахъ вѣры, о законности преслѣдованія язычниковъ и еретиковъ и т. д. Если церковь—руководитель государства, то развѣ государство не обязано служить ей, не обязано стать на защиту истины и вѣры? Особенно рѣзко и часто эти положенія высказывались въ западной церкви. Бл. Августинъ, напр., утверждалъ даже, что государство, если оно не служитъ церкви, не государство, а шайка разбойниковъ. По нему вполнѣ правъ былъ морской пиратъ, на вопросъ Александра Македонскаго: какое онъ имѣетъ право грабить на морѣ, отвѣтившій, что его право такое же, какое и самого царя Александра Македонскаго; вся разница лишь въ томъ, что одинъ производитъ грабежъ на небольшомъ суднѣ, другой съ огромнымъ флотомъ, и потому одного называютъ разбойникомъ, а другого величаютъ императоромъ. [2]).

Во всѣхъ изложенныхъ воззрѣніяхъ для насъ самое важное то, что уже въ первые вѣка христіанской эры,

---

[1]) Противъ Цельса, кн. 8, гл. 68.
[2]) О градѣ Бож. гл. 5.

церковь всегда смотрѣла на себя, какъ на своеобразный политическій организмъ, какъ на civitas sui generis, стоящее рядомъ или выше государства, но отнюдь не ниже его. Слѣдовательно политическое самосознаніе церкви вовсе не было результатомъ того положенія, какое она заняла въ римской имперіи со временъ Константина В. Еще страдая и истекая кровью, церковь не переставала настойчиво твердить, что она есть самостоятельное царство въ царствѣ съ независимымъ правопорядкомъ и непроизводною властью. Но пойдемъ далѣе и мы увидимъ, что корни этого политическаго самосознанія христіанства лежатъ въ ученіи Самого Основателя церкви и Его апостоловъ. Это сознаніе было присуще Самому Христу.

Первое слово Христа было о наступленіи царства Божія на землѣ. Пріиде Іисусъ въ Галилею, проповѣдая евангеліе царствія Божія и глаголя, яко исполнися время и приближися царствіе Божіе (Марк. 1, 14, 15). Христосъ пришелъ не затѣмъ только, чтобы научить людей истинѣ, но и затѣмъ, чтобы примирить, соединить людей съ Богомъ, создать новое реальное, живое общеніе. Само собою понятно, что это общеніе, хотя и локализируется внутри человѣка, въ его духѣ, однако не есть лишь субъективный міръ чисто индивидуальной природы, подобный тому, какой создаетъ въ насъ философскій и художественный геній. Будучи живымъ, реальнымъ, оно выходитъ за предѣлы индивидуальной человѣческой души и создаетъ міръ объективной природы. Оно создаетъ объективный соціальный организмъ. Этотъ организмъ, это новое общество, созданное Христомъ, стоитъ внѣ власти и вліянія государства. Въ немъ царитъ другая воля: воля Христа. Онъ есть Владыка, Властелинъ новаго общества. Онъ есть царь, такъ какъ надъ Нимъ не стоитъ никакой другой высшей власти. І. Христосъ Самъ называлъ Себя царемъ. На вопросъ Пилата: и такъ Ты царь, Онъ отвѣчалъ, «да, ты сказалъ: я царь» (Іоанн. 18, 33 и д.). Какъ царь: хотя и осмѣянный, Онъ умеръ на крестѣ. Пилатъ приказалъ поставить на крестѣ надпись: Іисусъ Назорей, царіудейскій. Эта надпись смутила евреевъ. Они просили Пи-

лата: «не пиши: царь іудейскій, но что Онъ говорилъ: Я царь іудейскій». Пилатъ отвѣтилъ: «что я написалъ, то написалъ» (Іоан. 19, 21—22). Если Христосъ царь, то и созданное Имъ общество есть царство, какъ личное владѣніе Христа Царя. Люди того времени отожествляли государство съ главой, съ носителемъ государственной власти и потому оно было для нихъ царствомъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и новозавѣтная терминологія [1]). Христосъ всегда называетъ царствомъ создаваемое имъ общество людей, уподобляя его сѣятелю, сѣмени, квасу, сокровищу, купцу и т. д. (Матѳ. 13, 31 и д.). Точно также апостолы и первые вѣрующіе считали и называли Христа царемъ, а основанное Имъ общество царствомъ. Апостолы спрашивали воскресшаго Господа: не въ это ли время Онъ откроетъ царство Свое. Іаковъ, братъ Господа, ставшій во главѣ іерусалимской церкви въ глазахъ іерусалимскихъ христіанъ былъ регентомъ Христа, временнымъ замѣстителемъ Его трона. Еще въ 4 в. показывали тронъ, который Іаковъ унаслѣдовалъ отъ Христа. Всѣ родственники Господа были извѣстны среди христіанъ подъ именемъ деспосиновъ, т. е. принцевъ, принадлежавшихъ къ династіи Христа. О царскомъ достоинствѣ Христа слухъ дошелъ до императора Домиціана. Къ нему были приведены два внука Іуды брата Господня по подозрѣнію въ томъ, что они имѣютъ претензію на царскій престолъ. На вопросъ Домиціана они отвѣчали, что владѣютъ 30 плетрами земли и сами обработываютъ ее, въ доказательство чего показали императору свои мозолистые руки.

Итакъ самъ Христосъ смотрѣлъ на церковь, какъ на царство. Онъ видѣлъ въ церкви обсолютно независимый организмъ съ своей самостоятельной сферой дѣйствій, съ правомъ собственнаго самоопредѣленія. Рядомъ съ царствомъ кесаря имъ утверждалась самостоятельность и незыблемость отграниченнаго отъ него царства

---

[1]) Ср. Рим. 13, 1—7; Тит. 3, 1; I Петр. 1, 2, 13—17; Матѳ. 12, 25; Марк. 3, 24, 25; Лук. 11, 17. См. Еллинекъ. Общее ученіе о государствѣ. Пер. Гессена и Шапланда, стр. 92 прим.

Божія на землѣ, куда не можетъ простираться власть кесаря. И это царство конечно не есть область лишь внутреннихъ актовъ человѣческой души—идей, чувствъ и желаній,—какъ наивно думаютъ защитники господствующаго ученія о государствѣ, какъ единственномъ источникѣ права,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и область внѣшнихъ дѣйствій, внѣшняго поведенія, поскольку оно органически связано съ внутренними актами. Христосъ обязалъ апостоловъ проповѣдовать евангеліе, т. е. вмѣнилъ имъ въ обязанность внѣшнее дѣйствіе, хотя бы имъ угрожали за то гоненія и смерть. Вѣрные завѣту Спасителя, апостолы въ отвѣтъ на запрещеніе синедріона проповѣдовать о Христѣ т. е. совершать внѣшнее дѣйствіе говорили: мы должны болѣе повиноваться Богу, чѣмъ людямъ. Словами духовное царство Христово слишкомъ часто злоупотребляютъ. Всякому ясно, что человѣкъ, пока онъ не освободился отъ тѣла, можетъ вступить въ общеніе лишь чрезъ посредство внѣшнихъ дѣйствій. Отсюда никакое религіозное общество, какъ бы оно духовно ни было, немыслимо безъ внѣшнаго modus vivendi. Ни тѣмъ царство Христово отличается отъ царства земного, что оно обнимаетъ собой лишь психическіе акты, а тѣмъ, что и во внѣшнихъ своихъ дѣйствіяхъ оно преслѣдуетъ исключительно цѣли духовныя и притомъ не прибѣгая ни къ какому насилію.

Итакъ по мысли Самого Христа церковь не только въ сферѣ внутреннихъ психическихъ актовъ, но и въ области органически связанныхъ съ ними внѣшнихъ дѣйствій, внѣшняго modus vivendi, есть царство, абсолютно независимое отъ государства. Она стоитъ рядомъ съ государствомъ, но отнюдь не ниже его, какъ подчиненный ему членъ. Мы видимъ теперь, что политическое самосознаніе христіанства является постояннымъ, исконнымъ, изначальнымъ. Оно составляетъ необходимый моментъ въ самомъ существѣ христіанства, его имманентный, а не случайный признакъ. Можно сказать, что само христіанство есть въ сущности евангеліе царства Божія на землѣ, дѣйствительное осуществленіе его. Внѣ политическаго самосознанія нѣтъ христіанства.

Дошли ли мы однако до послѣдней черты, до исходнаго пункта политическаго самосознанія христіанства? Присутствовали ли мы при самомъ зарожденіи его? Нѣтъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что политическое сознаніе христіанства имѣло свои корни въ дохристіанскихъ временахъ, именно въ исторіи ветхозавѣтнаго іудейства. Оно было ничѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ и завершеніемъ іудейской идеи національнаго царства, которая съ потерей политической самостоятельности еврейской націи преобразовалась въ мессіанизмъ. Всѣ эти три формы политическаго сознанія—конкретно-іудейское, мессіаническое и христіанское—имѣютъ нѣчто общее. И конкретное царство іудейское никогда не мыслилось въ сознаніи вѣрнаго іудея подобнымъ обыкновеннымъ царствамъ. Въ представленіи истинныхъ іудеевъ ихъ настоящимъ царемъ былъ Іегова, вступившій съ евреями въ особый договоръ. Всѣ конкретныя власти—уполномоченные Іеговы, Его делегаты. Царь, какъ полновластный самодержецъ, ни отъ кого независимый и никому не подчиненный, для вѣрнаго іудея былъ чѣмъ то немыслимымъ, обиднымъ для Іеговы, Его соперникомъ. Когда сихемляне воцарили надъ собой Авимелеха, рѣшивъ, что лучше подчиняться одному, чѣмъ 70 сыновьямъ Гедеона, то Іаѳамъ предостерегалъ сихемлянъ слѣдующею притчей. Задумали дерева помазать надъ собой царя и сказали маслинѣ: царствуй надъ нами. Но маслина отвѣтила имъ: оставлю ли я масло, которымъ чествуютъ боговъ и людей и пойду ли скитаться по деревамъ? Предлагали смоковницѣ и виноградной лозѣ; но и эти отказались отъ власти, не желая разставаться съ своими добрыми плодами. Лишь терновникъ изъявилъ свое согласіе принять царскую власть и покоить тѣнью своихъ подданныхъ. Такъ смотрѣлъ на суверенаго царя—еврей, вѣрный духу своей религіи. Самъ Іегова жаловался Самуилу, когда іудеи хотѣли поставить надъ собой царя: «не тебя отвергли, а отвергли Меня, чтобы Я не царствовалъ надъ ними». Царская власть была учреждена; но этимъ отнюдь не отмѣнялся договоръ, заключенный Іеговой съ народомъ еврейскимъ. Іегова

попрежнему оставался верховнымъ царемъ народа, видимый же царь былъ лишь простымъ исполнителемъ Его воли. Однако это вовсе не означало того, что царь въ самомъ себѣ воплощалъ непосредственно божественную волю, что воля его была богоподобна. Такъ смотрѣли на царя люди древняго востока Но не такъ смотрѣли на него іудеи. Для вѣрныхъ іудеевъ царь былъ ограниченъ божественной силой, которая проявляла свою волю не чрезъ царя, а чрезъ посредство другихъ органовъ, именно пророковъ. Въ царствѣ еврейскомъ существовалъ такимъ образомъ дуализмъ, въ немъ дѣйствовали двѣ власти, одна человѣческая, другая—сверхчеловѣческаго происхожденія. Эта вторая власть не только ограничивала первую, но и господствовала надъ нею. Велѣнія Іеговы считались выше велѣній царя. И не царь былъ тѣмъ лицомъ, устами котораго говорилъ Богъ своему народу. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялось положеніе и подданныхъ царя. Каждый еврей прежде всего подданный Самого Іеговы. Лишь по отношенію къ Нему еврей совершенно безправенъ. Власть же царя надъ личностью еврея ограничена, связана закономъ Іеговы. Этимъ закономъ еврею предоставлены права, которыя онъ можетъ осуществлять и по отношенію къ царю. Итакъ въ понятіе еврейской теократіи входили собственно три идеи: во-первыхъ идея царства Божія на землѣ, въ которомъ дѣйствуетъ воля Божія чрезъ спеціальные органы и которая ставитъ предѣлъ государственной власти; во-вторыхъ идея органической связи между царствомъ Божіимъ и государствомъ, и въ-третьихъ идея подчиненности государственной власти, власти сверхчеловѣческаго происхожденія Всѣ эти политическія идеи евреевъ и вмѣстѣ и порознь оказали громадное вліяніе на исторію европейскаго государства, но это вліяніе шло главнымъ образомъ чрезъ посредство христіанства.

Когда царство іудейское пало, и пало, по объясненію лучшихъ іудеевъ, вслѣдствіе того, что цари іудейскіе хотѣли быть суверенными, идея царства Божія на землѣ потерпѣла нѣкоторыя существенныя измѣненія: она освободилась отъ своихъ узко-національныхъ и

грубо-матеріалистическихъ чертъ. Въ грядущемъ мессіанскомъ царствѣ долженъ быть устраненъ тотъ дуализмъ власти, который послужилъ причиной гибели царства іудейскаго. Мессія—будущій царь—воплотитъ въ себѣ оба начала и божественное и человѣческое. Самое царство получитъ этическій и космополитическій характеръ. Оно обниметъ собой всѣ народы, и это объединеніе произойдетъ на почвѣ нравственнаго возрожденія людей. Однако съ такими чертами духовности и универсализма будущее царство еврейское рисовалось лишь въ сознаніи тѣхъ возвышенныхъ душъ, которымъ свыше было дано приподнять завѣсу далекаго будущаго. Подавляющая же масса еврейства была глуха къ этимъ откровеніямъ. Печальныя судьбы народа еврейскаго мало отрезвили его. Законъ былъ для нихъ теперь цѣль, субъектъ, господинъ; человѣкъ, напротивъ, средство, объектъ, рабъ Евреи чтили и въ концѣ концовъ даже обоготворили свою тору, но отрицали человѣческую личность. Самая характерная фигура на фонѣ послѣплѣннаго іудейства, одинъ изъ первыхъ реставраторовъ іерусалимской общины знаменитый Неемія изъ ревности къ закону бранилъ, проклиналъ, билъ, рвалъ за волосы своихъ соотечественниковъ. Но лишь двѣ молитвы оставилъ онъ намъ въ своей книгѣ. Въ одной онъ проситъ Бога «помянуть всѣ усердныя дѣла его», а въ другой—припомнить вредившимъ ему Товіи и Санаваллату. Не такъ молился истинный пророкъ. Онъ говорилъ: Боже «прости имъ грѣхи, а если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей» (Исх. 32, 34). Само собою понятно, что на почвѣ такой слѣпой преданности послѣплѣнныхъ іудеевъ закону Моисееву мессіанскія ожиданія пророковъ не могли быть поняты и усвоены ими. Они попрежнему представляли себѣ мессіанское царство съ характеромъ узко-національнымъ и матеріальнымъ. Тогда, какъ и теперь, іудеи не чувствовали того, что іудейство носитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Съ одной стороны оно утверждаетъ вѣру въ Единаго Бога и видитъ въ этомъ свою міровую заслугу. Съ другой стороны оно утверждаетъ, что этотъ Богъ есть собственно Богъ іудеевъ, слѣдова-

тельно Богъ національный. Но если Іегова есть Богъ національный, то Онъ, значитъ, не Единственный. Не задумываясь надъ этимъ, іудеи продолжали вѣрить и ждать, что потомокъ Давида возстановитъ царство іудейское, побѣдитъ всѣ народы и дастъ миръ и счастье своему народу. Они готовы были видѣть Мессію то въ Кирѣ, то въ Зоровавелѣ, то въ разныхъ искателяхъ приключеній. Но когда явился Христосъ, іудеи не признали въ немъ Мессіи. Униженный и страдающій царь имъ былъ не нуженъ. И они кричали: нѣтъ у насъ царя, кромѣ кесаря

Но какъ не велика была пропасть между іудейскими мессіаническими представленіями и евангеліемъ Христовымъ о царствѣ Божіемъ, все же несомнѣнно, что царство Христово было завершеніемъ и осуществленіемъ ветхозавѣтной теократической идеи. Самъ Христосъ основанное Имъ царство ставилъ въ органическую связь съ ветхозавѣтной теократіей и въ Себѣ Самомъ видѣлъ воплощеніе, реализацію ветхозавѣтныхъ обѣтованій и чаяній. Онъ былъ тѣмъ, о комъ предсказывали законъ и пророки. Также смотрѣли на отношеніе ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго царства Божія и апостолы. Для нихъ Новый Завѣтъ былъ исчерпывающимъ продолженіемъ Ветхаго Завѣта. По прекрасному выраженію ап. Павла Ветхій Завѣтъ былъ типомъ Новаго Завѣта. Терминъ τύπος, т. е. ударъ, слѣдъ отъ удара, отпечатокъ отъ удара, выражаетъ у апостола очевидно ту мысль, что вся ветхозавѣтная теократія была отпечаткомъ тѣхъ идей и фактовъ, которые связаны съ явленіемъ Христа на землѣ Она была такъ сказать предчувствіемъ царства Христова,—простите за не совсѣмъ можетъ быть подходящее сравненіе—вѣщимъ сномъ о новозавѣтныхъ временахъ, сномъ несовершеннымъ, но въ то же время и правдивымъ.

Что же именно сохранилось изъ ветхозавѣтной теократіи въ евангеліи Христа о царствѣ Божіемъ? Признавъ самобытность и независимость царства кесаря, Христосъ тѣмъ самымъ изъялъ изъ ветхозавѣтной теократической концепціи тѣ двѣ идеи, которыя съ одной стороны органически связывали царство Іеговы и зем-

ное царство и съ другой стороны подчиняли второе первому, государственную власть власти духовной. Онъ сохранилъ лишь идею самостоятельнаго и независимаго царства Божія на землѣ. Порвавъ связь царства Божія съ царствомъ земнымъ и тѣмъ самымъ отнявъ у него его прежніе устои, опиравшіеся на низшую сторону человѣческой природы, исключивъ изъ него всѣ прежнія гарантіи, обезпечивавшія исполненіе ветхозавѣтнаго и всякаго другого закона, таковы—страхъ, принужденіе, наказаніе, смерть—обосновавъ свое царство исключительно на самыхъ чистыхъ, самыхъ возвышенныхъ, неземныхъ порывахъ человѣческой души, Христосъ возвелъ идею царства Божія на такую недосягаемую дотолѣ высоту, придалъ ей такія черты духовнаго и нравственнаго величія, открылъ предъ человѣческой волей такую безконечную ширь свободы, что духъ человѣческій лишь съ величайшимъ трудомъ можетъ удерживаться на высотѣ евангельскаго созерцанія, чувствуя постоянную потребность найти точку опоры въ компромиссахъ мірскаго царства.

Много трагической правды слышится въ этихъ словахъ великаго инквизитора, обращенныхъ къ Іисусу. «Ты возжелалъ свободной любви человѣка, чтобы свободно онъ пошелъ за Тобой, прельщенный и плѣненный Тобою. Вмѣсто твердаго древняго закона свободнымъ сердцемъ долженъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что добро и что зло, имѣя въ руководствѣ лишь Твой образъ предъ собою,—но неужели Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ наконецъ и оспоритъ даже Твой образъ и Твою правду, если его угнетутъ такимъ страшнымъ бременемъ, какъ свобода выбора? Нѣтъ ничего обольстительнѣе для человѣка, какъ свобода его совѣсти, но нѣтъ ничего и мучительнѣе. Нѣтъ заботы мучительнѣе, какъ найти того, кому бы передать поскорѣе тотъ даръ свободы. Нѣтъ заботы безпрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ оставшись свободнымъ сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ преклониться... сыскать такое, чтобы и всѣ увѣровали въ него и преклониться предъ нимъ, и чтобы непремѣнно всѣ вмѣстѣ. Люди невольники, хотя и созданы

бунтовщиками. И люди обрадовались, что ихъ вновь повели, какъ стадо, и что съ сердецъ ихъ снятъ наконецъ столь страшный даръ, принесшій имъ столько муки»..

Не будемъ поэтому осуждать, будемъ снисходительны.

По присущей человѣку слабости, послѣдователи Христа, не только изъ іудеевъ, но и изъ язычниковъ, очень рано начали конкретизировать ученіе Христа о духовномъ и свободномъ царствѣ Божіемъ, привносить въ него нѣкоторыя матеріалистическія черты, черпая ихъ главнымъ образомъ изъ готоваго матеріала, ветхозавѣтной теократіи. Считая себя новымъ израилемъ, израилемъ по духу, сѣменемъ Авраама, двѣнадцатью колѣнами израилевыми, они отчасти сознательно, отчасти безсознательно представляли себѣ царство Христово на фонѣ ветхозавѣтныхъ фактовъ и идей и такимъ образомъ невольно окрашивали его въ цвѣтъ іудейскихъ воззрѣній Ученики Господа, сыновья Зеведеевы наивно просятъ Его посадить ихъ въ своемъ царствѣ—одного по правую, другого по лѣвую сторону. По воскресеніи Христа апостолы спрашивали Его: «не въ это ли время, Господи, возстановляешь Ты царство израилево»? Первые христіане и между ними апостолы Іоаннъ, Петръ и Павелъ, надѣялись, что они доживутъ до открытія царства славы на землѣ. Съ теченіемъ времени это ожиданіе приняло опредѣленныя формы хиліастическихъ вѣрованій, ожиданій тысячелѣтняго царства подъ скипетромъ Христа. И позднѣе вліяніе идей ветхозавѣтной теократіи многообразно отражалось какъ въ этической, такъ и юридической сторонѣ церковной жизни; но особенно замѣтно проявилось оно въ болѣе или менѣе молчаливомъ признаніи со стороны церкви того юридическаго положенія, какое заняла она въ римской имперіи со времени Константина, и которое логически привело къ физическому принужденію въ дѣлахъ вѣры, нарушивъ такимъ образомъ законъ Христовъ свободы.

Справедливость требуетъ однако сказать, что церковь играла въ этомъ случаѣ скорѣе пассивную роль,

и что инициатива въ немъ принадлежала не церкви, а римскому государству. Смѣшеніе церковной и государственной сферъ въ византійской имперіи, точно такъ же, какъ позднѣе и въ Россіи, было логическимъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ римскаго и современнаго ученія о всемогущемъ государствѣ. Римское государство, какъ извѣстно, не знало себѣ юридическаго предѣла. Право государства было для него безгранично. Оно есть источникъ всякаго права. Если и существуетъ въ государствѣ какое-либо особое право, то оно имѣетъ лишь условный и относительный характеръ. Въ своемъ послѣднемъ основаніи оно зиждется на волѣ государства: оно существуетъ до тѣхъ поръ, пока на него соизволяетъ государство. Принципъ всемогущаго государства не допускалъ существованія такой области въ человѣческой жизни, такого вида общенія, которые претендовали бы на самостоятельность въ отношеніи къ государству. Христіанство, какъ мы видѣли, рѣшительно отвергло этотъ принципъ, утвердивъ самобытность и независимость царства Божія на землѣ. Этотъ глубокій антагонизмъ и былъ коренной причиной гоненія на церковь. Когда затѣмъ христіанство было признано дозволенной религіей, то для римскаго государства предстала такая альтернатива: или признать самостоятельность церкви и отречься отъ античнаго принципа всемогущаго государства, или сохранить этотъ принципъ и включить церковное право въ государственное право, такъ чтобы въ концѣ концовъ попрежнему государство имѣло видъ единственнаго источника права. Но отречься отъ принципа всемогущаго государства римское государство не могло. Какъ извѣстно, это оказывается не подъ силу даже современнымъ культурнымъ и христіанизированнымъ государствамъ и современнымъ христіанскимъ государствовѣдамъ, попрежнему поклоняющимся всемогуществу левіаѳана. И потому былъ избранъ второй выходъ. Римское государство постаралось включить въ свое право церковныя нормы, добровольно подчинило себя церковнымъ порядкамъ. Прямымъ слѣдствіемъ этого было внесеніе въ дѣла вѣры матеріальной принуди-

тельности, какъ гарантіи исполненія государственныхъ законовъ. Отсюда очевидно, что принудительность въ вопросахъ вѣры есть дѣло собственно не церкви, а государства, она лежитъ въ сферѣ государства, а не церкви. Союзъ церкви и государства въ Византіи, союзъ, въ нѣкоторой степени матеріализировавшій идею царства Божія на землѣ,—для самой церкви вызывался внѣшнею необходимостью и лежалъ внѣ ея воли. Чтобы освободиться отъ этого неизбѣжнаго союза, церкви оставался одинъ только путь, пока сохранялся принципъ всемогущаго государства,—это самой превратиться въ государство, поглотить въ себѣ государство. Этотъ второй путь, во всякомъ случаѣ, не лучшій, избрала церковь католическая.

Однако вѣрно и то, что и среди нѣкоторыхъ представителей восточной церкви весьма нерѣдко наблюдалась тенденція обезпечить цѣлость и неприкосновенность христіанской догмы государственнымъ принужденіемъ. Если подъ вліяніемъ притѣсненій самой православной церкви отцы церкви горячо защищали свободу совѣсти, то нерѣдко эти же отцы, когда государственная власть оказывалась на ихъ сторонѣ, рекомендовали ей принять мѣры воздѣйствія противъ еретиковъ и язычниковъ. Какъ въ ветхозавѣтныя времена евреи, окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, и не надѣясь на помощь Іеговы, видѣли свою защиту въ учрежденіи царской власти, такъ теперь христіане, страшась внутренняго своего врага—лжеученій, и не полагаясь на собственную силу божественной истины, стремились найти убѣжище въ своемъ политическомъ самосознаніи, придавъ ему болѣе конкретную, матеріальную форму. Здѣсь они видѣли гарантію цѣлости, единства и крѣпости церкви. И не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эта конкретизація идеи царства Божія въ представленіи нѣкоторыхъ восточныхъ отцовъ церкви возникла подъ вліяніемъ іудейскихъ теократическихъ воззрѣній. Прочтите всѣ мѣста въ сочиненіяхъ церковныхъ писателей, защищающія принципъ принудительности въ дѣлахъ вѣры и оправдывающія союзъ церкви и государства, и вы увидите, что мысль этихъ писателей

постоянно вращается въ сферѣ ветхозавѣтныхъ идей и фактовъ, что именно здѣсь она беретъ уроки жизни. Книги царствъ, Паралипоменонъ и другія писанія В. З. канона даютъ самый богатый матеріалъ апологетамъ государственной религіи.

Если восточная церковь молчаливо признала не по ея волѣ установившійся союзъ съ государствомъ и въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей оправдывала принужденіе въ дѣлахъ вѣры, то западная церковь пошла значительно далѣе. Она не остановилась на признаніи юридической связи между церковью и государствомъ, но мало по малу усвоила и третью идею, входившую въ понятіе еврейской теократіи, именно идею господства духовной власти надъ свѣтской, церкви надъ государствомъ. Она довольно рано признала положеніе, что государство не только по собственной иниціативѣ служитъ добру, вѣрѣ и церкви, но дѣлаетъ это по порученію, по требованію церкви. Эта мысль была высказана еще бл Августиномъ и послужила фундаментомъ папистической теоріи. Августинъ писалъ къ трибуну Марцеллину: «ради пользы церкви посланъ ты. Если не слушаешься просящаго друга, то слушайся совѣтующаго епископа. Такъ какъ я говорю христіанину, то въ такомъ случаѣ я безъ гордости скажу тебѣ: что тебѣ слѣдуетъ слушаться приказывающаго епископа» [1]). Замѣчательна та аргументація, какой снабжаетъ Августинъ свои положенія о служебной роли государства въ отношеніи къ церкви. Онъ обычно ссылается на исторію Ветхаго Завѣта, на примѣръ Езекіи, царя Осіи, Моисея, Иліи и др. [2]). Да и все построеніе его книги о «градѣ Божіемъ» ясно отражаетъ на себѣ черты ветхозавѣтной теократіи. Недаромъ государство еврейское онъ называетъ тѣнью и предвѣщаніемъ града Божія [3]). Подобнымъ образомъ и послѣдующіе представители и защитники іерократической системы кромѣ догматическихъ и этическихъ

---

[1]) Родниковъ. Ученіе бл. Августина о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства. Стр. 219.
[2]) Ibid. Стр. 215, 231.
[3]) Ibid. Стр. 169.

аргументовъ всегда пользовались ссылками на Ветхій Завѣтъ, особенно на взаимныя отношенія Самуила и Саула, прор. Нафана и Давида, пророковъ съ одной стороны и царей Ровоама, Манассіи, Седекіи, Ахаза и Осіи съ другой стороны [1]). Разумѣется, было бы весьма неосторожно, основываясь на этой аргументаціи, думать, что іерократическое государство папъ было подражаніемъ еврейской теократіи. Для созданія этого государства были болѣе реальныя причины, чѣмъ достаточно уже устарѣвшія теоретическія идеи іудейства. Послѣднія служили скорѣе вѣнцомъ, чѣмъ фундаментомъ зданія папства. Ихъ привлекали главнымъ образомъ тогда, когда зданіе было уже готово. Но нѣкоторое вліяніе ветхозавѣтныхъ теократическихъ идей на направленіе римской церкви все же признать надо. Дѣло въ томъ, что фактъ внутренняго сродства ветхозавѣтной теократіи и римскаго папизма не стоитъ особнякомъ и вовсе не представляется неожиданнымъ. Изученіе древнѣйшихъ христіанскихъ памятниковъ показываетъ, что римская церковь съ самаго начала имѣла какое то странное тяготѣніе къ іудейскимъ воззрѣніямъ. Всѣ вышедшія изъ римской церкви христіанскія писанія I и II вѣковъ очень сильно проникнуты іудейскимъ характеромъ. Мысль авторовъ постоянно вращается въ области ветхозавѣтныхъ понятій. Нѣкоторые памятники до такой степени насыщены іудейскимъ духомъ, что до сихъ поръ ученые спорятъ, христіанскіе ли они, или іудейскіе, христіанами интерполированные. Этотъ довольно загадочный фактъ объясняется отчасти двумя обстоятельствами, во-первымъ тѣмъ, что римская церковь была основана не Павломъ, апостоломъ язычества, выразителемъ христіанскаго универсализма, а выходцами изъ іерусалимской церкви, христіанами изъ палестинскихъ іудеевъ, строгими ревнителями закона, а во-вторыхъ тѣмъ, что эта церковь состояла вначалѣ преимущественно изъ обращенныхъ іудеевъ, а не язычниковъ, какъ это видно изъ посланія ап. Павла къ Римлянамъ. Итакъ въ са-

[1]) Ibid. Стр. 269, 275.

мый фундаментъ римской церкви повидимому попали камни, взятые изъ зданія іудейской теократіи.

До сихъ поръ въ исторической перспективѣ я старался выяснить происхожденіе, сущность и развитіе политическаго самосознанія церкви. Я старался доказать, что это сознаніе было присуще еще церкви первыхъ трехъ вѣковъ и даже Самому Основателю христіанства, и что оно составляетъ поэтому необходимый элементъ въ самомъ существѣ христіанства. Указавъ затѣмъ задатки политическаго самосознанія въ исторіи іудейства, я въ общихъ чертахъ намѣтилъ вліяніе идей ветхозавѣтной теократіи на развитіе этого сознанія въ церкви. Сдѣлавъ это, я могу теперь вернуться къ вопросу, поставленному мною въ началѣ рѣчи, именно есть ли противорѣчіе между идейнымъ содержаніемъ христіанства, какъ религіи духа и свободы, имѣющей дѣло съ внутреннимъ міромъ людей, и исторической тенденціей церкви мыслить себя своеобразнымъ политическимъ организмомъ, своего рода государствомъ и сообразно съ этимъ устанавливать свои отношенія къ государству. Отвѣтъ—на этотъ вопросъ теперь ясенъ. Противорѣчія конечно нѣтъ, такъ какъ позади этихъ историческихъ выступленій церкви всегда стоитъ исконное политическое самосознаніе,—сознаніе, что церковь, какъ царство, какъ самостоятельное политическое тѣло, имѣетъ свой самостоятельный, автономный правопорядокъ, самостоятельную верховную власть, право свободнаго самоопредѣленія въ области не только внутреннихъ актовъ, но и органически связанныхъ съ ними внѣшнихъ дѣйствій. Какъ всякое суверенное государство, церковь не зависитъ въ своемъ внутреннемъ самоопредѣленіи ни отъ какого внѣшняго авторитета, не подчинена государству по принципу Божіе Богу, кесарево—кесарю. Надъ ней не стоитъ никакая земная власть, надъ ней можетъ быть лишь право силы. Власть церковная и право церковное являются таковыми отнюдь не въ силу признанія со стороны государства, но въ силу суверенности самой церкви, въ силу того, что церковь есть самостоятельное суверенное государство, sui generis, civitas divina, царство Божіе.

Всѣ эти положенія, составляющія необходимое предположеніе науки церковнаго права и столь очевидныя для вѣрующихъ членовъ церкви, отвергаются однако современнымъ государственнымъ правомъ. Господствующее ученіе о государствѣ представляетъ государство единственнымъ носителемъ верховной власти, исключающимъ на своей территоріи всякую другую непроизводную власть, всякое другое независимое право, допускающимъ для союзныхъ образованій, и въ томъ числѣ для церкви, лишь относительную, условную автономію, даруемую по доброй волѣ государства и въ послѣднемъ основаніи зависимую отъ государства. Современное ученіе о государствѣ не можетъ представить себѣ существованія самостоятельной господствующей власти, ни церковной, никакой другой, которая противостояла бы государству, какъ непреодолимая граница его власти. Государство это левіаѳанъ, поглощающій всю публичную власть. Тотъ глубокій антагонизмъ. какой раздѣлялъ христіанскую церковь и государство въ первые вѣка христіанской эры, въ эпоху гоненій, имѣетъ мѣсто и въ настоящее время, хотя и проявляется въ болѣе деликатныхъ формахъ. Правда, въ послѣднее время появляются среди государствовѣдовъ попытки устранить этотъ антагонизмъ признаніемъ двухъ суверенитетовъ, церковнаго и государственнаго, но онѣ еще слишкомъ незначительны и робки, чтобы можно было надѣяться на скорое рѣшеніе величайшей проблемы нашего времени. Можетъ быть пройдутъ вѣка и много вѣковъ, прежде чѣмъ церковь займетъ въ правѣ свое законное мѣсто, прежде чѣмъ политическое самосознаніе церкви изъ области идей и желаній перейдетъ въ область факта и жизни. А до тѣхъ поръ пусть сама церковь не забываетъ о своей суверенности, о своемъ царственномъ величіи.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

М. Оріу. I. Идеи Дюги. II. Два реализма.

Prof. M. Hauriou. I. Les idées de M. Duguit; II. Deux réalismes (Extrait du Recueil de Législation de Toulouse 1911—1912).

Предисловіе.

Среди французскихъ государствовѣдовъ нашего времени два имени останавливаютъ на себѣ особое вниманіе. Это имя декана юридическаго факультета въ Тулузѣ профессора Оріу и профессора Бордосскаго университета Дюги.

Тотъ и другой заняли особое мѣсто въ государствовѣдѣніи, сдѣлались представителями новыхъ направленій, дали наибольшее развитіе проблемамъ государственнаго права. Прежде чѣмъ остановиться на взаимоотношеніи ихъ ученій, необходимо имѣть въ виду, что и тотъ и другой изъ государствовѣдовъ заняли критическое положеніе въ отношеніи къ формально-юридическому изученію государства, стремясь на мѣсто этого изученія поставить другое—прагматическое, близкое къ соціальной дѣйствительности. Оба они критикуютъ прежде всего теорію юридической личности государства, причемъ Дюги критикуетъ ее съ тѣмъ, чтобы отмѣнить ее совершенно, а Оріу съ тѣмъ, чтобы примѣнить ее къ нѣкоторымъ областямъ государственнаго права.

Таково отношеніе названныхъ государствовѣдовъ къ господствующему теченію въ государствовѣдѣніи. Ихъ несогласія съ господствующей теоріей государственнаго права легко могутъ быть поняты всякимъ, кто только дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ ихъ системами.

Но насъ здѣсь интересуетъ не это. Насъ занимаетъ вопросъ о различіи государственно-правовыхъ воззрѣній этихъ двухъ знаменитыхъ государствовѣдовъ, причемъ интересуетъ въ особенности постольку, поскольку ихъ различія, вѣрнѣе, глубокія разногласія выразились въ сужденіи каждаго изъ нихъ другъ о другѣ.

Намъ представляется возможнымъ сдѣлать это по той полемикѣ, тѣмъ полемическимъ статьямъ, которыя посвятили одинъ другому. Интересъ этой полемики пріобрѣтаетъ особую важность потому, что каждый изъ нихъ стоитъ въ воззрѣніяхъ на государственно-правовыя явленія прямо на противоположныхъ точкахъ зрѣнія. Если Дюги, по своей методологіи, является монистомъ, то Оріу дуалистомъ. Если доктрина Дюги существеннымъ образомъ соціалистическая, то доктрина Оріу проникнута индивидуализмомъ. Если Дюги въ своихъ изслѣдованіяхъ стоитъ только на точкѣ зрѣнія объективнаго права, то Оріу, какъ дуалистъ, принялъ слѣдующее положеніе, выраженное имъ еще въ его «Leçons sur le Mouvement social données á Toulouse en 1898», (48—50 стр.), а именно, что въ правѣ имѣется, въ одно и то же время, точка зрѣнія, права объективнаго и точка зрѣнія права субъективнаго [1]).

Различіе между ихъ доктринами кажется особенно значительнымъ, если мы обратимъ вниманіе на тѣ слѣдствія, къ коимъ приходитъ каждая изъ нихъ.

Слѣдствія, къ которымъ влечетъ доктрина Дюги, отлично изложены въ предлагаемыхъ читателю статьяхъ Оріу. Оріу, изъ всѣхъ французскихъ государствовѣдовъ, далъ наиболѣе яркую оцѣнку идеямъ Дюги. Онъ разобралъ всѣ самыя основныя положенія его доктрины и, будучи самъ не только знаменитымъ государствовѣдомъ, но и весьма виднымъ французскимъ соціологомъ [2]), въ то время какъ Дюги заимствуетъ свои соціологическія основы у Дюркгейма, Оріу могъ, лучше другихъ, дать болѣе разностороннюю оцѣнку идеямъ Дюги. Эту оцѣнку онъ далъ въ своихъ двухъ статьяхъ «Les idées de M. Duguit» и «Deux réalismes». Послѣдняя изъ нихъ является отвѣтомъ на тѣ замѣчанія, какія Дюги сдѣлалъ въ своемъ недавно вышедшемъ трудѣ «Les Transformations générales du Droit privé depuis le Code Napoléon» (1912, Paris

---

[1]) Для болѣе подробнаго ознакомленія съ различіемъ государственно-правовыхъ воззрѣній Оріу и Дюги мы отсылаемъ читателя въ нашей брошюрѣ: «Методологическія различія въ направленіи главн. школъ французскаго государственнаго права». Ярославль 1913 г.

[2]) См. его цитир. соч. «Le mouvements sociale» и «La science sociale traditionelle», Paris 1896 г. XII+436 стр. Его соціологич. воззрѣнія отчасти изложены у Paul Barth, Die Geschichte der philosophie als sociologie, Leipzig 1898, 176 и сл. 194 стр.

188—191 стр.). Отвѣчая на критику Оріу его доктрины Дюги готовъ свести всю его теорію къ простымъ философскимъ спекуляціямъ. Но замѣчанія Дюги кратки и въ конечномъ результатѣ онъ не отвѣтилъ на весьма обоснованную критику его идей, данную профессоромъ Оріу.

Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ проф. Оріу переводить подъ моей редакціей его труды на русскій языкъ, я предлагаю вниманію читателя двѣ его небольшія статьи, стоящія между собой въ самой тѣсной органической связи.

С. П. Покровскій.

I. Идеи Дюги.

Скоро уже исполнится десять лѣтъ, какъ мой коллега Местръ и я посвятили въ *Revue du Droit public* большую статью анализу перваго тома теоріи о государствѣ Дюги, который тогда только что появился подъ заглавіемъ: «*L' État, le Droit objectif et la loi positive*» [1]).

Не отказывая нашему коллегѣ въ похвалахъ, которыя заслужилъ его трудъ, мы не скрывали отъ него, что его доктрина намъ казалась анархической и мы называли ее «доктринальнымъ анархизмомъ» или «анархизмомъ юридическимъ»[2]). Въ 1906 году, въ первомъ томѣ своей *Théorie de la personnalité morale,* на стр. 52, Michoud, нашъ извѣстный коллега изъ Гренобля, съ своей стороны, высказалъ мнѣніе, отмѣтивъ, что «здѣсь проявляется чисто анархическая теорія, несовмѣстимая съ соціальными потребностями» и только что повторилъ это въ своемъ интересномъ очеркѣ [3]). Въ 1906 же году, въ четвертомъ изданіи своего труда «*Éléments de Droit constitutionnel*» на стр. 40 и слѣдующихъ, Esmein, нашъ общій учитель конституціоннаго права, снова потворилъ выраженіе «анархическая химера», и въ 1909 г., въ своемъ пятомъ изданіи, на стр. 31 и слѣдующихъ, онъ основательно мотивировалъ свое сужденіе. Не обращая вниманія на эту критику, на возраженія, сдѣланныя многими другими авторами—и притомъ не малымъ ихъ числомъ [4]).—Дюги не переставалъ въ своихъ послѣдую-

---

[1]) *Revue de Droit public.,* 1902, t. XVII стр. 346 и слѣд.

[2]) *Eod.* стр. 348 и 353.

[3]) *La personnalité et les droits subjectifs de l'État dans la doctrine française contemporaine, Sonder abdruck aus der Otto Gierke-Zeitschrift,* 1911.

[4]) См. именно Gény, отчетъ, Revue critique, 1901, стр. 502 и слѣд.;

щихъ [1]) произведеніяхъ высказывать свои идеи съ возрастающимъ убѣжденіемъ.

Насъ удивляетъ не эта настойчивость въ утвержденіи. Безъ сомнѣнія, на менѣе смѣлаго новатора могло бы произвести впечатлѣніе почти единогласіе сдѣланныхъ возраженій, и, еще болѣе, то соображеніе, что такая классическая тема, какъ принципъ власти, можетъ быть устарѣлой въ своей формѣ и нуждаться въ обновленіи, но очень мало данныхъ къ тому, чтобы она была ложна въ своемъ основаніи. Но Дюги смѣлъ; онъ воодушевленъ великодушными намѣреніями, которыя, въ его глазахъ, оправдываютъ его смѣлость; онъ не просто борется со старыми догмами, нѣтъ—онъ ведетъ крестовый походъ; въ отличіе отъ героя Расина, который обнималъ своего противника, чтобы лучше его задушить, онъ душитъ право правительствъ, чтобы лучше ихъ обнять; наконецъ, и болѣе того, онъ въ правѣ сказать, что прошло *десять лѣтъ, какъ онъ высказалъ свои идеи*, и онѣ почти совершенно не были приняты, ни отвергнуты, ни даже систематически оспариваемы.

Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіи десяти лѣтъ, онъ не встрѣтилъ ни одного юриста, который, во французскихъ журналахъ, понялъ бы необходимость поставить себѣ задачей изслѣдовать, существеннымъ и непосредственнымъ образомъ, дѣйствительно ли *идеи Дюги о государствѣ являются анархическими*. Это, какъ будто, говоритъ о безжизненности науки государственнаго права во Франціи. Подобное молчаніе въ дѣлѣ такой важности плачевно указываетъ на органическое состояніе, въ которомъ оно находится, органическое состояніе, происходящее, безъ сомнѣнія, отъ нашей чрезмѣрной университетской централизаціи. Не безполезно замѣтить, что въ Германіи, странѣ университетской децентрализаціи, доктрина, подобная доктринѣ Дюги, породила бы десять статей съ различными возраженіями и что полемика въ принципѣ исчерпала бы

Les pocédès d'élaboration du Droit civil, 1910, стр. 5; Larnaude, *Les methodes juridiques*, 1910, стр. 13; Saleilles, *La personnalité juridique*, 1910, стр. 547 и сл.

[1]) *L'État, le droit objectif et la loi positive*, 1901; *L' État.les goubnants et les agents*, 1903; *Manuel de Droit constitutionnel*, 1907; *Le Droit social, le Droit individuel et la transfoamation de l'État*, конференціи въ *l'École des hautes études sociales*, I изд. 1908, II изд. 1911; *Traité de Droit constitutionnel*, томъ I, 1911; *Manuel de Droit constitutionnel*, 2-е изд. 1911 г.

вопросъ. У насъ не существуетъ споровъ, особенно путемъ журнальныхъ статей, потому что тѣ, которые могли бы ихъ предпринять, загипнотизированы централизаціей и потому что централизація, которая инстинктивно проникаетъ въ оффиціальную науку, является врагомъ споровъ.

Но нравы, которые не существуютъ, могутъ быть созданы. Впрочемъ, мы обладаемъ теперь областными университетами, и рѣчь идетъ о томъ, чтобы опереться на нихъ, чтобы децентрализовать науку и такъ какъ, лично, я имѣю подъ рукой отличный и гостепріимный *Recueil de Législation de Toulouse,* я ставлю вопросъ, который намѣтилъ, и постараюсь изслѣдовать его по существу.

* * *

Положеніе, принятое Дюги, слѣдующее: онъ совершенно не отрицаетъ необходимости факта правительствъ, онъ слишкомъ знающій соціологъ, чтобы допустить эту ошибку, но онъ отрицаетъ собственное право правительствъ; онъ намъ говоритъ: правительства, сами по себѣ, не имѣютъ права повелѣвать, они являются фактомъ, а не правомъ; не существуетъ законнаго основанія политической власти и не существуетъ принципа власти; суверенитетъ, государственная власть, государственное могущество—все это силы больше другихъ, которыя, конечно, осуществляются, потому что онѣ являются самыми большими силами въ государствѣ, но это не права.

Безъ сомнѣнія, дѣятельность правительства и администраціи можетъ представлять нѣкоторый юридическій характеръ, но только тогда, если эта дѣятельность соотвѣтствуетъ *нормѣ права* и единственно въ силу этого соотвѣтствія. Такимъ образомъ, приказанія власти являются юридическими черезъ ихъ соотвѣтствіе съ нормой права, но не сами по себѣ. Законодательная власть, сама по себѣ, не является также больше другихъ и положительный законъ не имѣетъ никакой императивной силы, если онъ не соотвѣтствуетъ нормѣ идеальнаго права:

«Правительственная власть существуетъ, говоритъ онъ, и не можетъ не существовать, мы только отрицаемъ, что она является правомъ. Мы утверждаемъ, что тѣ, кто обладаютъ правительственной властью, обладаютъ властью факта, а не властью права. Говоря, что они не имѣютъ государственной

власти, мы хотимъ сказать, что они не имѣютъ права формулировать приказанія и что проявленія ихъ воли не являются таковыми для управляемыхъ».

«Изъ этого слѣдуетъ, что обнаруженія воли правящихъ имѣютъ значеніе только постольку, поскольку они соотвѣтствуютъ нормѣ права, основу котораго мы опредѣлили (въ соціальной солидарности)... Законъ совсѣмъ не имѣетъ характера приказанія, отданнаго Парламентомъ и предписаннаго себѣ, потому что его и формулируетъ Парламентъ. Девятьсотъ индивидовъ, составляющихъ Парламентъ, совсѣмъ не могутъ давать мнѣ приказанія: законъ предписывается повиновенію гражданъ только если онъ является выраженіемъ или приведеніемъ въ дѣйствіе нормы права... Юридикціонное рѣшеніе имѣетъ значеніе только въ той мѣрѣ, насколько оно будетъ сообразно съ правомъ.—Наконецъ, административный актъ совсѣмъ не будетъ облеченъ самостоятельнымъ характеромъ только потому, что онъ истекаетъ отъ правящихъ и отъ ихъ агентовъ; онъ будетъ имѣть дѣйствіе, если на лицо будутъ нормальныя общія условія для всякаго юридическаго акта, и такимъ образомъ исчезнетъ коронный характеръ администраціи».

«Проявленія воли правящихъ имѣютъ соціальное значеніе постольку, поскольку они соотвѣтствуютъ соціальной нормѣ, объективному праву и только въ этой мѣрѣ». *(Traité de Drott constitutionnel,* 1911, стр. 86—89) [1]).

Итакъ, не существуетъ ни самостоятельной власти законодательнаго рѣшенія, ни самостоятельной власти судебнаго рѣшенія, ни собственной власти рѣшенія, принятаго администраціей.

Итакъ, нѣтъ ни законодательной власти [2]), ни власти юридикціонной, ни власти административной.

Существуетъ только власть, однако ни какъ власть положительнаго закона, но только какъ нормы идеальнаго права.

---

[1]) Такъ какъ Дюги воспроизводитъ однѣ и тѣ же идеи въ своихъ послѣдовательныхъ произведеніяхъ, то мы ограничимся краткими цитатами изъ послѣдняго произведенія, которое должно заключать ихъ наиболѣе законченную формулу.

[2]) *Traité de Droit constitutionnel,* томъ I, стр. 149; *Fondement du caractère impératif de la loi.*

Надо задать вопросъ, все ли понятно. Дѣйствительно ли, по мысли автора, всѣ приказанія правительства могутъ быть оспариваемы, прежде чѣмъ имъ будутъ повиноваться? Является ли вопросъ объ ихъ обоснованности предварительнымъ? Могутъ ли, въ арміи и въ административной іерархіи, подчиненные оговориться незаконностью, чтобы оспаривать приказанія своихъ начальниковъ? По отношенію къ самимъ управляемымъ—не выполняются ли административныя рѣшенія только послѣ доказательства ихъ законности? Не примѣняются ли законы только послѣ удостовѣренія въ ихъ соотвѣтствіи идеальному праву? Но, въ такомъ случаѣ, что будетъ съ военной дисциплиной и съ административной іерархіей, какъ пойдетъ государственная служба и какъ будетъ выполняться все, предусмотрѣнное закономъ? До сихъ поръ, все въ государствѣ функціонировало потому, что повиновеніе приказаніямъ политической власти предшествовало удостовѣренію законности этихъ приказаній; хотятъ ли уничтожить чиновниковъ? будетъ ли удостовѣреніе законности правительственнаго приказанія предшествовать повиновенію? Будетъ ли предшествовать повиновенію закону удостовѣреніе въ соотвѣтствіи положительнаго закона нормѣ идеальнаго права?

Такъ какъ этотъ вопросъ о предварительномъ удостовѣреніи является одинаковымъ какъ въ отношеніяхъ правительственнаго порядка къ закону, такъ и въ отношеніяхъ закона къ нормѣ идеальнаго права и такъ какъ его легче всего изслѣдовать въ отношеніяхъ правительственнаго порядка къ закону, гдѣ онъ предполагаетъ признанными вопросы о законности правительственныхъ мѣръ или о пассивномъ повиновеніи приказаніямъ высшихъ начальниковъ,—поэтому мы его и изслѣдуемъ.

Надо отдать справедливость Дюги, что онъ отступилъ передъ послѣдствіями своего принципа въ томъ, что касается военной дисциплины, изъ боязни оказаться нелогичнымъ, тогда какъ логика является единственнымъ достоинствомъ его системы. Онъ «вынужденъ думать», что военный нижній чинъ обязанъ безусловно повиноваться приказаніямъ, отданнымъ начальникомъ, даже тогда, когда данное приказаніе кажется ему незаконнымъ, потому что таковъ законъ организаціи арміи: «Главная цѣль, которую преслѣдуетъ всякій законъ, организующій вооруженную силу, это—обезпечить крѣпкую связь

этой силы и создать для этого полную зависимость различныхъ агентовъ, которые ее составляютъ» [1]).

Такимъ образомъ, для принадлежащаго къ арміи, сама норма права предписываетъ предварительное повиновеніе. И это хорошо, это удачное примѣненіе «добровольнаго рабства» Alfred'a de Vigny. Но зачѣмъ останавливаться на такомъ хорошемъ пути? Почему законъ административной организаціи, главной цѣлью котораго является также обезпеченіе сильной связи въ администраціи, не установлялъ бы тоже полной зависимости подчиненныхъ агентовъ? И почему изъ совокупности нашихъ политическихъ законовъ, имѣющихъ цѣлью создать столь сильную централизацію, не выведутъ заключенія, что норма идеальнаго права предписываетъ всѣмъ жителямъ страны предварительное повиновеніе приказаніямъ законодателя и правительства? Такимъ образомъ, послѣ военной дисциплины, перестроили бы дисциплину административную и національную и, въ силу этого, норма идеальнаго права сама отказалась бы отъ своего права повелѣвать въ пользу политической власти.

Дюги не хотѣлъ пойти по этому пути. Послѣ уступки, сдѣланной необходимости пассивнаго военнаго послушанія—очень разумной уступки, но опровергающей логику его системы—онъ возвращется къ своему принципу и принимаетъ положеніе противъ доктрины пассивнаго повиновенія въ административной іерархіи. Вопросъ объ уголовной отвѣтственности или безотвѣтственности подчиненнаго агента, который, по формальному распоряженію своего высшаго начальника, выполнилъ незаконное приказаніе—является вопросомъ классическимъ. Законодательства и традиціонныя доктрины признаютъ, что агентъ извиняемъ въ своемъ исполненіи, и, слѣдовательно, признаютъ доктрину пассивнаго послушанія. Наша статья 114-я (параграфъ 2-й) Уголовнаго Кодекса, установивъ наказаніе лишеніемъ правъ состоянія для всякаго государственнаго чиновника, агента или довѣреннаго правительства, который приказалъ бы или совершилъ бы произвольный актъ, прибавляетъ: «Если, однако, онъ докажетъ, что дѣйствовалъ по приказанію своихъ начальниковъ, по дѣлу, входящему въ вѣдомство послѣднихъ, по отношенію къ которымъ онъ долженъ былъ ока-

[1]) *L'État, les gouvernants et les agents*, стр. 633.

зать іерархическое повиновеніе, онъ будетъ избавленъ отъ наказанія, которое, въ этомъ случаѣ, должно быть примѣнено только къ начальникамъ, отдавшимъ приказаніе». То же самое положеніе устанавливается статьей 184-й, примѣняемой въ случаѣ нарушенія права жилищъ и статьей 190-й въ случаѣ требованія военной силы, чтобы помѣшать выполненію закона, чтобы воспрепятствовать взиманію законнаго сбора или чтобы воспротивиться выполненію указа или судебнаго постановленія, или какого-нибудь другого приказанія, истекающаго отъ административной власти. У нѣмецкихъ юристовъ, тщательно изучившихъ вопросъ, общепринятая доктрина резюмируется такимъ образомъ: низшій чиновникъ обязанъ повиноваться приказаніямъ высшаго чиновника и поэтому избавленъ отъ всякой уголовной и гражданской отвѣтственности, когда на лицо есть три слѣдующія условія: 1) необходимо, чтобы приказаніе было правильнымъ по формѣ; 2) необходимо, чтобы подчиненный чиновникъ обладалъ компетенціей для выполненія приказанія, въ противномъ случаѣ можно сослаться на его некомпетентность; 3) необходимо, чтобы высшій чиновникъ былъ бы въ принципѣ компетентенъ, чтобы отдавать данное приказаніе. Словомъ, подчиненный долженъ изслѣдовать только формальную и внѣшнюю правильность приказанія и не долженъ касаться правильности матеріальной или по существу, т. е. законности [1]).

Съ своей стороны, нашъ Государственный Совѣтъ, путемъ положеній объ отмѣнѣ административныхъ актовъ, былъ принужденъ поставить себѣ вопросъ не о томъ, извиняемъ ли лично подчиненный за неизслѣдованіе законности приказанія, но болѣе важный вопросъ—могъ ли подчиненный административный органъ отказать въ выполненіи приказанія, основываясь на его незаконности. Совѣтъ рѣшилъ вопросъ отрицательно, хотя дѣло касалось мэра, не являющагося простымъ подчиненнымъ агентомъ префекта, но который, однако, подчиненъ ему іерархически въ выполненіи мѣръ общаго интереса.:

«Полагая, что дѣло касается инструкціи, которой префектъ Сены и Марны требовалъ отъ мэра коммуны Бутевилье

---

[1]) Laband «Le Droit public de l'Empire allemand» изданіе французское, т. II, стр. 152. Мы предоставляемъ этотъ анализъ самому Дюги: L'Étas, les gouvernants.

опубликовать дополнительную роспись патентовъ;... *что мэру не подлежало оцѣнивать правильность актовъ, которые онъ долженъ былъ опубликовать*, и что несправедливо онъ отказалъ въ этомъ опубликованіи; что, при этихъ обстоятельствахъ, префектъ могъ, не превышая своихъ полномочій, и т. д.»... (Госуд. Совѣтъ, 13 марта 1908, коммуна Бутевилье стр. 258).

Итакъ, законодательство, юриспруденція, доктрина, во Франціи и Германіи, до сихъ поръ допускаютъ въ отношеніи административныхъ агентовъ предварительное повиновеніе правительственнымъ приказніямъ и невозможность предварительнаго оспариванія законности. Хотя это единогласіе и производитъ небольшее впечатлѣніе на Дюги, однако онъ возстаетъ: «Несмотря на авторитетъ авторовъ, защищающихъ эту доктрину, мы не можемъ допустить ея послѣдствій и полагаемъ, что, вообще, ириказаніе высшаго чиновника совсѣмъ не предписывается низшему, если его содержаніе противорѣчитъ закону, и что, поэтому, низшій чиновникъ, который только выполняетъ это приказаніе, совсѣмъ не избавленъ отъ отвѣтственности [1]).

И для него самого открывается перспектива анархіи, но онъ старается себя разувѣрить: «Пусть не говорятъ, что наше рѣшеніе дѣлаетъ невозможнымъ всякую административную дисциплину и ведетъ къ анархіи. Нѣтъ». И основаніе, которое онъ выставляетъ, удивительно: «Потому, что если агентъ отвѣтственъ, когда онъ выполняетъ приказаніе, противное закону, онъ также отвѣтственъ, если отказывается выполнить приказаніе, сообразное съ закономъ, и правильное функціонированіе службы будетъ гораздо полнѣе обезпечено *яснымъ пониманіемъ*, что всѣ агенты—отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ—отвѣтственны, чѣмъ системой пассивной дисциплины, которая разслабляетъ характеры, подавляетъ волю, атрофируетъ пониманіе» [2]).

Вотъ хорошо спѣтая смѣлая арія и убѣдительное возраженіе! Оно клонится именно къ этому оптимистическому утвержденію: «Всѣ агенты будутъ имѣть ясное пониманіе закона и ясное пониманіе ихъ отвѣтственности, т. е. всѣ агенты будутъ совершенны».

---

[1]) *L'État, les gouvernants et les agents.* стр. 624.

[2]) *Ibid.* стр. 629.

Но это именно оптимизмъ Прудона, Бакунина, Кропоткина, Элизе Реклю, Jean Graves и другихъ классическихъ анархистовъ, это вѣра въ безконечный прогрессъ человѣческаго разума, дѣлающая безполезными правительства или предварительное послушаніе, что одно и то же.

И тотъ же самый оптимизмъ обнаруживается въ другомъ отвѣтѣ, который даетъ Дюги по поводу закона *(le Droit social, le Droit individuel et la transformation de l'État,* 2-е изданіе, 1911, стр. 56): «Моя теорія закона, говоритъ онъ, напротивъ, главнымъ образомъ, соціальна (т. е. не анархична), потому что она принуждаетъ издавать только законы, о юридическомъ характерѣ которыхъ не можетъ возникнуть сомнѣнія». Итакъ, вотъ заявленная оптимизмомъ непогрѣшимость законодательнаго чутья, но, пока что, отрицаніе законодательной власти.

Ошибка Дюги въ томъ, что онъ находитъ возможнымъ отдѣлить вопросъ о существованіи факта правительствъ отъ вопроса ихъ права повелѣвать или, что одно и то же, отъ вопроса предварительнаго повиновенія ихъ приказаніямъ: «Я не анархистъ, пишетъ онъ, такъ какъ я признаю необходимость факта правительствъ» [1]). Да, но существованіе факта правительствъ гораздо менѣе важно, чѣмъ существованіе принципа власти. Здѣсь поставленъ вопросъ права и ошибка этого юриста въ томъ, что онъ его не понялъ.

Рѣчь идетъ о томъ, чтобы установить, съ какой стороны онъ предваренъ—со стороны ли власти, которая повелѣваетъ, или со стороны объекта, который повинуется; можетъ ли объектъ до повиновенія выставить предварительный вопросъ о законности приказанія или, наоборотъ, онъ обязанъ повиноваться раньше, чѣмъ поставить вопросъ о законности. Допустить предварительность относительно законности—это уничтожить предварительное послушаніе приказаніямъ правительства, это уничтожить юридическую силу правительства: «Суверенная власть, говоритъ Jurieu, это та, которая не нуждается въ отчетахъ, чтобы оправдать свои акты» [2]). Это та, которая не нуждается въ доказательствахъ, что она имѣетъ основаніе для требованія предварительнаго послушанія. Тре-

---

[1]) *Traité de Droit constitutionnel,* томъ I, стр. 86—89.

[2]) См. 17 lettre pastorale, 3-й годъ.

бовать это доказательство—это уничтожить собственную силу суверенитета, это—анархія.

Прудонъ и его послѣдователи не ошиблись, хотя они и не были юристами; они не ограничились опроверженіемъ факта правительствъ, они оспаривали принципъ власти, такъ какъ думали, что принципъ поддерживаетъ фактъ Они оспаривали его особымъ образомъ. Они видѣли, что онъ особенно защищается съ помощью богословскихъ аргументовъ и дѣйствовали обратнымъ путемъ. Отсюда неожиданное, съ перваго взгляда, объясненіе явленія, отсюда многія религіозныя предубѣжденія у Прудона, отсюда его сильный антиклерикализмъ, безпрерывное смѣшеніе богословскихъ и политическихъ споровъ въ большинствѣ его произведеній, именно въ его трудѣ *Idee générale de la Revolution au dix-neuvième siècle* и въ его безконечномъ памфлетѣ *De la Justice dans la Révolution et dans l'Église* [1])

Безъ сомнѣнія, Прудонъ и его послѣдователи ошибались, воображая, что принципъ власти существовалъ только благодаря религіознымъ традиціямъ и опирался только на богословскія соображенія. Мы увидимъ, что онъ могъ хорошо поддерживаться соображеніями соціологическими и юридическими, выведенными изъ порядка вещей. И къ тому же, нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы этотъ принципъ не былъ божественнаго происхожденія. И въ самомъ дѣлѣ, все, что соотвѣтствуетъ порядку вещей—божественно и это признаетъ самъ Прудонъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ лучше вдохновленъ [2]). Но антиклерикальное ожесточеніе анархистовъ, хотя и плохо направленное, однако, доказываетъ, что они призна-

---

[1]) «Правительство (*или Церковь и Государство, нераздѣльно соединенныя)* имѣетъ догматами, и т. д...; отсюда этотъ организмъ, имѣющій цѣлью поддержаніе порядка въ обществѣ, *освящая и санкціонируя* повиновеніе гражданъ государству». (*Idée générale de la Revolution au XIX siècle*, изданіе Фламаріона, стр. 254). Съ своей стороны, Бакунинъ говоритъ о государствѣ: «Это—другая церковь—выраженіе политическаго идеализма» (*Oeuvres.* t. I, стр. 221 и 224); онъ даетъ доказательства идентичности церкви и государства. Наконецъ, извѣстна краткая и знаменательная формула, въ которой сконцентрировалась анархическая доктрина, чтобы составить рубрику журнала «Ni Dien, ni Maitre».

[2]) Idée générale de la Revolution au XIX siecle, изд. Фламаріона, стр. 141.

ютъ необходимость разрушить сначала принципъ власти съ тѣмъ, чтобы лучше разрушить фактъ правительствъ.

Итакъ, не нужно создавать себѣ никакой иллюзіи: отрицать необходимость предварительнаго послушанія правительственнымъ приказаніямъ, отрицать собственное право правительствъ предписывать это предварительное послушаніе, признавая въ то же время необходимость самого факта правительствъ—это анархическій образъ мыслей и наиболѣе опасный изъ всѣхъ.

Конечно, мы не отвергаемъ хорошихъ намѣреній Дюги, что онъ сдѣлалъ—онъ дѣлалъ для того, чтобы лучше обезпечить верховенство права, для того, чтобы лучше связать государство правомъ.

Онъ хотѣлъ бы, чтобы правительство, и, въ особенности парламенты, были бы, больше чѣмъ теперь, принуждены соблюдать нормы справедливости. Есть форма политической власти, которая, въ нашихъ демократіяхъ, кажется ему грубой, тираннической, невыносимой и которую онъ хотѣлъ бы обуздать. Поэтому онъ предполагаетъ подчинить законодательную власть предварительному повиновенію предписаніямъ нормъ права. Но средство, которое онъ предлагаетъ, гораздо хуже, чѣмъ само зло и вотъ случай сказать, что адъ вымощенъ благими намѣреніями.

* * *

Однако, надо признать, что нелегко рѣшить проблему принципа власти, особенно въ намѣченныхъ нами границахъ. Съ одной стороны, мы, оставляя въ сторонѣ всякія богословскія разсужденія, имѣемъ намѣреніе опереться только на *порядокъ вещей*; съ другой стороны, мы признаемъ *въ порядкѣ вещей*, что приказанія правительства могутъ быть иногда въ конфликтѣ или съ положительной законностью, или съ нормой идеальнаго права, но что, въ этихъ положеніяхъ, политическая власть имѣетъ право на предварительное повиновеніе до тѣхъ поръ, пока конфликтъ не будетъ улаженъ и что, въ итогѣ, въ этомъ то преимуществѣ—въ предварительности—и состоитъ принципъ власти [1]).

---

[1]) Мы предполагаемъ понятнымъ, что приказаніе правительства, не будучи сообразнымъ съ справедливостью въ тѣсномъ смыслѣ и, даже, не соотвѣтствуя положительной законности, не является противнымъ предписаніямъ

Принятое нами положеніе было указано Gény въ его отчетѣ въ Revue critique de Législation, 1901, стр. 508, когда онъ говорилъ, что нужно признать, что всякій законъ предполагается сообразнымъ съ правомъ и, до доказательства противнаго, обязываетъ гражданъ къ повиновенію. Однако, къ большому сожалѣнію, Gény не развилъ своей мысли и мы не знаемъ, какое основаніе хотѣлъ онъ дать этой презумпціи.

Что касается меня, я считаю необходимымъ сказать, что всякій положительный законъ или всякое приказаніе правительства предполагается сообразнымъ съ извѣстнымъ видомъ права (espéce de droit) до тѣхъ поръ, пока будетъ доказано, что онъ противорѣчитъ нормѣ *права, являющейся другимъ видомъ права.*

Ясно, что надо признать это, если хотятъ установить, что приказаніе власти законно и тогда, когда оно не сообразно съ справедливостью въ тѣсномъ смыслѣ; надо признать, что порядокъ вещей допускаетъ два вида права—право, истекающее изъ нормы справедливости и право, происходящее изъ правительственнаго суверенитета и что конфликтъ между этими двумя видами права регулируется путемъ практическихъ комбинацій, относящихся къ вопросу предварительности.

Но сейчасъ же выдвигается преюдиціальное возраженіе. Этой концепціи сложнаго порядка вещей, единство котораго реализуется только посредствомъ практическихъ синтезовъ, противятся многіе на чисто философскихъ основаніяхъ. Здѣсь мы приходимъ къ необходимости изслѣдовать философскіе постулаты, которые кроются подъ юридическими системами [1]).

Между соціологами господствуетъ направленіе, происшедшее изъ монизма и чистой логики, жертвой котораго, послѣ многихъ другихъ, сдѣлался и Дюги и отъ котораго ему трудно отстать. Это направленіе умовъ происходитъ, большей частью,

---

общей морали и, тѣмъ болѣе, не происходитъ отъ крайней тиранiи. Другими словами, мы не думаемъ поднять вопроса ни о сопротивленіи притѣсненію, ни о законномъ возстаніи, которыя являются границами, допущенными всѣми моралистами по отношенію къ законодательной власти правительствъ. Разсматриваемый здѣсь вопросъ—это только вопросъ объ отношеніяхъ правительственной власти къ нормѣ права. И таково мнѣніе Дюги о сопротивленіи притѣсненію, которое онъ высказываетъ въ другомъ мѣстѣ своей книги, въ § 97.

[1]) Мы уже намекали на это въ Revue du Droit public, 1902 г.

изъ философской вѣры въ то, что мы, вмѣстѣ съ Тардомъ, называемъ однороднымъ детерминизмомъ, т. е. вѣры въ объединеніе всѣхъ естественныхъ явленій въ одинъ и тотъ же видъ. Нужно обратить вниманіе на это направленіе, особенно непригодное къ соціальнымъ отношеніямъ; оно служитъ препятствіемъ понятію «порядка вещей», потому что противится различенію порядка и безпорядка, справедливаго и несправедливаго, что является спеціально юридической формой различія добра и зла. Если допустить объединеніе соціальныхъ актовъ въ однородный видъ, то не будетъ ни порядка, ни безпорядка, ни справедливости и несправедливости; будутъ только естественныя явленія, всѣ одинаково квалифицированныя и неизбѣжно слѣдующія одни за другими. Это направленіе противится понятію проблемы конечности; безъ сомнѣнія, всѣ живыя существа кажутся преслѣдующими цѣли и дѣлающими выборъ между средствами, которыя имъ представляются, чтобы достигнуть эти цѣли, но это только оптическій обманъ. Если строго связать ихъ акты, то мы увидимъ, что совсѣмъ нѣтъ конечности, есть только причинность. Наконецъ, однородный детерминизмъ представляетъ другое затрудненіе, онъ стремится находить объясненіе факта въ какомъ-либо одномъ прежнемъ поступкѣ, тогда какъ, въ дѣйствительности, многіе прошедшіе поступки комбинируются, чтобы произвести послѣдующій фактъ.

Къ тому же, право имѣетъ потребность, для своей техники, въ различіи порядка и безпорядка, дозволеннаго и недозволеннаго закономъ, справедливаго и несправедливаго, нуждается въ постулатѣ конечности и свободы агентовъ въ выборѣ средствъ. Итакъ, между детерминистической соціологіей и правомъ существуетъ тотъ же конфликтъ, какъ и между соціологіей и моралью [1]). Конфликтъ былъ бы быстро разрѣшенъ еслибы захотѣли отказаться отъ понятія детерминизма въ отношеніи къ одному только роду и приложили бы понятіе детерминизма къ многочисленнымъ родамъ (à séries multiples). Детерминизмъ однородный (à série unique), который практически примыкаетъ къ универсальному феноменизму, къ отрицанію

---

[1]) О конфликтѣ детерминистической соціологіи и морали см. Lévy Bruhl «*La morale et la science des moeurs*», Paris 1903; Simon Deploige, «*Le conflit de la morale et de la sociologie*» Alcan, 1911.

самопроизвольности и, слѣдовательно, реальнаго положенія существъ, которое объясняетъ всѣ внутреннія явленія организмовъ внѣшнимъ дѣйствіемъ среды,—этотъ детерминизмъ тираническимъ образомъ господствуетъ уже въ теченіе вѣка; но, являясь продуктомъ недостаточно развитой науки, онъ долженъ замѣниться детерменизмомъ, прилагаемымъ ко многимъ родамъ (à séries multiples), фундаменты для котораго закладываются уже и теперь.

Детерминизмъ послѣдняго рода, признаетъ, что въ природѣ существуетъ заразъ безпрерывность и прекращаемость; къ античному афоризму natura non facit saltus, онъ прибавляетъ другой афоризмъ sed natura facit saltus. Существуетъ безпрерывный рядъ явленій, изъ которыхъ одни производятся другими, но есть также существа, самопроизвольность которыхъ играетъ роль преграды для безпрерывныхъ видовъ и акты которыхъ, не имѣющіе связи съ предшествующими, служатъ причиной для новыхъ феноменальныхъ видовъ.

Эти идеи начинаютъ распространяться:

Прежде всего, въ философіи, поскольку философская критика, съ Lachelier и Boutrou во главѣ, показала, насколько детерминизмъ относителенъ и является скорѣе процессомъ нашего ума, чѣмъ реальностью вещей [1]); поскольку прагматизмъ William James'a пріучилъ психологію не измѣнять наблюденіе фактовъ логическими соображеніями, поскольку такъ называемая «философія дѣйствія» обратила наше вниманіе на самопроизвольность существъ [2]),—и поскольку чистая метафизика, склоняясь къ спиритуализму, выставила, особымъ образомъ, прерывное существованіе [3]).

Съ другой стороны, въ самой наукѣ такъ же накопляются факты, мало объяснимые постулатомъ безпрерывнаго вида явленій. Это, прежде всего, масса соціальныхъ фактовъ, относительно которыхъ очевидно, что это акты индивидуальныхъ существъ, которые всѣ практическія дисциплины соціальной жизни разсматриваютъ, какъ подчиненные закону цѣли,

---

[1]) Cf. Boutroux «*De l'idée de loi naturelle dans la science et dans la philosophie contemporaine*», 1895.

[2]) Bergson, *L'évolution créatrice*, 1907.

[3]) G. Dumesnil, «*Du rôle des concepts*, 1892; *Le spiritualisme*, 2-е изд. 1911 г.

преслѣдуемой существомъ, а не причинности прошедшихъ явленій; чѣмъ больше будетъ развиваться «наука о нравахъ», тѣмъ больше и законъ цѣли будетъ входить въ соціальную науку и, вслѣдствіе противодѣйствія послѣдней,—во всѣ другія науки. Наконецъ, въ біологіи, увеличивающееся значеніе этого закона цѣли въ организмѣ ясно доказано Claude Bernard'омъ въ его «*Introduction à la Médecine expérimentale*» подъ именемъ управляющей силы (force directrice) и, весьма недавно у Grasset подъ видомъ силы реакціи. Въ «естественной исторіи это доказывается фактомъ «рѣзкихъ перемѣнъ» («mutations brusques»), открытымъ Vriès и надѣлавшимъ много шума, такъ какъ имъ нанесенъ рѣшительный ударъ понятію безконечной эволюціи и доказывается, что живая матерія можетъ, въ нѣкоторые моменты,—несомнѣнно, благодаря самопроизвольности существа,—переходить изъ одного вида въ другой [1]). Наконецъ, недавно установленъ, и то же богатый слѣдствіями, фактъ дезентеграціи матеріи. Не впадая въ преувеличеніе, можно констатировать, что, благодаря этому открытію, физико-химическія науки оторваны отъ исключительнаго пониманія преобразованія энергіи въ феноменальныхъ видахъ явленій и мы присутствуемъ при изобрѣтеніи энергіи путемъ дезентеграціи атома, т. е. путемъ измѣненія существованія [2]).

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ пробита брешь въ чисто феноменальномъ детерминизмѣ; существо снова возстановлено какъ феноменъ и заявило притязанія на свои права; дѣйствіе среды не является больше достаточнымъ объясненіемъ и вызываетъ дополненіе постоянной реакціи существа въ отношеніи къ средѣ.

Этой плюралистической консепціей объясняется то, что, въ соціальномъ отношеніи, «порядокъ вещей» не долженъ быть смѣшиваемъ съ универсальнымъ теченіемъ вещей. Онъ является, напротивъ, хорошимъ установленіемъ для соціальныхъ существъ и ими избирается. И приэтомъ, если вступятъ на путь плюрализма, то можно итти по этому пути и еще дальше.

Можетъ случиться, что для того, чтобы поддержать общества въ хорошемъ направленіи у нихъ порядка вещей, съ

---

[1]) Hugo de Vriès, «*Espèces et variétés, leur naissance par multation*», переводъ съ англійскаго Blaringhem Paris, Alcan.

[2]) Gustave le Bon, *L'évolution de la matière*, 1905.

такимъ трудомъ создавшемся среди текущихъ разнородныхъ явленій, соціальная жизнь воспользуется многими способами дѣйствій, которые, хотя и стремятся всѣ къ одной и той же цѣли, но не представляютъ одинаковой цѣнности.

Такъ какъ она пользуется принужденіемъ морали и права, которыя неоднородны, то она можетъ также употреблять и многія системы права, изъ которыхъ однѣ болѣе совершенны, другія—менѣе совершенны. Съ этой точки зрѣнія, можно бы здѣсь имѣть одну систему права, основанную на политическомъ суверенитетѣ, и другую, основанную на нормѣ права; первая система могла бы быть менѣе совершенной, чѣмъ другая, но, тѣмъ не менѣе, она существовала бы и не была бы менѣе необходима.

И если существуютъ двѣ различныя системы права, какъ два юридическихъ вида, то можетъ случиться, что онѣ будутъ стоять въ нѣкоторыхъ пунктахъ въ противорѣчіи другъ съ другомъ, хотя, въ совокупности, и будутъ стремиться къ одному и тому же результату—индивидуальному и соціальному благу,—не пользуясь, однако, одинаковыми средствами. Было бы даже страннымъ, еслибы было иначе. Въ такомъ случаѣ, былъ бы конфликтъ права съ правомъ.

Вы утверждаете, скажемъ мы Дюги, что здѣсь не могло бы быть авторитета рѣшенія, плохо составленнаго парламентомъ, ни авторитета рѣшенія, плохо постановленнаго судомъ, ни авторитета рѣшенія, принятаго администраціей; вы утверждаете это, имѣя въ виду рѣшенія политической власти, суверенный авторитетъ нормы идеальнаго права, вы говорите, что рѣшенія власти ничего не стоятъ, если они не соотвѣтствуютъ нормѣ права, потому что не существуетъ права противъ права.

Но, такимъ образомъ, вы утверждаете логическое единство юридической системы. Увѣрены ли вы въ этомъ единствѣ? Кто вамъ сказалъ, что не существуетъ многихъ юридическихъ системъ и, въ самомъ дѣлѣ, нельзя одинъ видъ права противопоставить другому виду права?

Если вы обосновываете ваше утвержденіе логическаго единства юридической системы философскимъ постулатомъ универсальнаго детерминизма, я вамъ отвѣчу, что вашъ постулатъ не имѣетъ цѣнности, что онъ намъ не импонируетъ, что теперь обнаружено неосновательность его утвержденія, на ко-

торомъ онъ покоится и что онъ намъ кажется ненаучнымъ, каковымъ онъ всегда и былъ.

Если вы основываете ваше утвержденіе на прямомъ наблюденіи соціальныхъ фактовъ, мы вамъ отвѣтимъ, что вы ихъ наблюдаете плохо.

Въ соціальномъ отношеніи, различія и антагонизмъ лежатъ въ основѣ всего и къ единству приходятъ благодаря практическимъ комбинаціямъ, а не путемъ логическихъ обобщеній. Антагонизмъ часто существуетъ между положительнымъ правомъ и естественнымъ правомъ; здѣсь то юристы имѣютъ обыкновеніе говорить dura lex sed lex, если только, наоборотъ, они не измѣняютъ lex; почему же также не можетъ быть антагонизма между двумя системами права, которыя, безъ сомнѣнія, обѣ стремятся къ одной и той же цѣли—соціальному миру,—но стараются достигнуть ее не одинаковыми средствами? Между двумя системами могли бы быть практическія комбинаціи, въ силу которыхъ онѣ могли бы занять не всегда одинаковыя взаимныя положенія. Это объясняло бы историческія эволюціи, о которыхъ, безъ сомнѣнія, не заботятся творцы абсолютныхъ системъ, не перестающіе отбрасывать стѣснительные факты.

Напримѣръ, почему существуютъ одни правленія, гдѣ господствуетъ полиція и другія, гдѣ господствуетъ законность? Если бы существовала система полицейскаго или регламентарнаго права и система легальнаго права, то сейчасъ же стали бы понятны эти альтернативы и поняли бы также, почему, въ современныхъ законодательствахъ, регламентарное право подчинено легальному праву, какъ побѣжденный, какъ противникъ, который долго былъ непокоренъ и кончилъ тѣмъ, что сдѣлался слугой. Съ этой точки зрѣнія, можно было бы здѣсь имѣть право противъ права, регламентъ или ордонансъ противъ закона, потому что это былъ бы одинъ видъ права противъ другого и могло бы случиться, что тотъ, который первый сказалъ бы: «Не существуетъ права противъ права», высказалъ бы, какъ часто бываетъ, большую глупость [1]).

---

[1]) Дюги, логикой своей системы, приведенъ къ отожествленію закона и регламента, отмѣнивъ традиціонное несогласіе между легальнымъ правомъ—болѣе индивидуалистическимъ и правомъ регламентарнымъ—болѣе соціальнымъ. Это заключеніе одно изъ тѣхъ, которыя должны заставить

Въ дѣйствительности, каковы же двѣ противоположныя системы права и какимъ образомъ одна изъ нихъ опирается на принципъ власти? Мы подойдемъ къ рѣшенію, если будемъ исходить изъ идеи соціальнаго мира, который является конечной цѣлью права.

Въ мірѣ интернаціоналистовъ и пасифистовъ начинаютъ различать два состоянія мира—миръ матеріальный и миръ путемъ права или справедливости. Миръ матеріальный—это прекращеніе состоянія войны, но это прекращеніе не предполагаетъ регулированіе, сообразно съ справедливостью, щекотливыхъ вопросовъ, которые явились причиной конфликта; на лицо только прекращеніе непріятельскихъ дѣйствій на томъ или иномъ основаніи. Правовой миръ—это прекращеніе враждебныхъ дѣйствій, вслѣдствіе регулированія глубокихъ причинъ кофликта, сообразно съ справедливостью. Это различіе двухъ состояній мира ведетъ къ различію двухъ родовъ права, которые, впрочемъ, здѣсь связаны. Есть первый видъ права, объектомъ котораго является поддержаніе матеріальнаго мира какой бы то ни было цѣной, средствами полиціи или временными рѣшеніями конфликтовъ: *Mittite ambo hominem*, приказалъ римскій магистратъ двумъ истцамъ, споривщимъ передъ нимъ изъ-за раба; начните съ того, чтобы отпустить этого человѣка и перестаньте спорить; и потому мы предварительно должны рѣшить вопросъ о временномъ обладаніи въ теченіе спора, потомъ мы постановимъ по существу, т. е. установимъ сначала матеріальный миръ, а потомъ установимъ и миръ правовой.

Но, возразятъ, этотъ родъ временнаго регулированія не составляетъ права. Почему? Развѣ полиція не право? Запрещенныя права на владѣнія по римскому праву и наши поссесорные иски о владѣніи не составляютъ ли права? Опредѣленіе по докладу предсѣдателя суда—развѣ не право? Обжалованіе при превышеніи власти не является ли юридическимъ обжалованіемъ и не создаетъ ли права? Конечно, это не право патримоніальнаго управленія, не право иска о правѣ собственности и обжалованія полной юридикціи—хорошо, что мы заранѣе оговорились,—но это всетаки право. И на этомъ то видѣ права, функція котораго ограничена поддержаніемъ порядка и мате-

---

задуматься о ложности его исходной точки зрѣнія (См. мое «*Précis de Droit administratif*, 7-е изд. стр. 49 и слѣд.).

ріальнаго мира, на этомъ правѣ, рѣшенія котораго временны— основывается принципъ власти.

Съ одной стороны, необходимо повиновеніе этимъ временнымъ рѣшеніямъ, повиновеніе, которое должно наступить сейчасъ же безъ предварительнаго оспариванія; это необходимо для соціальнаго спасенія, связаннаго съ матеріальнымъ порядкомъ; насколько правительства смѣшны, когда они выражаютъ претензіи установить моральный порядокъ, настолько они выполняютъ священную миссію, установляя порядокъ матеріальный.

Съ другой стороны—и въ этомъ стоитъ коррективъ— само собой разумѣется, что предварительное повиновеніе приказаніямъ правительства является только временнымъ, въ томъ смыслѣ, что приказаніе власти всегда можетъ быть пересмотрѣно. Разъ произведено его предварительное дѣйствіе, приказаніе будетъ отмѣнено, если оно оказалось несправедливымъ и если возможно взятіе его назадъ; если взятіе назадъ невозможно и если несправедливое приказаніе причинило ущербъ,— этотъ ущербъ долженъ быть возмѣщенъ. Дѣломъ конституціонной организаціи является обезпечить существованіе процедуры пересмотра всякаго рода приказаній, исходящихъ отъ правительства и фактически это существуетъ какъ для актовъ административныхъ, такъ и для рѣшеній, и для законодательныхъ актовъ, и даже для пересмотра конституціи. Само собой разумѣется, что все допускаетъ пересмотръ, потому что все приводится въ исполненіе временно и предварительно. Это обратная сторона.

Проанализируемъ, на примѣрѣ, авторитетъ, который соединяется съ исполнительными рѣшеніями администраціи; онъ состоитъ—и самъ Дюги признаетъ точность этого анализа [1])— въ томъ, что называютъ «преимуществомъ предварительнаго выполненія»; выполненіе, предварительное чему? Изслѣдованію справедливости операціи, которое могло бы быть произведено судьей, но которое будетъ совершено только послѣ толчка, подъ видомъ пересмотра, потому что спорное обжалованіе не пріостанавливается исполненіемъ рѣшенія. И почему рѣшенія администраціи также должны выполняться прежде всякаго юридикціоннаго изслѣдованія? Потому что, въ централизованной администраціи, это—условіе *sine qua non* безпрерывности службы

[1]) *Traité de Droit constitutionnel*, стр. 228.

и потому что эта безпрерывность сдѣлалась необходимой для жизни страны такимъ образомъ, что даже ежедневное функціонированіе службъ является условіемъ матеріальнаго мира.

Но это предварительное выполненіе, кромѣ дальнѣйшаго пересмотра, не является необходимымъ только для административныхъ рѣшеній; оно необходимо и для постановленій и для законовъ. И, такимъ образомъ, мы утверждаемъ, вопреки Дюги, авторитетность законодательнаго рѣшенія, несмотря на пересмотръ законовъ—путемъ ли новыхъ законовъ или путемъ механизма неконституціонности законовъ; авторитетъ судебнаго рѣшенія, несмотря на пересмотръ судебныхъ рѣшеній; авторитетъ рѣшенія, постановленнаго администраціей, несмотря на спорное аннулированіе *a posteriori*.

«Жизнь не должна ждать и юридическая мысль должна ей слѣдовать» сказалъ когда то Іерингъ [1]). Прежде чѣмъ юридическая мысль могла создать условія справедливости, которыхъ требуетъ регламентъ даннаго положенія, правительственная власть пошла навстрѣчу нуждамъ жизни возможными средствами, временными подкрѣпленіями, которыя позднѣе сдѣлаются основаніями и будутъ перестроены въ великолѣпный организмъ, но которыя теперь уже являются юридическими, хотя они и временны.

Итакъ, принципъ власти основывается на существованіи этого предварительнаго права, безпрерывное созиданіе котораго необходимо, чтобы дать возможность постепенно проявиться нормамъ основанія соціальной справедливости. И юридическая цѣнность этого предварительнаго права основывается, въ свою очередь, на презумпціи справедливости; безъ сомнѣнія, это—презумція *juris tantum*, которая допускаетъ противоположное доказательство, но, какъ показываетъ ея названіе, презумпція *juris tantum* является презумпціей права и отрицать ея существованіе въ пользу правительствъ—это значитъ проявить юридическій анархизмъ [2]).

---

[1]) *Esprit du Droit romain*, 2-е изданіе французское, т. IV, стр. 132.

[2]) На своемъ пути я уже встрѣтилъ (*Principes de Droit public*, стр. 49) различіе между двумя источниками права, изъ которыхъ одно заслужило названіе внѣшняго источника, а другое—источника внутренняго. Здѣсь снова я встрѣчаю это различіе и на этотъ разъ оно имѣетъ большую важность, потому что оно больше не будетъ означать только то, что существуютъ двѣ системы позитивныхъ нормъ—касательно временныхъ мѣръ

* * *

Важно, однако, продолжить изслѣдованіе до тѣхъ поръ, пока мы не найдемъ основанія этой презумпціи справедливости, которая важна для распоряженій правительства и откуда мы выводимъ ихъ юридическій характеръ.

Дюги заявитъ, что онъ не понимаетъ и что, вообще непонятно, какъ акты, каковы бы они ни были, акты, исходящіе отъ правящихъ или управляемыхъ, могутъ имѣть юридическую силу, если они не соотвѣтствуютъ нормѣ права. Необходимо ему указать эту возможность и, для этого, въ нѣсколькихъ словахъ напомнить теорію юридическихъ актовъ.

Отмѣтимъ, прежде всего, что юридическая система всегда признавала временную цѣнность юридическихъ актовъ, даже если они запятнаны ничтожностью по причинѣ нарушенія закона и то, что признано по отношеніи къ нарушенію позитивнаго закона, должно быть признано *a fortiori* по отношеніи къ нарушенію нормы права. Актъ остается и юридически исполнителенъ, пока судья не объявитъ его ничтожность. Это справедливо по отношенію къ административному акту, запятнанному превышеніемъ власти въ силу нарушенія закона, но это справедливо также и по отношенію къ гражданскому акту, запятнанному ничтожностью. И съ этой точки зрѣнія, нѣтъ различія между абсолютной ничтожностью и относительной. Всякая

и нормъ, опредѣляющихъ положенія по существу, оно будетъ обозначать, что возможно противоположить всѣ позитивныя нормы, разсматриваемыя какъ временныя, въ формулѣ, которая имъ дается правительственнымъ распоряженіемъ, и нормы, болѣе основныя, которыя могли бы проявиться при дальнѣйшемъ пересмотрѣ. Связь между двумя концепціями была бы та, что правительственное распоряженіе, которое придаетъ нормѣ права свой позитивный характеръ, должно всегда разсматриваться какъ временная мѣра и конечное значеніе различія было бы то, что юридическая система неизмѣнно стремится къ реализаціи окончательныхъ нормъ путемъ пересмотра нормъ временныхъ, такъ же какъ старается реализовать окончательныя правовыя положенія черезъ пересмотръ временныхъ положеній и что, въ этомъ преслѣдованіи опредѣленности, оно всегда раздѣлено на два вида нормъ. Впрочемъ, я не имѣю никакихъ намѣреній исчерпать здѣсь вопросъ о двухъ источникахъ права, это вопросъ очень важный для того, чтобы быть разсмотрѣннымъ спеціально, а не случайнымъ образомъ; я ограничусь указаніемъ на его интересъ для тѣхъ, кого занимаетъ юридическая техника и кто, желая признать возможность сложнаго юридическаго распоряженія, думаетъ, вмѣстѣ со мной, что возможно точно различать отдѣльныя части системы.

теорія ничтожности имѣетъ своимъ основаніемъ временную исполнительную силу юридическаго незаконнаго акта и состоитъ въ изысканіи средствъ для уничтоженія этой исполнительной силы. Мы можемъ выразить это положеніе однимъ словомъ, сказавъ, что всякій юридическій актъ пользуется привилегіей предварительности, или, если хотятъ, презумпціей справедливости.

Каково основаніе этой презумпціи справедливости?

Недостаточно отвѣтить здѣсь, какъ мы это сдѣлали выше: необходимо, чтобы это было, потому что это необходимо для жизни; теперь мы хотимъ итти дальше идеи необходимости, до идеи справедливости. Мы хотимъ, чтобы была возможность сказать: это таково, потому что это справедливо, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ условіяхъ.

Чтобы хорошенько понять послѣдующее и чтобы ясно отмѣтить то, что насъ отдѣляетъ отъ Дюги, намъ необходимо выяснить, что онъ подразумѣваетъ подъ «нормой права» и соотвѣтствіемъ нормѣ права.

По его собственному опредѣленію «норма права—это норма поведенія, которая предписывается индивидамъ, живущимъ въ обществѣ, соблюденіе которой, въ данный моментъ, предусматривается обществомъ, какъ гарантія общаго интереса, и нарушеніе которой имѣетъ своимъ послѣдствіемъ коллективное противодѣйствіе, направленное противъ виновника этого нарушенія» [1]). Необходимо отмѣтить, что эта норма права является соціальнымъ продуктомъ, а не продуктомъ индивидуальныхъ сознаній; кромѣ того, она является выраженіемъ соціальной солидарности, изъ которой она вытекаетъ, такъ сказать, механически, слѣдовательно, она является *объективнымъ* выраженіемъ справедливости, она есть *объективное* право [2]).

Эта юридическая конструкція не оставляетъ никакого мѣста субъективному элементу права. Безъ сомнѣнія, индивиды, дѣйствуя сообразно съ нормой права, пріобрѣтутъ субъективныя права, но эти права будутъ имѣть свою юридическую силу единственно отъ нормы права, которой они будутъ

---

[1]) *Traité de Droit constitutionnel*, т. I, стр. 1, 1911.

[2]) *Ibidem.*

соотвѣтствовать; они не будутъ ее имѣть по субъективному чувству права, которое, однако, можетъ имѣть виновникъ акта.

Это непризнаніе созидательной силы субъективнаго элемента права въ проявленіяхъ индивидуальной воли, составляетъ основную ошибку доктрины Дюги; она происходитъ всегда отъ той же самой вѣры въ универсальный феноменизмъ, отъ того исключительнаго значенія, которое приписывается вліянію среды въ ущербъ активности существъ. Но мы не связаны этой философіей и, отдавая должное мѣсто индивидуальной волѣ существа и его созидательному творчеству, мы можемъ доказать презумпцію справедливости, которой пользуется всякій юридическій актъ.

Эта презумпція справедливости не является презумпціей соотвѣтствія съ нормой объективнаго права; это—презумпція соотвѣтствія съ субъективнымъ элементомъ права.

Но эта презумпція сообразности съ субъективнымъ чувствомъ справедливаго или несправедливаго не существовала бы, еслибы актъ представлялся въ извѣстныхъ границахъ, еслибы онъ являлся обнаруженіемъ воли автономной, уравновѣшанной, компетентной. Было бы возможно изыскать эти условія существованія въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны въ самомъ актѣ, въ обстоятельствахъ при какихъ онъ проявляется, въ формальностяхъ, которыя его сопровождаютъ; съ другой стороны въ агентѣ, въ обычномъ его самоограниченіи, которое—онъ имѣетъ или нѣтъ. Мы только намѣтимъ вопросы, которые возникаютъ при приближеніи къ тому или другому направленію и которые являются извѣстными вопросами юридическоя техники.

Есть условія существованія юридическаго акта, касающіяся существа и формы. По существу, во всякомъ юридическомъ актѣ должно быть изъявленіе воли съ намѣреніемъ произвести правовой эффектъ; если нѣтъ серьезнаго намѣренія провзвести правовой эффектъ, если есть *animus jocandi*, то совсѣмъ нѣтъ юридическаго акта; а также—если нѣтъ проявленія воли, т. е. если нѣтъ согласія. По формѣ, юридическій актъ можетъ быть подчиненъ всякаго рода условіямъ—онъ долженъ быть письменнымъ, удостовѣренъ свидѣтелями или служебнымъ чиномъ; административнымъ актамъ часто предшествуютъ анкеты или совѣщанія установленныхъ учрежденій, подчиненныхъ опредѣленной процедурѣ.

Есть условія правоспособности агента. Они группируются вокругъ двухъ идей: необходимо, чтобы агентъ былъ автономнымъ и необходимо, чтобы его автономія была дисциплинирована. Если онъ не автономенъ, онъ не имѣетъ правоспособности; если онъ не дисциплинированъ обычнымъ образомъ, то онъ теряетъ свою правоспособность. Въ нашихъ современныхъ обществахъ, всякій цивилизованный индивидъ обладаетъ полной правоспособностью для совершенія юридическихъ актовъ, потому что онъ автономенъ и предполагается способнымъ къ повиновенію; если онъ несовершеннолѣтенъ и если онъ изобличенъ во лжи, онъ теряетъ свою правоспособность, потому что онъ предполагается не способнымъ обуздывать самого себя или потерявшимъ эту способность.

Еще болѣе интересно прослѣдить эти условія автономіи и моральной дисциплины у агентовъ, которыя являются не индивидами, а общественными учрежденіями. Paul Boncour съ большей увѣренностью утверждаетъ, что профессіональные синдикаты стремились къ экономическому суверенитету, т. е. стремились регламентировать свою профессію. Онъ отмѣтилъ, что они имѣли для этого автономную волю и исполнительную силу, имѣя возможность объявить забастовку; но онъ не прибавилъ, что имъ не доставало дисциплины и самообузданія; онъ констатировалъ, что этотъ вопросъ еще не назрѣлъ; но этому мѣшаетъ именно недостатокъ моральной дисциплины синдиката, что чувствуется обществомъ и ими самими, такъ какъ они развиваютъ идею денежной отвѣтственности для своихъ актовъ [1]).

Напротивъ, учрежденіемъ, въ которомъ моральная дисциплина явна и очевидна, является централизованная и іерархическая администрація; тутъ собственная дисциплина учрежденія проявляется въ инструкціяхъ высшихъ начальниковъ и въ юриспруденціи, касающейся превышенія власти. Эта юриспруденція выражается въ трехъ основныхъ правилахъ: не превышать компетенціи, не допускать нарушенія формъ, не допускать присвоенія власти, т. е. не пользоваться административной властью, которой облечены, внѣ спеціальной области, для которой она дана. Подобная добровольная дисциплина, установленная внѣ всякаго вопроса о соблюденіи законности, до-

[1]) Paul Boncour, *Le fédéralisme économique*, 2 изд. 1911, стр. 413.

казываетъ самоограниченіе, пріобрѣтенное государственной администраціей и придаетъ ей правоспособность для выполненія юридическихъ актовъ, противополагаемыхъ управляемымъ, въ то же время, какъ заставляетъ ее быть денежно отвѣтственной за ея акты, наносящіе ущербъ.

Обобщая, можно сказать, что юридическая сила актовъ покоится на дисциплинированной автономіи воли. То, что нѣмцы назвали Willensmacht является силой автономной и дисциплинированной воли. Они настаивали на автономномъ характерѣ, мы попытаемся настаивать больше на характерѣ дисциплины. Намъ кажется, что дисциплина, которую себѣ приписываютъ, доказываетъ право, противополагаемое другимъ, потому что она является гарантіей справедливости. Прямое экстраюдиціарное дѣйствіе, являющееся первой формой юридической дѣятельности, основывается на соблюденіи личной дисциплины такъ же, какъ и соціальной процедуры.

Все это примѣнимо къ правительству и къ суверенитету государства. Кредитъ государства, для того, чтобы дать въ заемъ или сдѣлать заемъ, сообразуется съ своей собственной моралью, т. е. съ своей внутренней дисциплиной; государство платитъ свои долги безъ принужденія, такъ какъ оно — честное лицо; также какъ оно само даетъ и должно встрѣчать предварительное повиновеніе, потому что оно честное лицо. Оно является властью въ границахъ учрежденія умѣреннаго, уравновѣшаннаго, разсудительнаго [1]).

---

1) Эта доктрина представляется у Іеринга, *Esprit du Droit romain*, томъ I, 2-е изданіе французское: *La volonté subjective*, стр 177 и сл. Однако, по поводу доктрины Іеринга нужно высказать слѣдующее замѣчаніе: 1) Знаменитый романистъ думаетъ, что, для того чтобы узаконить употребленіе индивидуальной силы въ юридической экстраюдиціарной процедурѣ, достаточно *чувства права*. Я считаю это чувство права недостаточнымъ: необходимо прибавить «обычную» дисциплину, которой подчиняется индивидъ въ своемъ поведеніи и которая дѣлаетъ его *mentis suae compos*; къ тому же, это объясняетъ, что въ примитивныхъ цивилизаціяхъ не всѣ индивиды имѣли прямое дѣйствіе, чтобы выполнить свои права, а только тѣ, которые занимали извѣстную должность и, слѣдовательно, обладали извѣстной степенью силы. Такимъ образомъ право на прямое юридическое дѣйствіе какъ индивида, такъ и учрежденія, основывается на предварительной собственной дисциплинѣ; 2) доктрина Іеринга о прямомъ юридическомъ дѣйствіи усложняется соображеніемъ о спорномъ или безспорномъ характерѣ правъ, которыя могутъ быть использованы и которыя

Замѣтимъ, что эта доктрина внутренней дисциплины учрежденія совсѣмъ не является дисциплиной самоограниченія моральной личности. Нѣмцы много способствовали той идеѣ, что государство должно разсматриваться, какъ умѣряющее свою собственную власть, подобно субъективной волѣ, останавливающейся вслѣдствіи внутренняго рѣшенія, но эта идея субъективнаго ограниченія, въ примѣненіи къ государству, становится мистической. Мы отмѣчаемъ фактъ очень несходный для того, чтобы признать, что власти государства, на основаніи конституціонной организаціи, на основаніи раздѣленія властей, на основаніи процедуръ, предписываемыхъ для самыхъ незначительныхъ актовъ, могутъ обычно предписывать только осторожные и разумные акты, т. е. мы указываемъ не на дисциплину внутренняго хотѣнія, но на дисциплину организаціи.

Такимъ образомъ, юридическій актъ, обнаруженіе автономной и дисциплинированной власти приводитъ къ субъективному чувству справедливости, по презумпціи, которой онъ соотвѣтствуетъ. Онъ приводитъ предварительно и временно до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано *a posteriori* и юридическими путями, что онъ противорѣчитъ нормѣ объективнаго права. Слѣдовательно, автономныя и дисциплинированныя правительства имѣютъ право совершать акты повелѣнія, имѣющіе значеніе юридическихъ актовъ [1]).

относятся къ вопросу публичности, но являются второстепенными (См. цитир. мѣсто, стр. 124 и слѣд.).—Въ другомъ мѣстѣ, по поводу моральной дисциплины людей, Іерингъ пришлъ къ справедливому положенію: «Практическій инстинктъ римлянъ призналъ въ принципѣ, что свобода, чтобы сдѣлаться силой, должна сама приписывать себѣ границы. Неукротимое чувство, откуда произошелъ принципъ субъективной воли совсѣмъ не страшится того, что его выполненіе подчинено ограниченіямъ, которыя, къ тому же, истекаютъ изъ собственной воли; они были цѣной, охотно уплачиваемой для пріобрѣтенія того, что не могъ дать принципъ свободы—*покровительства, вспомоществованія и помощи участниковъ въ товариществѣ*» (I стр. 197). Что справедливо по отношенію къ свободѣ индивида, справедливо и по отношенію къ свободѣ правительственной власти: чтобы заслужить повиновеніе подданныхъ она должна платить цѣну—подчинить власть дисциплинѣ.

[1]) Можно сдѣлать интересное сопоставленіе между этой теоріей, основывающей правоспособность для публичнаго права на моральной дисциплинѣ правительствъ, и теоріей международнаго права, которое признаетъ международную правоспособность лишь за политическими группами, достигшими извѣстной степени цивилизаціи и, слѣдовательно, извѣстнаго уровня

* * *

У Дюги остается послѣднее средство—утверждать, что собственная дисциплина агентовъ, выполняющихъ юридическіе акты, сама приводитъ къ нормѣ права и имѣетъ одно и то же соціальное происхожденіе. Онъ охотно доходитъ до этого, потому что для него совсѣмъ не существуетъ спецефическаго различія между правомъ и моралью: «говоря по справедливости, вопросъ намъ представляется лишеннымъ интереса и безконечные споры о границѣ морали и права, которые поднимаются уже два столѣтія, намъ кажутся напрасными. Во всякомъ случаѣ, между моралью и правомъ можетъ быть только фактическое различіе въ отношеніи безпрерывной эволюціи». Это значитъ, что собственныя дисциплины морали имѣютъ соціальное происхожденіе, какъ и юридическія нормы и это именно доктрина соціологической школы Durkheim'a, къ которой примыкаетъ Дюги [2]).

Мы не имѣемъ намѣренія углубиться въ споръ о соціальномъ или индивидуальномъ происхожденіи нормъ права и нормъ морали. Къ тому же, по нашему мнѣнію, тѣ и другія являются комбинаціями соціальныхъ и индивидуальныхъ элементовъ, установленныхъ различными способами. Но мы не можемъ оставить безъ отвѣта софизмы нашего автора, его утвержденія, что его соціализмъ служитъ для бо̀льшаго блага индивида и для скорѣйшаго наступленія господства права.

I. Что его доктрина о происхожденіи права соціалистична—Это провозглашаетъ самъ Дюги: «Наша доктрина существеннымъ образомъ соціалистична, такъ какъ она цѣликомъ покоится на взаимо-зависимости людей, живущихъ въ обществѣ и на томъ, что мы называемъ соціальной дисциплиной» [3]).

Впрочемъ, изслѣдуемъ ближе доктрину. Норма права происходитъ изъ соціальной солидарности—вотъ главная мысль.

И вотъ что подразумѣваетъ Дюги подъ соціальной солидарностью; по его труду «*Traité de droit constitutionnel*» (стр. 14): «Существуютъ и всегда были соціальныя группы (т. е. обще-

---

моральной дисциплины (ср. Mérignhac, *Traité de Droit public international*, т. I, стр. 312).

[1]) *Traité de Droit constitutionnel*, т. I, стр. 19.

[2]) Ср. Simon Deploige «*Le conflit de la morale et de la sociologie*». Alcan, 1911.

[3]) *Traité de Droit constitutionnel*, стр. 150.

ство составляетъ естественное явленіе); люди, ихъ составляющіе, имѣютъ, въ одно и то же время, сознаніе своей собственной индивидуальности и связи, которая ихъ объединяетъ съ другими людьми. Каковы эти связи? Ихъ опредѣляютъ словомъ, которымъ часто злоупотребляли, но которое остается наиболѣе точнымъ: *соціальная солидарность* или соціальная взаимозависимость»...

Люди одной и той же соціальной группы солидарны одни съ другими: «1-е—Потому что они имѣютъ общія потребности, удовлетвореніе которымъ они могутъ обезпечить только общей жизнью; 2-е—Потому что они обезпечиваютъ удовлетвореніе своимъ различнымъ потребностямъ и привычкамъ обмѣномъ взаимныхъ услугъ. Первая солидарность является солидарностью путемъ сходства; вторая—солидарность путемъ раздѣленія труда».

«Вмѣстѣ съ прогрессомъ, все болѣе и болѣе растетъ солидарность путемъ раздѣленія труда; солидарность путемъ сходства отступаетъ на второй планъ» (стр. 16).

И теперь вотъ основаніе права: съ момента, какъ человѣкъ можетъ жить только въ обществѣ и какъ общество существуетъ только благодаря солидарности, объединяющей индивидовъ, которые его составляютъ, «норма поведенія предписывается соціальному человѣку самой силою вещей, норма, которая можетъ формулироваться такъ: не совершать все то, въ природѣ чего лежитъ реализація и развитіе соціальной солидарности. Все объективное право заключается въ этой формулѣ и позитивный законъ, чтобы имѣть дѣйствительную силу, долженъ быть ея выраженіемъ, развитіемъ или проведеніемъ въ жизнь этого принципа» (стр. 17).

II. Резюмируемъ, критикуемъ и посмотримъ, благопріятно ли это для индивида:

1⁰. Общество является естественнымъ явленіемъ; хорошо;

2⁰. Оно происходитъ изъ солидарности или взаимо-зависимости людей: хорошо;

3⁰. Можно различать солидарность путемъ сходства и солидарность путемъ раздѣленія труда: хорошо;

4⁰. Съ прогрессомъ, солидарность путемъ раздѣленія труда беретъ верхъ надъ солидарностью путемъ сходства; это уже не точно: надъ сходствами наслѣдственными или, какъ говоритъ Durkheim, «механическими»—да; но не надъ сходствами,

пріобрѣтенными воспитаніемъ; въ этомъ недостатокъ системы Durkheim'a, указываемый уже давно, недостатокъ серьезный и важный, потому что цивилизація—это гуманизмъ, а гуманизмъ—есть дѣло сходствъ;

5⁰. Высшая норма права—это ничего не совершать противъ солидарности и все дѣлать для нея; передъ нами трудный вопросъ и это утвержденіе вызываетъ многія замѣчанія:

а) Оно предполагаетъ, что идеаломъ справедливости является увеличеніе солидарности или увеличеніе взаимо-зависимости между людьми.

Это все равно, что сказать, что идеалъ—увеличеніе общества и это походитъ на доктрину, которая видитъ въ обществѣ цѣль, а не средство для индивида; другими словами, передъ нами доктрина, приносящая индивида въ жертву обществу.

О! Я хорошо знаю, что отвѣтятъ: такъ какъ человѣкъ можетъ жить только въ обществѣ, то все, что будетъ слѣлано для общества, тѣмъ самымъ будетъ полезнымъ и для человѣка: «Мы не говоримъ: человѣкъ долженъ содѣйствовать соціальной солидарности, потому что это содѣйствіе хорошо само по себѣ, но человѣкъ долженъ содѣйствовать соціальной солидарности, потому что онъ человѣкъ и какъ таковой, онъ можетъ жить только благодаря солидарности» (стр. 19).

Но недостатокъ заключенія весьма очевиденъ: изъ того, что человѣкъ можетъ жить только въ обществѣ, выводятъ то заключеніе, что онъ будетъ жить тѣмъ лучше, чѣмъ это общество будетъ сильнѣе; можно ли это утверждать? Очень можетъ случиться, что небольшое общество будетъ необходимо человѣку, а большое будетъ вредно. Дѣло опыта—узнать, можетъ ли человѣкъ жить внѣ общества и это совсѣмъ не разъясняетъ намъ той степени соціальной взаимо-зависимости, которую можетъ вынести человѣкъ; необходимъ новый рядъ опытовъ, чтобы установить это. Однимъ словомъ, изъ одного опыта, путемъ логически неправильнаго разсужденія, выводятъ совсѣмъ не то заключеніе, какое изъ него слѣдуетъ.

Это все равно, какъ еслибы, изъ того факта, что человѣкъ можетъ жить только въ атмосферическомъ воздухѣ, вывели бы заключеніе, что онъ жилъ бы гораздо лучше подъ давленіемъ двухъ или трехъ атмосферъ: и это было бы плохой шуткой доктора Окса у Жюль-Верна.

Никто не сомнѣвается, что здѣсь можетъ существовать точка равновѣсія, по ту сторону которой увеличеніе соціальной взаимо-зависимости рискуетъ сдѣлаться фатальнымъ для человѣка. И однако существованіе этой точки равновѣсія является самымъ правдоподобнымъ: это было бы только примѣненіемъ къ соціальной средѣ того, что называется въ біологіи; относительно среды живыхъ существъ, закономъ *превосходства (optimum)* [1]).

Другими словами, благодаря этой доктринѣ, не существуетъ границъ развитію общества, развитію почерпнутому въ индивидѣ *и въ правѣ противодѣйствія индивида.*

Нѣтъ правъ человѣка—естественныхъ, индивидуальныхъ, неотъемлемыхъ. «Живя въ обществѣ, человѣкъ имѣетъ права; но эти права не являются прерогативами, которыя ему принадлежатъ въ силу его качества человѣка; это—полномочія, принадлежащія ему, потому что, будучи человѣкомъ соціальнымъ, онъ долженъ выполнить обязанность и долженъ имѣть право, чтобы ее выполнить» (стр. 13).

Но такъ какъ этой обязанностью является—способствовать увеличенію солидарности или взаимо-зависимости, то изъ этого слѣдуетъ, что индивидъ не имѣетъ права противодѣйствовать усиленію взаимо-зависимости, потому что это право было бы противнымъ его обязанности.

«Каждый человѣкъ имѣетъ права, принципомъ и предѣломъ которыхъ является миссія, которую онъ долженъ выполнить» (стр. 19).

«Безъ сомнѣнія, свобода есть право, но не прерогатива, принадлежащая человѣку, потому что онъ человѣкъ. Свобода

---

[1]) Это законъ универсальнаго значенія, видъ закона регулирующаго жизнь. Жизнь—это функція перемѣнчивыхъ матерій: воды, воздуха, химическаго состава среды, давленія; «всякій жизненный организмъ начинаетъ; проявлять себя извѣстнымъ состояніемъ измѣняемости (minimum), все болѣе и болѣе крѣпнетъ по мѣрѣ того, какъ достигаетъ опредѣленной цѣнности (optimum), существуетъ, если измѣняемость продолжаетъ развиваться и исчезаетъ при достиженіи опредѣленной граничной цѣнности (maximum). Это правило, доказанное нѣмецкимъ ботаникомъ J. Sachs'омъ, въ 1860 г., по поводу дѣйствія температуры на произрастаніе растеній Paul Bert'омъ, въ 1875 г., по поводу дѣйствія кислорода и атмосфереческаго давленія на животныхъ и, въ ту же эпоху, было формулировано Claude Bernard'омъ и вполнѣ доказано Leo Errera въ 1895 году (Dastre, *La vie et la mort*, стр. 187).

есть право, потому что человѣкъ обязанъ возможно полнѣе развить свою индивидуальную дѣятельность, такъ какъ его индивидуальная дѣятельность является главнымъ факторомъ солидарности путемъ раздѣленія труда. Слѣдовательно онъ имѣетъ право свободно развивать свою дѣятельность; но, въ то же время, онъ обладаетъ этимъ правомъ только въ той мѣрѣ, какъ онъ посвящаетъ свою собственную дѣятельность реализаціи соціальной солидарности. Понятая такъ свобода получаетъ непоколебимое основаніе, потому что она, въ такомъ случаѣ, является только свободой выполнить свой соціальный долгъ» (19—20).

Да, конечно, свобода получаетъ такимъ образомъ непоколебимое основаніе, подобно тому, какъ люди получаютъ вѣчное жилище въ своихъ могилахъ. Она мертва, такъ какъ индивидуальная свобода не имѣетъ больше смысла, если она не является границей чрезмѣрному развитію общества, правомъ противодѣйствія ему.

Это жертвоприношеніе индивида можно было предвидѣть съ первыхъ опредѣленій Дюги, изъ которыхъ видно, что для него общество является одной и единственной соціальной реальностью, что индивидъ не является соціальной реальностью, независимой отъ общества. Въ его сознаніи имѣется, въ одно и то же время, сознаніе солидарности и его индивидуальности, но онъ обязанъ этимъ сознаніемъ самому обществу: «его сознаніе связано узами соціальной солидарности» (*Manuel de droit constit.*, стр. 6).

Къ тому же, Дюги является послѣдователемъ Durkheim'a. А для послѣдняго «соціальный фактъ можетъ происходить только изъ другого соціальнаго факта» и индивидъ можетъ разсматриваться только какъ исключительно соціальный фактъ; методологическое правило, приходящее къ этому результату, предполагаетъ, что общество образовано изъ матеріаловъ, «не имѣющихъ собственнаго сопротивленія» [1]). Это contradictio *in adjecto*, слѣдовательно, абсурдъ, но это настоящій «монизмъ» [2]).

---

[1]) Въ духѣ этихъ критиковъ, Michoud, *La personnalité et les droits subjectifs de l'État dans la doctrine française contemporaine*, стр. 511.

[2]) Durkheim, *Les règles de la méthode sociologique*, 5-е изданіе, стр. 135, о необходимости подразумѣвать въ данныхъ соціальной науки въ одно и то же время человѣческую группу и человѣческую индивидуальность, не возстановляя одну на другую, см. мой трудъ *Science sociale traditionnelle*,

III. Такимъ образомъ, доктрина солидарности Дюги жертвуетъ гарантіями индивида, составляющими его индивидуальную свободу, понимаемую въ классическомъ смыслѣ, какъ граница, которая можетъ быть противопоставлена расширенію общества. Но быть можетъ намъ укажутъ, что солидарная соціальная среда возстановитъ необходимыя гарантіи для индивида, именно въ силу увеличенія солидарности, т. е. взаимо-зависимости между людьми и только путемъ господства объективнаго права, которое послѣдуетъ за этимъ усиленіемъ солидарности.

Мы отвѣтимъ, что объективное право совсѣмъ не представляетъ для насъ гарантіи, которая слѣдуетъ изъ различенія справедливаго и несправедливаго. Замѣчательно, что это различіе, относительно котораго Дюги хранитъ осторожное молчаніе, является камнемъ преткновенія всѣхъ исключительно соціальныхъ юридическихъ теорій, какъ отличіе добра и зла является камнемъ преткновенія всякой соціальной морали.

Связь солидарности увеличивается соціально, т. е. механически; намъ невозможно познать, произошло ли это увеличеніе въ смыслѣ справедливости. Мы познали бы это только въ томъ случаѣ, если справедливость, которая является чисто качественнымъ понятіемъ, могла бы быть отожествлена съ самимъ увеличеніемъ взаимо-зависимости между людьми, которое является понятіемъ количественнымъ. Выше мы указали, что эта взаимо-зависимость недоказуема. Такимъ образомъ мы остаемся безъ рѣшенія.

Различеніе справедливаго и несправедливаго можетъ проходить только черезъ индивидуальныя сознанія; эта функція, которая имъ принадлежитъ, потому что существа, подчиненныя закону цѣли, имѣютъ спеціальныя способности и воспріимчивость къ распознанію ущерба, имъ причиненнаго и которая заставляетъ ихъ уклоняться съ ихъ пути. Если, по генезису права, уничтожатъ самопроизвольное дѣйствіе индивида, то убьютъ его способность распознаванія справедливости. Можно было бы еще говорить о нормѣ права, но нельзя установить, справедлива ли она. Это не звѣзда на небѣ, которая можетъ погаснуть, это солнце.

стр. 4 и 5. Дѣйствительно, эта книга до этого пункта оставалась въ предѣлахъ оффиціальной науки, потому что она не является монистической.

IV. Вотъ недостатокъ доктрины соціальной солидарности, который заставляетъ думать, что она является недостаточнымъ объясненіемъ даже для образованія нормъ права; еще съ бо̀льшимъ основаніемъ она можетъ показаться недостаточной для выясненія субъективныхъ моральныхъ дисциплинъ.

Къ несчастью практическія послѣдствія этихъ ошибокъ сейчасъ же даютъ себя чувствовать и самъ Дюги старается зачеркнуть изъ нихъ самыя крупныя. Въ его трудѣ есть цѣлая часть разрушенія и уничтоженія, на которую постоянно обращаютъ вниманіе. Такъ, онъ совершенно опровергаетъ доктрину юридической личности. Я хочу думать, что это особенно относится къ праву конституціонному и къ теоріи государства [1]), но такъ какъ нападеніе здѣсь—безъ пощады и аргументы имѣютъ слишкомъ общее значеніе, то доктрина юридической личности рискуетъ быть скомпроментированой даже въ ея примѣненіи къ правовому обороту [2]). И нѣтъ необходимости напоминать, какимъ тонкимъ орудіемъ юридическаго взвѣшиванія и, слѣдовательно, справедливости является техника юридической личности въ отношеніяхъ правового оборота и насколько было бы ложнымъ лишаться ея. Не считая того, что, что вмѣстѣ съ юридической личностью, по логическому слѣдствію, отойдетъ главая мысль о субъективной собственности, чтобы оставить мѣсто только собственности соціальной функціи [3])) Въ дѣйствительности у Дюги индивиды не имѣютъ большаго успѣха, чѣмъ правительства. Одни теряютъ свое право повелѣвать, но другіе теряютъ свою индивидуальную свободу и свою субъективную собственность, которыя составляютъ ихъ существенныя гарантіи.

На стр. 15 своего труда «*Traité de droit constitutionnel*» въ одномъ мѣстѣ, на которое мы уже указывали, Дюги защищается противъ названія анархиста, потому что, говоритъ онъ, анархисты являются индивидуалистами, а онъ, скорѣе, соціалистъ. Мы очень боимся, чтобы онъ не осуществилъ трудности быть сразу соціалистомъ, и анархистомъ.

(См. статью: «Два реализма» въ слѣдующемъ номерѣ).

---

[1]) *L'État, le droit objectif et la loi positive,* гл. I.

[2]) Для уясненія термина «правовой оборотъ» или буквально «юридическая коммерція», (commerce juridique) отсылаемъ читателя къ новому труду Opiy «Les principes de droit public, Toulouse, 1911 г. Примѣч. редак.

[3]) *Manuel de droit constitutionnel,* I изд. стр. 17.

Хроника.

Французскій законъ 29 іюля 1913 года о тайнѣ голосованія.

За послѣдніе годы во Франціи отмѣчается громадное движеніе въ сторону коренной реформы избирательной системы. Это движеніе наблюдается въ особенности со стороны палаты депутатовъ, причемъ оно направляется въ сторону голосованія по списку, которое является необходимымъ условіемъ реформы, считающейся многими парламентскими дѣятелями и государствовѣдами неизбѣжной, а именно реформы, которая будетъ имѣть своимъ результатомъ установленіе пропорціональнаго представительства.

Голосованія по спискамъ добивался еще Гамбетта и его партія въ 1882 году. Онъ надѣялся такимъ путемъ организовать большую республиканскую партію и затѣмъ взять въ свои руки руководство ею. Эти стремленія Гамбетты, какъ извѣстно, и погубили его. Однако спустя нѣсколько лѣтъ эти стремленія удалось осуществить. Выборы по списку были приняты 24 марта 1885 г. палатой депутатовъ, а затѣмъ и сенатомъ.

Но республиканцы этимъ scrutin de liste далеко не достигли тѣхъ результатовъ, на которые они надѣялись. Оказалось, что эта система въ рукахъ честолюбца легко могла сдѣлаться даже опасной для республики. Въ этомъ особенно убѣдилъ республиканцевъ генералъ Буланже, который оставшись не у дѣлъ, заставлялъ выбирать его депутомъ въ разныхъ департаментахъ и достигъ того, что въ одномъ только Сенскомъ департаментѣ получилъ 435,860 голосовъ изъ общаго числа 586.697. Благодаря этому взгляды республиканцевъ весьма измѣнились въ отношеніи къ выборамъ по списку. Одноименные выборы, казалось, скорѣе гарантировали свободу голосованія и имѣли то преимущество, что избиратели знали избираемаго лично.

Такимъ образомъ принципъ одноименныхъ выборовъ (scrutins individuels) долженъ былъ получить преимущество передъ выборами по списку и послѣдніе были отмѣнены 13 февраля 1889 г. [1]) и замѣнены выборами каждаго депутата въ отдѣльномъ избирательномъ округѣ. Этотъ принципъ одноименныхъ выборовъ былъ даже усиленъ закономъ 17 іюля 1889 г. [2]), запретившимъ выставлять кандидатуру въ нѣсколькихъ избирательныхъ округахъ.

Такимъ образомъ, во Франціи до нашихъ дней примѣняется система одноименныхъ выборовъ и притомъ въ рѣзко выраженной формѣ.

Однако, какъ мы уже сказали, за послѣдніе годы намѣчается снова со стороны нижней палаты движеніе въ сторону реформы существующей системы. Однимъ изъ послѣднихъ законопроектовъ, принятыхъ въ этомъ смыслѣ палатой депутатовъ является принятый ею 10 іюля 1912 года. Этимъ законопроектомъ для избранія депутатовъ устанавливалось голосованіе по списку съ представительствомъ меньшинства.

Этотъ проектъ переданный въ тотъ же самый день въ Сенатъ былъ направленъ этимъ послѣднимъ въ комиссію очень неблагопріятную этому проекту. Докладъ, порученный Jeanneney и представленный имъ 28 февраля 1913 года Сенату, вызвалъ оживленные, горячіе дебаты, результатомъ которыхъ было голосованіе поправки, предложенный Peytral'емъ, по которой «слѣдуя мажоритарному правилу» никто не можетъ быть избранъ «если онъ имѣетъ менѣе голосовъ, чѣмъ его конкуренты» (161 голосъ противъ 128 и 16 отсутствующихъ), то, что и повлекло, въ сущности говоря, паденіе министерства Бріана.

Противники реформы приводили двоякаго рода возраженія противъ законопроекта. Одни возраженія касались самаго принципа реформы, а другіе—ея осуществленія.

Противъ принципа самой реформы возражали то, что депутатъ есть представитель націи, а не отдѣльнаго округа и что палата, обезпечивая по своей природѣ составъ правительства,

---

[1]) Loi rétablissant la scrutin uninominal pour l'élection des députeés du 13 fevr. 1889.

[2]) Loi relative aux condidateurs multiples du 17 juillet 1889.

не могла бы управлять, если бы была раздроблена на многочисленныя и противныя одна другой фракціи.

Что же касается до способа осуществленія реформы, предложенной палатой депутатовъ, то возраженія сводились къ тому, что камнемъ преткновенія всей реформы можетъ стать трудности знать избирательное частное (quotient électoral).

Сенатская комиссія не ограничилась только тѣмъ, что отклонила проектъ вотированный палатой; она его замѣнила, по соглашенію, другимъ, который устанавливалъ голосованіе по спискамъ департаментскимъ. Этотъ проектъ послѣ вотированія поправки, предложенной Peytral, былъ принятъ въ послѣдующемъ засѣданіи 10 іюня 1913 г. Параллельно съ этимъ закономъ въ палату депутатовъ Fleury-Ravarin представилъ 17 дек. 1912 г. законопроектъ касающійся выбора сенаторовъ. Въ мотивахъ, положенныхъ въ основу проекта, указывается на то, что сенатъ имѣетъ съ націей весьма слабую связь, что избирательный составъ сената обнимаетъ собой гражданъ, обязанныхъ по закону предсѣдательствовать на выборныхъ операціяхъ, т. е. генеральныхъ совѣтниковъ, призываемыхъ къ составленію списка, мэровъ и муниципальныхъ совѣтниковъ, которые какъ таковые предсѣдательствуютъ въ бюро голосованій [1]).

Этотъ порядокъ по мнѣнію докладчика влечетъ къ тому, что на выборы можетъ быть оказано давленіе.

На этой то почвѣ возникъ новый законопроектъ, предложенный Lintilhac'омъ, (25 февр. 1913 г.), имѣющій своей цѣлью «обезпечить тайну и свободу голосованія, а равно и точность избирательныхъ операцій». Главнѣйшія положенія проекта сводятся къ тому, чтобъ: 1) разослать однообразные конверты, въ которые избиратели заключаютъ свои бюллютени голосованія прежде чѣмъ положить ихъ въ урну; 2) предложить проектъ изолированія, «изоляціонной комнаты», гдѣ избиратель былъ бы избавленъ отъ всѣхъ наблюденій въ то время когда онъ полагаетъ свой бюллетень въ конвертъ; 3) дать возможность каждому кандидату быть представленнымъ въ бюро голосованія чрезъ уполномоченнаго и 4) уничтожить возможность быть внесенными во многіе избирательные списки [2]). За не-

[1]) См. ст. prof. Berthelemy, Les resistances du Sénat, въ отд. Notes parlementaires въ Revue du Droit public, 1913 г. Avril-Mai-Juin, 391 и сл. стр.

[2]) См. ст. Brunet въ Chronique du Mouvement législatif, въ назв. Revue, 414 стр.

значительными измѣненіями, 29 іюня 1913 года сенатъ принялъ законопроектъ, вводившій новыя улучшенія въ избирательныя операціи. Эти улучшенія являются настолько интересными, что мы предлагаемъ читателю содержаніе новаго закона.

Законъ 29 іюля цѣликомъ расчитанъ на то, чтобы существующій во Франціи принципъ тайны голосованія окружить еще большими предосторожностями, запечатлѣть въ избирательной процедурѣ тѣ стремленія, которыя уже съ давнихъ поръ сдѣлались лозунгами большихъ политическихъ партій.

По своему содержанію законъ раздѣляется на 5 частей, изъ которыхъ первая касается избирательныхъ листовъ, вторая—подачи голосовъ въ избирательныхъ конвертахъ, третья—устройства изоляціоннаго помѣщенія, четвертая—подсчета голосовъ и пятая—карательныхъ мѣръ [1]). Изложимъ каждую часть подробно.

Избирательные листы.

Ст. 1.—Никто не можетъ быть записанъ въ нѣсколькихъ избирательныхъ спискахъ.

Если кто-нибудь записанъ въ нѣсколвкихъ избирательныхъ спискахъ, то мэръ или, вмѣсто него, всякій избиратель, внесенный въ одинъ изъ этихъ списковъ, можетъ потребовать предъ ревизіонной комиссіей избирательныхъ списковъ, по крайней мѣрѣ за восемь дней до окончанія, чтобы этотъ гражданинъ избралъ для себя только одинъ изъ этихъ списковъ.

Если онъ въ теченіе восьми дней, со дня извѣщенія заказнымъ письмомъ по его мѣстожительству, не сдѣлаетъ этого избранія, то онъ останется вписаннымъ въ списокъ коммуны или секціи коммуны, гдѣ онъ живетъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, и будетъ вычеркнутъ изъ другихъ списковъ.

Возраженія и споры по этому поводу разсматриваются и рѣшаются комиссіями и мировыми судьями, компетентными въ производствѣ ревизіи избирательнаго списка, въ который внесенъ избиратель, объявляющій свой выборъ и это должно со-

---

[1]) См. Loi du 29 juillet 1913 sur le secret et la liberté du vote et sur la sincérité des opérations électorales, въ Revue du Droit public, 1913 г. Tome XXX, № 3, 597 и сл. стр. также у Prof. M. Hauriou, Précis de droit administratif et de droit public, Huitième ed. 1914, Deuxième Supplément, XVI—XIX стр.

отвѣтствовать формамъ и срокамъ, предписаннымъ закономъ 5 апрѣля 1884 года.

Всякое лицо, которое заявитъ себя и добьется внесенія въ два или многіе списки, понесетъ наказанія, предусмотрѣнныя § 31 органическаго декрета 2 февраля 1852 года.

Всякое прошеніе объ измѣненіи внесенія въ списокъ должно сопровождаться прошеніемъ о вычеркиваніи изъ избирательнаго списка прежняго мѣстожительства, чтобы быть переданнымъ мэру упомянутаго жительства.

Всякій подлогъ въ выдачѣ или въ предъявленіи свидѣтельства для внесенія въ списокъ или вычеркиванія изъ избирательныхъ списковъ будетъ подлежать наказанію, предусмотрѣнному § 12 настоящаго закона.

Ст. 2.—Параграфъ 3 статьи 14-й закона 5 апр. 1884 года измѣненъ такъ: «Избирательный листъ заключаетъ: 1) всѣхъ избирателей, которые имѣютъ свое дѣйствительное мѣстопребываніе въ коммунѣ или живутъ тамъ, по крайней мѣрѣ, шесть мѣсяцевъ; 2) тѣ, которые, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти лѣтъ, были здѣсь записаны плательщиками прямыхъ податей или уплачивали натурою, и, если они не живутъ въ коммунѣ, то изъявили желаніе выполнить свои избирательныя права».

Французскіе граждане, живущіе заграницей и внесенные въ спискѣ консульства Франціи, при желаніи сохраняютъ свое право быть внесенными въ избирательный списокъ коммуны, если они удовлетворяютъ закону о пополненіи арміи и выполнили свои военныя обязанности.

Подача голоса въ избирательныхъ конвертахъ.

Ст. 3.—При всѣхъ избраніяхъ, подача голоса происходитъ въ избирательныхъ конвертахъ.

Эти избирательные конверты представляются префекторской администраціей.

Они должны быть непрозрачны, снабжены печатью префектуръ или су-префектуръ и однообразнаго типа для всякой избирательной коллегіи.

Они должны быть разосланы, въ каждую мэрію, по крайней мѣрѣ за пять дней до выборовъ, въ числѣ, превышающемъ половину числа записанныхъ избирателей.

Мэръ долженъ сейчасъ же извѣстить объ ихъ полученіи.

Въ день голосованія, они должны лежать на избирательномъ бюро и предоставлены избирателямъ.

Если, вслѣдствіе непреодолимаго обстоятельства (force majeure), проступка, предусмотрѣннаго статьей 12 или по какой-либо другой причинѣ, нѣтъ этихъ установленныхъ конвертовъ, то предсѣдатель избирательнаго бюро долженъ ихъ замѣнить другими, однообразнаго типа, снабженными печатью мэра и приступить къ голосованію, сообразно съ установленіями настоящаго закона. Въ протоколѣ содержится упоминаніе объ этой замѣнѣ и къ нему прилагаются пять конвертовъ, которые употреблялись.

Изолированное помѣщеніе.

Ст. 4.—При своемъ входѣ въ залъ голосованія, избиратель, послѣ удостовѣренія его личности сообразно установленнымъ правиламъ и обычаямъ, или доказательства его права вотироввнія предъявленіемъ рѣшенія или упомянутаго постановленія 23 статьи муниципальнаго закона 5 апр. 1884 г., самъ беретъ конвертъ. Не покидая залъ голосованія, онъ долженъ изолироваться въ установленное помѣщеніе, чтобы быть избавленнымъ отъ взглядовъ въ то время, какъ онъ кладетъ свой бюллетень въ конвертъ; потомъ онъ долженъ удостовѣрить предъ предсѣдателемъ, что онъ кладетъ одинъ конвертъ; предсѣдатель констатируетъ это, не касаясь конверта, который избиратель самъ кладетъ въ урну.

Въ каждой коммунѣ, должно быть одно изоляціонное помѣщеніе для 300 избирателей, внесенныхъ въ списки или для фракціи и не менѣе двухъ для залы голосованіи.

Ст. 5.—Избирательная урна, имѣющая одно отверстіе, предназначенное для того, чтобы проходилъ бюллетень, вложенный въ конвертъ, до начала голосованія, должна быть заперта на два различныхъ замка, ключи отъ которыхъ остаются—одинъ въ рукахъ предсѣдателя, другой—въ рукахъ старшаго засѣдателя. Если, въ моментъ окончанія голосованія, предсѣдатель не имѣетъ обоихъ ключей въ своемъ распоряженіи, онъ долженъ принять всѣ необходимыя мѣры, чтобы сейчасъ же приступить къ открытію урны.

Ст. 6.—Всякій заболѣвшій избиратель и потому поставленный въ невозможность вложить свой бюллетень въ кон-

вертъ и опустить его въ ящикъ голосованія, уполномоченъ сдѣлать это чрезъ какого-либо избирателя по своему выбору.

Ст. 7.—Издержки по доставкѣ конвертовъ и по спеціальному оборудованію, предусмотрѣнныя статьей 4-й, производятся на счетъ государства.

Подсчетъ голосовъ.

Ст. 8.—Послѣ окончанія голосованія, приступаютъ къ подсчету слѣдующимъ образомъ: ящикъ голосованія открытъ и число конвертовъ провѣрено. Если это число больше или меньше числа отмѣтокъ, то объ этомъ упоминается въ протоколѣ. Между присутствующими избирателями бюро отдѣляетъ извѣстное число повѣрщиковъ при баллотировкѣ (scrutateurs), умѣющихъ читать и писать, которые дѣлятся, по крайней мѣрѣ на четыре стола. Если на лицо есть нѣсколько кандидатовъ или нѣсколько списковъ имъ будетъ позволено взаимно (respectivement) избрать повѣрщиковъ голосованія, которые, по возможности, должны быть распредѣлены поровну на каждый столъ подсчета. Въ этомъ случаѣ имена предложенныхъ избирателей должны быть отданы предсѣдателю за часъ до окончанія голосованія, для того, чтобы листъ повѣрщиковъ голосованія по столамъ былъ установленъ раньше начала подсчета. Предсѣдатель распредѣляетъ конверты для провѣрки между различными столами. За каждымъ столомъ, одинъ изъ повѣрщиковъ вынимаетъ бюллетень изъ каждаго конверта и передаетъ его сложеннымъ другому повѣрщику; послѣдній читаетъ его вслухъ; имена, записанныя на бюллетеняхъ вписываются, по крайней мѣрѣ, двумя повѣрщиками въ приготовленные для того листы. Если конвертъ содержитъ нѣсколько бюллетеней, то голосованіе не имѣетъ значенія, когда на этихъ бюллетеняхъ записаны различныя имена; они считаются за одинъ бюллетень, когда въ нихъ одинъ и тотъ же списокъ или одинъ и тотъ же кандидатъ.

Ст. 9.—Бѣлые бюллетени, которые не содержатъ достаточнаго указанія или по которымъ можно узнать голосующихъ, бюллетени, найденные въ ящикѣ безъ конверта или не въ установленныхъ конвертахъ, бюллетени на цвѣтной бумагѣ, бюллетени или конверты, имѣющіе внутренніе или внѣшніе знаки благодарности, бюллетени или конверты, содержащіе что-либо оскорбительное для кандидатовъ или для сословія—не считаются при результатахъ подсчета.

Но они прилагаются къ протоколу такъ же какъ и конверты не установленные и контрасигнованные членами бюро.

Въ каждомъ изъ этихъ приложенныхъ бюллетеней должно быть упоминаніе причинъ ихъ присоединенія.

Если же они не приложены, то это обстоятельство повлечетъ за собой аннулированіе операцій, если будетъ установлено, что это имѣло цѣлью и слѣдствіемъ нанести ущербъ правильности голосованія.

Ст. 10.—33-я статья регламентарнаго декрета 2 февраля 1852 г. измѣнена такъ:

«Протоколы избирательныхъ операцій каждой коммуны составлены въ двойномъ экземплярѣ. Одинъ изъ нихъ остается въ секретаріатѣ мэріи; другой сейчасъ же отсылается по почтѣ въ запечатанномъ и заказномъ конвертѣ по адресу префекта, чтобы быть отправленнымъ въ ревизіонную комиссію».

Ст. 11.—34-я статья регламентарнаго декрета 2 февраля 1852 г. измѣнена такъ:

«Общая ревизія голосованій для каждаго округа производится въ главномъ мѣстѣ департамента, въ публичномъ собраніи, не позднѣе среды которая слѣдуетъ за голосованіемъ».

«Она производится комиссіей, составленной изъ предсѣдателя гражданскаго суда, предсѣдателя и четырехъ членовъ генеральнаго совѣта, не кандидатовъ, которые всего дольше состояли на службѣ; въ случаѣ если сроки службы одинаковы, назначается болѣе старшій по возрасту».

«Если предсѣдатель гражданскаго суда занятъ, онъ замѣняется вице-предсѣдателемъ, если и онъ не можетъ, то старшимъ судьей. Сами совѣтники, въ случаѣ невозможности, замѣняются въ порядкѣ старшинства».

«Операція ревизіи констатируется протоколомъ».

Карательныя мѣры.

Ст. 12.—Внѣ случаевъ, спеціально предусмотрѣнныхъ положеніями дѣйствующихъ законовъ и декретовъ, всякій кто въ комиссіи административной или муниципальной, или въ бюро голосованія, или въ бюро мэрій, префектуръ и супрефектуръ, прежде, во время или послѣ голосованія, путемъ добровольнаго несоблюденія закона или префекторскихъ распоряженій будетъ нарушать или попытается нарушить тайну голосованія, нанося тѣмъ или пытаясь нанести ущербъ его точности, препятствуя

или пытаясь препятствовать операціямъ голосованія, или кто будетъ ихъ измѣнять или пытаться измѣнить ихъ результатъ, будетъ наказанъ штрафомъ отъ 100 до 500 франковъ, или заключеніемъ въ тюрьму отъ одного мѣсяца до года или же только однимъ изъ двухъ наказаній.

Преступникъ можетъ быть, впрочемъ, лишенъ своихъ гражданскихъ правъ въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ и не болѣе пяти.

Если виновный является чиновникомъ административнаго или судебнаго вѣдомства, агентъ или приставъ правительственный или государственный, или повѣренный въ дѣлахъ государственной службы, наказаніе будетъ увеличено вдвое.

Къ вышеизложеннымъ положеніямъ примѣняется ст. 463 Уголовнаго Кодекса.

Ст. 13.—Положенія ст. 50 органическаго декрета 2 февраля 1852 года являются примѣнимыми къ публичному и гражданскому искамъ, вчатымъ въ силу настоящаго закона.

Ст. 14.—Ст. 479—503 Устава уголовнаго судопроизводства будутъ отнынѣ непримѣнимы къ преступленіямъ и проступкамъ или къ ихъ попыткамъ, которыя будутъ совершены въ цѣляхъ содѣйствія или оспариванія кандидатуры, какой бы природы она не была.

Ст. 15.—Положенія предшествующихъ законовъ и декретовъ отмѣняются въ томъ, въ чемъ они противорѣчатъ настоящему закону.

Ст. 16.—Настоящій законъ примѣняется и къ Алжиріи. Издержки, предусмотрѣнныя ст. 7-й будутъ возложены на алжирскій бюджетъ.

Регламенты государственной администраціи опредѣлятъ условія примѣненія настоящаго закона въ колоніяхъ, имѣющихъ представительство въ парламентѣ; издержки, предусмотрѣнныя ст. 7-й возлагаются на мѣстные бюджеты этихъ колоній.

Ст. 17.—Объявленія, содержащія текстъ настоящаго закона будутъ доставлены префекторской администраціей и расклеены заботами муниципалитета на двери каждой мэріи, въ теченіи избирательнаго періода и на двери каждой секціи голосованія въ день выборовъ.

Ст. 18.—Настоящій законъ будетъ примѣняться черезъ три мѣсяца послѣ его промульгаціи.

Изъ знакомства съ текстомъ закона читатель можетъ видѣть, какими предосторожностями окружаетъ послѣдній французскій законъ тайну выборовъ. Мы видимъ цѣлую сѣть серьезныхъ постановленій, пользуясь которыми избиратель могъ бы свободно и согласно съ своимъ убѣжденіемъ осуществить свое высшее политическое право. Этими постановленіями создается дѣйствительная гарантія тайны голосованія. Французскій законъ стремится въ самой операціи голосованія воспользоваться всѣмъ, до чего только дошла избирательная техника нашего времени.

Трудно пока сказать какое осуществленіе получитъ на практикѣ изложенный законъ. Не разобьются ли эти отеческія попеченія объ избирателѣ о тѣ затрудненія, которыя встрѣтятъ они на практикѣ. Не встрѣтитъ ли на практикѣ серьезныя затрудненія устройство изолированныхъ помѣщеній, съ невозможностью часто найти подходящія по размѣрамъ зданія. Не замедлится ли слишкомъ и самый актъ выборовъ вслѣдствіе того, что каждый избиратель долженъ предварительно уходить въ изолированную комнату. Кромѣ того, знаменитый знатокъ избирательнаго права проф. Георгъ Мейеръ, совѣтуетъ не забывать того, что «чѣмъ большими формальностями будутъ окружены выборы, тѣмъ легче будетъ возможность *оспаривать* правильность послѣднихъ, вслѣдствіе нарушенія этихъ формальностей».

Однако и самъ авторитетный авторъ [1]) рекомендуетъ мѣры, установляемыя французскимъ закономъ въ отношеніи къ избирательнымъ листкамъ, какъ мѣры радикальныя, дѣйствительно гарантирующія тайну голосованія.

Такимъ образомъ, стремленія французской палаты реформировать избирательную систему получили пока свое завершеніе въ томъ, что касается улучшенія операціи голосованія, обезпеченія избирателю гарантіи тайны голосованія.

С. П. Покровскій.

---

1) См. Георгъ Мейеръ, Избирательное право, съ предисловіемъ Г. Іеллинека. Перев. съ нѣм. 1906 г. кн. II, 124—125 стр.

Критика.

Ю. С. Гамбаровъ. Курсъ гражданскаго права. Т. I. Часть общая. Спб. 1911 г., стр. XI+780, ц. 4 р.

«Предлагаемый курсъ гражданскаго права разсчитанъ на три тома, изъ которыхъ выпускаемый теперь первый содержитъ въ себѣ такъ назыв. «*общую часть*», а въ два слѣдующіе тома войдутъ *вещное* и *обязательственное* право». Таковъ планъ задуманной работы автора. Цѣль этого сочиненія должна состоять въ томъ, «чтобы представить гражданское право въ его общихъ признакахъ и понятіяхъ, раскрываемыхъ многовѣковой исторіей и практикой этой отрасли юриспруденціи», что предполагаетъ, въ свою очередь, «*сравнительно-историческое* изученіе всѣхъ институтовъ гражданскаго права и признаніе тѣсной связи гражданскаго правовѣдѣнія со всѣми другими отраслями обществовѣдѣнія» (Предисловіе). «Только такая постановка гражданскаго права можетъ дать ему, по мнѣнію автора курса, значеніе научной дисциплины и сдѣлаться настоящей школой для юристовъ; школой ведущей къ «пониманію *соціальныхъ* задачъ права» (ibid). Это пониманіе «соціальныхъ задачъ права», пріобрѣтаемое «*сравнительно-историческимъ*» изученіемъ правовыхъ институтовъ и системъ, авторъ ставитъ выше всего и открыто признаетъ, что такое изученіе стоитъ несравненно выше и является безусловно важнѣе, «чѣмъ вся догматическая юриспруденція, взятая вмѣстѣ» (стр. 169).

Авторъ является рѣшительнымъ сторонникомъ такъ наз. «соціологическаго направленія» въ юриспруденціи, настойчиво увѣряя, что «нельзя изучать правовѣдѣнія безъ соціологіи», которая въ отношеніи къ правовѣдѣнію является «его истинной и единственно возможной научной философіей« (стр. 38). «Изученіе этой философіи, по мысли автора, было бы вѣнцомъ всѣхъ занятій правовѣдѣнія»; и хотя онъ знаетъ, что «правовѣдѣніе и соціологія не тождественны», но строго научно

провести «демаркаціонную линію между той и другой отраслью знанія оказывается невозможнымъ», по его мнѣнію (стр. 38).

Намъ уже приходилось высказываться, что «соціологическое направленіе» въ правѣ явилось, какъ продуктъ безотчетнаго протеста противъ гипертрофіи юридической догматики (Право, 1911, № 9, стр. 575), и нынѣ этотъ взглядъ находитъ крѣпкую поддержку въ работѣ проф. Гамбарова. Оставляя по «невозможности» свою «соціологическую юриспруденцію» безъ строгаго и прочнаго научнаго обоснованія, непроизвольно сводя ее на «сравнительно-историческую методу», авторъ, въ то же время, рѣзко протестуетъ противъ узости современной догматической юриспруденціи. «Сводить всю юриспруденцію къ толкованію дѣйствующаго права и особенно—такого, которое выражено только въ законодательствѣ той или другой страны, предполагая притомъ, что толкованіе должно ограничиваться лишь заключеннымъ въ этомъ законодательствѣ матеріаломъ,—это дѣйствительно значитъ вести юриспруденцію, какъ науку, къ *банкротству*». Ибо, «право, дѣйствующее лишь въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, строго ограниченное какъ въ своей территоріи, такъ и во времени своего дѣйствія, способное изо дня въ день ко всякаго рода измѣненіямъ и изолированное не только отъ окружающаго его міра, но и отъ всѣхъ своихъ источниковъ, кромѣ закона, изолированное даже отъ своего собственнаго прошлаго и будущаго,—такое право не можетъ быть ни предметомъ особой науки, ни вообще научнаго разсмотрѣнія» (стр. 10). Могла ли преуспѣвать догма—восклицаетъ далѣе авторъ,—когда юристы ограничивались лишь простой «передачей мертваго матеріала римскихъ правоположеній, располагаемыхъ ими въ извѣстную систему», которая для современности являлась «неподвижной и мертвой формой, измѣняющей свой внѣшній образъ, но не принимающей и не выдѣляющей изъ себя ничего новаго. Понятно, что въ такихъ условіяхъ, заключаетъ авторъ, юриспруденція была осуждена на застой и начала возрождаться лишь послѣ того, какъ ея стали касаться освѣжающія вліянія философскаго, историческаго и соціологическаго направленій» (стр. 174—175). Апологетомъ этого послѣдняго и является Ю. С. Гамбаровъ въ предлагаемомъ «Курсѣ».

Но странно, что все «соціологическое направленіе» укладывается авторомъ, просто, въ рамкѣ его «сравнительно-исто-

рической методы», и даже въ «отрѣшеніи догмы отъ сравнительной исторіи права» авторъ находитъ «объясненіе того печальнаго въ научномъ и практическомъ смыслѣ положенія, въ которомъ юриспруденція находится въ наши дни» (стр. 174). На «сравнительно-историческую методу» сводится у автора и все *теоретическое* правовѣдѣніе (стр. 172 и др.), а *догма* права «захватываетъ *политику права* и выходитъ далеко за предѣлы историческаго правовѣдѣнія» (ibid.),—такъ что, въ концѣ-концовъ, въ концепціи автора получается довольно своеобразное классификаціонное mixtum compositum. Но все это, повидимому, покрывается и оправдывается тѣмъ убѣжденіемъ автора, «вопреки господствующей доктринѣ», что «право не можетъ быть ни изучаемо въ смыслѣ теоретической науки, ни даже толкуемо и примѣняемо въ смыслѣ прикладного знанія—иначе, какъ при соображеніи *всей* общественной среды, въ которой оно возникаетъ и проявляетъ свое дѣйствіе» (стр. 10).

Съ такой «соціологической» точки зрѣнія авторъ рѣзко и не безъ иронiи нападаетъ на «формализмъ», «узость» и «педантизмъ» современной догматической юриспруденціи, «претящіе всякому свободному и пытливому уму» (стр. 20). Такому ремесленно-узкому пониманію юриспруденціи, «въ смыслѣ отрѣшенія ея отъ всѣхъ знаній, кромѣ знанія *закона* и его принциповъ, способныхъ, какъ будто, одними своими средствами разрѣшить всѣ предстоящія ей задачи, платятъ отчасти дань и современные намъ германскіе университеты», сѣтуетъ авторъ, разъединяющіе преподаваніе юридическихъ и экономическихъ наукъ (стр. 8). И въ результатѣ воцаряется толковательно-схоластическая юриспруденція, выжимающая изъ самой себя послѣдніе соки. Противъ такой экзегетической гипертрофіи и возстаетъ проф. Гамбаровъ.

Вполнѣ присоединяясь къ необходимому протесту противъ отожествленія *права* съ *закономъ* и *юриспруденціи* съ *экзегезой*, мы въ то же время не можемъ признать послѣдовательнымъ и правильнымъ теоретическое обоснованіе авторомъ своего курса.

Этому обоснованію посвящено все обширное «введеніе въ курсѣ» (стр. 1—180), гдѣ авторъ задается самыми широкими планами и перспективами, стремясь воочію убѣдить читателя, что «право можно изучать только въ связи съ цѣлымъ, часть котораго оно составляетъ, т. е. въ связи со всѣмъ *обществомъ*

и тѣми культурными и хозяйственными отношеніями, выраженіемъ которыхъ является какъ законъ, такъ и всякая другая юридическая норма» (стр. 11). Но, приступая къ опредѣленію права, на самомъ дѣлѣ, авторъ просто подражаетъ ученію Руд. Штаммлера («Wirtschaft und Recht», 1895), говоря: «право есть лишь одно регулированіе соціальной жизни, неотдѣлимое отъ этой послѣдней и стоящее къ ней въ отношеніи формы къ своему содержанію». «Право, по удачному выраженію Штаммлера,—говоритъ авторъ,—есть только извѣстное качество нормъ, регулирующихъ соціальную жизнь, и если не можетъ быть права безъ соціальной жизни, такъ какъ форма не можетъ въ дѣйствительности существовать безъ содержанія, такъ не можетъ быть и соціальной жизни безъ права, такъ какъ понятіе регулированія входитъ въ понятіе соціальной жизни, которое переходило бы иначе въ свою противоположность, т. е. понятіе анархіи. Такимъ образомъ, соціальная жизнь и право суть не раздѣльныя величины, а двѣ нераздѣльныя стороны—*содержаніе* и *форма*—одного и того же явленія» (стр. 36 - 37). «Право не есть что-либо существующее само по себѣ; напротивъ, каждое право есть только регулированіе соціальной жизни, и нѣтъ такого права, которое не заключало бы въ себѣ того или другого соціальнаго содержанія» (стр. 159). Отсюда авторъ и выводитъ, что «правовѣдѣніе нельзя изучать безъ соціологіи».

Вооружившись даннымъ «соціальнымъ» пониманіемъ права, авторъ подходитъ, далѣе къ опредѣленію *гражданскаго* права. И здѣсь уже отъ Штаммлера авторъ неожиданно переходитъ къ Іерингу, говоря, что «опредѣленіе гражданскаго права въ смыслѣ *порядка отношеній, которыхъ защита предоставлена инициативѣ и усмотрѣнію заинтересованныхъ лицъ*, можно признать наиболѣе соотвѣтствующимъ потребностямъ практики и преподаванія права» (стр. 53). Содержаніе *юридическихъ отношеній*, является опецифическимъ признакомъ въ разграниченіи различныхъ сферъ права (стр. 49 и 52). Подъ юридическими же отношеніями авторъ разумѣетъ не что иное, какъ такъ назв. «субъективное право». «Правомъ говоритъ, онъ, мы называемъ одинаково какъ совокупность дѣйствующихъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ *юридическихъ нормъ*, такъ и совокупность соотвѣтствующихъ имъ *юридическихъ отношеній*, вмѣстѣ съ вытекающими изъ этихъ послѣднихъ субъ-

ективными правомочіями и обязанностями. Въ первомъ случаѣ мы говоримъ о правѣ въ *объективномъ*, во второмъ—о правѣ въ *субъективномъ* смыслѣ,» каковое различеніе отражаетъ въ себѣ лишь «двѣ стороны одного и того же понятія права» (стр. 181).

Вступая такимъ образомъ уже въ сферу *традиціоннаго* пониманія права, авторъ снова придерживается ученія Іеринга, признавая «субъективное право»—«юридической обезпеченностью пользованія», или прямо соглашаясь, что, «права—суть защищенные интересы» (Ihering, Geist des römischen Rechts, III, § 61). Самая система «общей части» курса также не выходитъ за предѣлы традиціоннаго шаблона, подраздѣляя, напримѣръ, «объективное право» на: 1) «обычное право», 2) «законъ» и 3) «право юристовъ» или судебную практику. Дальнѣйшія подраздѣленія также общеизвѣстны, а именно: право въ субъективномъ смыслѣ; лицо, какъ субъектъ права; объектъ права; возникновеніе, измѣненіе и прекращеніе юридическихъ отношеній. Спеціально въ область гражданскаго права авторомъ включаются: 1) «Права личныя и семейныя» и 2) «Права имущественныя и неимущественныя».

Наиболѣе не соотвѣтствующей «соціальному пониманію» права является у автора позиція, занятая имъ въ вопросѣ о субъектѣ права. «*Субъектомъ*—говоритъ онъ—при сколько-нибудь развитомъ состояніи права не можетъ быть никто, кромѣ *человѣческой личности:* она одна имѣетъ интересы и волю, защищаемые правомъ» (стр. 445). Это положеніе, говоритъ авторъ: «вытекаетъ изъ самаго существа права, предназначеннаго служить человѣческимъ потребностямъ и обращеннаго всегда къ человѣку» (стр. 446). Omne jus hominum causa constitutam est!—вспоминаетъ авторъ изреченіе римскихъ юристовъ. Отсюда является у автора рѣзкое непризнаніе такъ наз. «*юридическихъ лицъ*» въ качествѣ субъектовъ права. «Мы считаемъ эту *фикцію* совершенно невѣрной и уродующей все ученіе о лицѣ, какъ субъектѣ права» (стр. 448). И здѣсь авторъ снова приходитъ къ ученію Іеринга, по которому «настоящіе субъекты права—не юридическія лица, какъ таковыя, а составляющіе ихъ члены» («дестинаторы») (Ihering, Geist des römischen Rechts, III S. 331). Но и это ученіе не можетъ его успокоить, и онъ, въ концѣ концовъ, становится на сторону Planiol'a, говоря: «подъ именемъ «юридическаго лица»

надо понимать *коллективныя имущества*, взятыя врозь отъ другихъ и состоящія въ отличномъ отъ индивидуальной собственности обладаніи болѣе или менѣе значительныхъ группъ людей... Необходимо мнѣ̀ юридическаго лица замѣнить *положительнымъ понятіемъ*, которымъ можетъ быть только *коллективная собственность*» (стр. 452). Насколько подобное пониманіе «при сколько-нибудь развитомъ состояніи права» неправильно, распространяться не приходится: во 1-хъ, *субъектъ* права отнюдь не то же самое, что *дестинатаръ* права; во 2-хъ, современная жизнь особенно богата реальными иллюстраціями развитія дѣятельности «юридическихъ лицъ» (стоитъ сравнить, хотя бы, однѣ акціонерныя компаніи); въ 3-хъ, если юридическія лица суть «коллективныя имущества», то эти послѣднія должны быть признаны субъектами права, такъ какъ невозможно серьезно отрицать факты исковъ отъ имени «юридическихъ лицъ», пріобрѣтенія имуществъ въ ихъ пользу etc. «Соціальное пониманіе» права особенно, думается, должно подчеркивать необходимость «юридическихъ лицъ», а отнюдь не переводить ихъ въ «коллективную собственность».

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что столь вознесенная во «введеніи» «сравнительно-историческая метода» автора сказалась въ курсѣ, главнымъ образомъ, въ простомъ сопоставленіи нѣкоторыхъ юридическихъ фактовъ и институтовъ различныхъ странъ безъ всякаго научно-принципіальнаго освѣщенія ихъ и безъ попытки выяснить ихъ причинный ходъ развитія. Не мало удивляетъ, къ тому же, полное игнорированіе авторомъ такой, напримѣръ, абсолютной критики защищаемаго имъ ученія, какъ критика проф. Л. І. Петражицкаго. Если авторъ признаетъ ее неубѣдительной, то слѣдовало бы, думается, показать это; а не просто повторять устарѣвшія формулы Іеринга м не считаться съ прогрессирующимъ движеніемъ науки. Вообще, намъ кажется не совсѣмъ удачной и далеко не обоснованной вся попытка автора влить «новое вино въ старые мѣха».

П. Е. Михайловъ.

В. Д. Катковъ, проф. Iurisprudentiae novum organon. (Реформированная общимъ языковѣдѣніемъ логика и юриспруденція). Т. I. Цивилистика. Одесса 1913 г. Ц. 3 р. 75 к., стр. 509.

Подъ такимъ весьма претенціознымъ заглавіемъ издана одесскимъ профессоромъ В. Д. Катковымъ объемистая книга. Мысли, изложенныя въ книгѣ, по собственному признанію автора, «*абсолютной* новости не представляютъ, но совершенно ново *примѣненіе* ихъ къ юриспруденціи» (стр. VI). Такъ какъ для русскаго рядового цивилиста все содержаніе рец. книги отъ *a* до *z* представляетъ, именно, «абсолютную новость», мы считаемъ полезнымъ реферировать ея содержаніе (I) и затѣмъ уже высказать по поводу ея содержанія нѣсколько сужденій (II).

I.

Римскіе юристы высказали ставшее теперь тривіальнымъ положеніе: «*omnis definitio periculosa est*». Авторъ подробно обосновываетъ это положеніе данными науки языковѣдѣнія. «Языковѣдѣніе подтверждаетъ эту трудность и не только подтверждаетъ: оно объясняетъ намъ происхожденіе этой трудности и ея неизбѣжность. Абстрактный всегда человѣческій языкъ не въ состояніи уловить конкретныхъ и индивидуальныхъ чертъ дѣйствительности, тогда какъ въ цивилистикѣ (и юриспруденціи вообще), эти мѣстныя, временныя, постоянно измѣняющіяся черты и составляютъ душу явленій, равно какъ опредѣляютъ характеръ науки о нихъ. Историческое и національное въ понятіяхъ цивилистики не случайность, а существенная черта ихъ. Абстракціи лишены здѣсь жизненной силы: существуетъ не собственность вообще, договоръ вообще или какое-либо иное цивилистическое понятіе вообще, а конкретныя очертанія собственности, договора и т. д. по русскимъ, нѣмецкимъ и прочимъ законамъ. Абстракціи живутъ только въ словахъ, этихъ тѣняхъ дѣйствительности, созданныхъ безпомощнымъ человѣческимъ мышленіемъ, всегда стремящимся приблизиться къ реальному міру и всегда остающимся вдали отъ него, всегда понимающимъ его обратно и á peu près...» (433). «Жизнь знаетъ конкретные законы о собственности, о различныхъ договорахъ, завѣщаніяхъ, семейныхъ отношеніяхъ и т. д. Она не знаетъ собственности вообще, внѣ времени,

мѣста и національности, не знаетъ и договора или семейныхъ отношеній in abstracto. Абстрактный языкъ необходимъ намъ въ мышленіи о конкретномъ, но понятія этого абстрактнаго языка живутъ въ иномъ мірѣ, чѣмъ конкретныя, опредѣленныя образованія дѣйствительности» (414). «Въ мірѣ практическихъ юридическихъ отношеній мы всегда имѣемъ дѣло съ конкретными образованіями, обусловленными временемъ, мѣстомъ и обстоятельствами» (416).

Это побуждаетъ автора неоднократно (стр. 416, 417, 451, 461, 463, passim) рекомендовать крайнюю осторожность при сравненіи понятій и институтовъ разныхъ народовъ и временъ.

«Употребляя *одно и то же* (какъ фонетическій препаратъ) *слово*, мы не должны забывать, что въ сущности мы имѣемъ дѣло съ различными понятіями и *различными словами*. Римскій, французскій, нѣмецкій и русскій юристъ говорятъ на *разныхъ* языкахъ, даже если бы они употребляли однозвучные термины (напр. proprietas). Языковѣдѣніе учитъ насъ, что, кромѣ открытаго, яснаго самому необразованному и недалекому человѣку, существуетъ *скрытое многомысліе*: вещи различныя по существу кажутся намъ одинаковыми, лишь благодаря единству слова. Собственность, das Eigentum, la propriété, dominium и т. д. имѣютъ, конечно, общіе элементы: они отчасти покрываютъ другъ друга, но это не мѣшаетъ имъ оставаться по существу *различными* понятіями. Кто, говоря о юридическихъ отношеніяхъ въ Германіи, пользуется русскимъ словомъ—собственность, тотъ не долженъ забывать, что въ этомъ случаѣ слово это покрываетъ собою понятіе по существу отличное отъ того, которое связывается съ тѣмъ же словомъ, употребленнымъ въ рѣчи о положеніи дѣлъ въ Россіи. Изъ одного и того же слова мы вычитываемъ различныя понятія, смотря по тому, объ отношеніи какого времени и народа говорятъ намъ» (417). «Значеніе слова, учитъ языковѣдѣніе, обнимаетъ не только опредѣленіе содержанія понятія (положимъ, собственности, какъ права владѣть, пользоваться и распоряжаться), но и знаніе того, какъ населеніемъ воспринимается это понятіе: какъ послѣднее дѣйствуетъ на него, т. е какія сопутствующія идеи и настроенія возбуждаютъ въ немъ, и какова его культурная, нравственная и соціальная цѣнность» (418).

Такая постановка вопроса приводитъ автора къ выводу, что «опредѣленія понятій, съ которыми мы встрѣчаемся въ

учебникахъ и ученыхъ трактатахъ цивилистовъ, не могутъ имѣть высокой научной цѣнности» (419) [1].

«Сколько бы словъ ни нагромождали мы въ цивилистическихъ опредѣленіяхъ, анализъ ихъ долженъ привести насъ къ заключенію, что для того, чтобы понимать право собственности по русскимъ законамъ, нужно знать *всѣ* русскіе законы, даже, повидимому, никакого отношенія не имѣющіе къ понятію собственности (положимъ, законы объ организаціи полиціи и слѣдственной власти), и *всю* русскую жизнь съ ея нравами, общественными и экономическими условіями, съ душевными особенностями ея населенія и т. д. То же самое слѣдуетъ сказать объ «Eigenthum, la propriété, the ownership и т. д.» (419) (ср. 461).

Въ отличіе отъ понятій естественныхъ наукъ, «слова—понятія въ юриспруденціи не возникаютъ такъ самостоятельно, они порождаются *исторіею* рѣчи—мышленія извѣстнаго народа и живутъ въ породившей ихъ средѣ, всегда сохраняя *особыя черты* націи и времени, создавшихъ ихъ» (461) [2].

Изъ этихъ выписокъ выясняется основная мысль автора. Основываясь на данныя «науки объ языкѣ», онъ настаиваетъ на томъ, что *неопредѣленность—господствующая черта слова*, это «неустранимое несовершенство юридическаго языка» (419). Только самообманъ или самовнушеніе могутъ заставить думать, будто опредѣленіе какого-либо понятія (напр. права соб-

---

[1]) Пользуясь примѣрами: рѣка («текущая»), быкъ («ревущій»), волкъ («рѣжущій»), медвѣдь («ѣдящій медъ»), авторъ (403, 411, 422, passim) доказываетъ, что «слова возникаютъ путемъ выбора изъ нѣсколькихъ элементовъ, входящихъ въ идею объ опредѣленномъ предметѣ, одного доминирующаго, привлекшаго особое вниманіе и имѣющаго особый интересъ для лингвистической группы признака» (403). Точно также и «термины цивилистики, какъ и вообще слова нашей рѣчи, заключаютъ въ себѣ, по ученію науки о языкѣ, гораздо больше, чѣмъ они выражаютъ» (422) «*Всѣхъ* признаковъ явленій мы никогда не обнимаетъ въ своихъ понятіяхъ. и въ ихъ опредѣленіяхъ» (422).

[2]) На стр. 433—436, 437, 438, 451 авторъ протестуетъ противъ «счета понятій» (Савиньи), вмѣстѣ съ Іерингомъ высмѣиваетъ понятіе, какъ «цивилистическій Homunculus» и говоритъ: «современная психологія, какъ и языковѣдѣніе, видитъ въ мышленіи постоянный процессъ, безпрерывное движеніе, гдѣ нѣтъ мѣста покою неподвижныхъ въ своей опредѣленности и точности «научныхъ понятій». Мысль есть постоянное измѣненіе, вѣчный потокъ» (436)... «Все течетъ!» (437).

ственности) вноситъ *опредѣленность*, ставитъ точныя границы и ясно указываетъ содержаніе этого понятія. Опредѣленіе передаетъ лишь въ бо́льшемъ количествѣ словъ мысль, заключенную въ опредѣляемомъ словѣ. Но сколько бы словъ ни употребляли мы для опредѣленія, смыслъ его всегда останется неопредѣленнымъ, и́бо каждое слово опредѣленія въ свою очередь *многомысленно* [1]).

Къ тому же самому вопросу подходитъ авторъ на другихъ страницахъ своего труда (см. стр. 440—451, 480, 489—490) и путемъ другихъ логическихъ пріемовъ. Поднимая старый вопросъ: какова простѣйшая форма мышленія? Что должны мы принять за отправный путь, соотвѣтствующій клѣточкѣ въ біологіи, или элементарному процессу въ психологіи? авторъ цитируетъ Creighton'a: простѣйшая форма акта мысли есть сужденіе, выражаемое при помощи *предложенія* (441). Ссылаясь на рядъ языковѣдовъ, авторъ настаиваетъ на томъ, что фраза или *предложеніе* есть начальный элементъ и дѣйствительная единица мышленія. «Есть языки, гдѣ выдѣленіе словъ—понятій въ нашемъ смыслѣ невозможно. И вообще сравнительное языковѣдѣніе поставило внѣ всякаго сомнѣнія, что *предложеніе предшествуетъ слову—понятію*, что понятіе—слово есть позднѣйшій продуктъ мышленія, выдѣлившійся изъ предложенія и сдѣлавшійся относительно самостоятельною частью его» (442).

Итакъ, «понятіе» не имѣетъ никакого значенія *внѣ серіи сужденій*, которыя оно представляетъ. По мѣрѣ созданія новыхъ сужденій природа понятія *постоянно мѣняется*. «Короче говоря, понятія не являются мертвыми *вещами*, а живыми мыслями, которыя находятся въ постоянномъ процессѣ развитія» (446). *Мы не можемъ мыслить термина, не мысля чего либо о немъ* (448).

Вотъ это положеніе языковѣдѣнія: «*предложеніе есть единица мышленія*» авторъ примѣняетъ къ юриспруденціи (стр. 449 сл.). «Независимаго характера научное понятіе не можетъ имѣть, такъ какъ всякое вообще «понятіе само по себѣ не можетъ быть представлено». Поэтому, *юридическими понятіями* самими по себѣ мы не можемъ *не только «считать»*, *но и вообще*

---

[1]) На стр. 428: «Неопредѣленность и многомысліе — не случайные факты въ человѣческомъ языкѣ, а его существенные и неизбѣжные признаки».

какъ либо ихъ мыслить «Мы обманываемъ сами себя, когда думаемъ, что, употребляя отдѣльно термины въ родѣ «государство», «законъ», «собственность», «договоръ», мы въ состояніи что-либо мыслить при этомъ, не прибавляя къ нимъ ничего. *Термины—понятія являются продуктами эволюціи, продуктами извѣстной стадіи развитія законодательства, они не могутъ имѣть абсолютнаго значенія: ихъ нужно толковать, принимая во вниманіе данную ступень развитія законодательства и ту среду, въ которой оно возникло и живетъ.* » (449). «Самые священные принципы гражданскаго законодательства («автономія личности», «свобода», «безопасность», «равномѣрность», «справедливость», «польза»...) должны непремѣнно пониматься и толковаться *сообразно обстоятельствамъ времени, степени культурности народа, особенностямъ его экономическаго развитія, нравственнымъ и метафизическимъ вѣрованіямъ и прочимъ элементамъ исторической общественно-политической жизни народа*» (450).

«Языковѣдѣніе вноситъ, такимъ образомъ, новое болѣе правильное и болѣе глубокое пониманіе всѣхъ терминовъ цивилистики» (451) [1]).

«Слова, значеніе которыхъ не можетъ быть усвоено, слова—трупы, не могутъ вести къ увеличенію знаній... Основой усвоенія преподаванія и развитія науки должно служить правильное, критическое отношеніе къ слову: въ немъ величіе и бѣдность человѣческаго знанія. Величіе, если знаніе словъ и фразъ, составляющихъ цивилистику, имѣетъ въ основѣ знаніе «реалій»; бѣдность, если не понятыя или дурно понятыя абстракціи (всѣ слова, какъ уже говорилось,—абстракціи) за-

---

[1]) На стр. 490 авторъ говоритъ: «Въ своихъ изслѣдованіяхъ юристъ беретъ обыкновенно то или иное отдѣльное слово («терминъ») и изъ него пытается различными манипуляціями извлечь необходимыя ему знанія, какъ солнечные лучи изъ огурца. Слово берется какъ что-то независимое, не обращая вниманіе на его исторію и происхожденіе на лонѣ фразы. Всей научной непозволительности этого пріема никто не только не замѣчаетъ, но и не подозрѣваетъ... Не смыслъ термина, какъ узлового пункта часто огромнаго ряда предложеній, опредѣляется изъ соотвѣтствующихъ нормъ, а нормы придумываются на основаніи вытянутаго на Прокрустовомъ ложѣ слова. По насмѣшливому выраженію Іеринга терминъ персонифицируется и одухотворяется, представляется въ видѣ какого то homunculus'a, который, сочетаясь съ другими, воспроизводитъ тѣ или иныя нормы».

соряютъ память цивилиста, увеличивая смуту и путаницу въ его головѣ» (481).

Итакъ, выводъ автора изъ этихъ разсужденій таковъ: *языковѣдѣніе предъявляетъ къ цивилистикѣ требованіе развитія сознательнаго, самостоятельнаго, критическаго и свободнаго мышленія.* Спасеніе не въ обиліи познавательнаго матеріала, а въ *хорошемъ его использованіи*: въ развитіи способности самостоятельнаго мышленія.

Посмотримъ теперь какіе практическіе выводы сдѣлалъ авторъ изъ этихъ разсужденій. На стр. 390—404, 483, 487—488, 493 авторъ подвергаетъ уничтожающей критикѣ понятіе «*права*», а на стр. 422—428, 454, 490 анализируетъ понятія *собственности* и *договора* для доказательства того, что эти понятія, имѣющія наибольшую цѣнность для цивилиста, требуютъ пересмотра съ точки зрѣнія новыхъ свѣдѣній о природѣ рѣчи—мышленія. Подобнаго же пересмотра—по его утвержденію—требуютъ и всѣ другія понятія цивилистики; но отъ этой работы авторъ отказывается, ибо эта работа «превышаетъ силы отдѣльнаго лица.

Обратимся теперь къ разсужденіямъ автора, примѣнительно къ каждому изъ указанныхъ выше понятій.

Авторъ возстаетъ съ большою рѣшительностью противъ самого понятія «*права*». Это понятіе, лежащее въ основѣ всей юриспруденціи (и не только—цивилистики!), онъ называетъ *переальнымъ*, *мифическимъ* (390).

«Нѣтъ особаго явленія «права» въ томъ смыслѣ, въ какомъ существуютъ такія особыя явленія, какъ «законъ», «государство», «правило» или «норма поведенія» и т. п. Не можетъ существовать, какъ особое явленіе, въ томъ же смыслѣ, «гражданское право» (въ «объективномъ смыслѣ», какъ говорятъ обыкновенно юристы, въ заблужденіи полагая, что пользуются научно-философскимъ языкомъ), не можетъ быть и «науки о гражданскомъ правѣ»,о какъ о несуществующемъ явленіи. Вся эта терминологія,—плодъ схоластики и рабства мышленія передъ дурно понятой грамматической категоріей субстантива въ группѣ индо-европейскихъ языковъ» (391).

Указавъ на значеніе метафоръ въ жизни языка и въ мышленіи («языкъ состоитъ изъ поблекшихъ метафоръ... Научное и ненаучное мышленіе развивалось метафорически», 392), авторъ заключаетъ, что и «право» понимается метафорически

(393). Это «породило и взглядъ, что цивилисты имѣютъ дѣло не съ гражданскими законами, а съ чѣмъ-то *болѣе высокимъ*: съ «правомъ», лежащимъ за спиною ихъ» (393).

Противъ этого воззрѣнія рѣшительно протестуетъ авторъ. «Если понятіе «закона» мы согласимся отнести въ міръ дѣйствительности, противъ чего никто ничего не возражалъ, то «право» вовсе не было создано языкомъ съ тою же, или даже высшею (какъ думаютъ юристы) цѣлью и съ тѣмъ же отношеніемъ къ міру дѣйствительности, что и слово «законъ». Это ...субсидіарное понятіе для выраженія нашихъ сужденій объ оцѣнкѣ дѣйствій людей: ихъ отношенія къ масштабу, называемому закономъ, правиломъ или нормой. «Право» такое же подсобное слово по значенію, какъ и тѣ части рѣчи, которыя мы называемъ предлогами» (397) [1]. «Слово «право» имѣетъ фрагментарный характеръ и требуетъ себѣ пополненія мыслью о той нормѣ (каковая можетъ быть легальною, можетъ быть и нравственною), объ отношеніи къ которой идетъ дѣло, и о томъ актѣ или состояніи, которое должно быть оцѣнено» (399).

Итакъ, авторъ отвергаетъ для цивилистики «фантастическій фундаментъ изъ мифическаго «права». Наука «о гражданскомъ правѣ», по его мнѣнію, есть наука о гражданскихъ *законахъ*. «Слово «право», созданное языкомъ для обозначенія коррелята обязанности и играющее, слѣдовательно, подчиненную роль въ мышленіи народа—юриста, возведено было на степень «особаго великаго явленія», стоящаго гдѣ-то высоко не то рядомъ съ понятіемъ «законъ», не то даже выше его (какъ «объективное право»). Вѣра, основанная только на томъ, что грамматически «право» принадлежитъ къ той же категоріи, что и законъ, государство и многіе другіе термины» (487). «Особое великое явленіе, состоящее наряду съ закономъ или выше его, *выдумано* людьми, не умѣвшими критически отнестись къ роли слова «право» въ языкѣ» (488).

Авторъ неоднократно въ своей книгѣ (398, 404, 410, 418,

---

[1]) Ниже (на стр. 397) авторъ поясняетъ: «право» создано языкомъ, что бы играть туже роль, что *подъ* и *надъ*, *справа* и *слѣва* и имъ аналогичныя слова въ индо-европейскихъ языкахъ. Оно означаетъ, что, оцѣнивая какое-либо дѣйствіе или состояніе лица, мы находимъ его согласнымъ закону, правилу или нормѣ поведенія. «Имѣетъ право», кто имѣетъ законъ на своей сторонѣ; «не имѣетъ права» тотъ, кто дѣйствуетъ не согласно съ закономъ (ср. еще стр. 399).

468, 473, 479) возвращается къ этому «мифическому понятію» *права*, чтобы показать весь государственно-соціальный вредъ, приносимый вѣрой въ эту «фантастическую предпосылку». «Какихъ только притязаній нельзя оправдать ссылкой на Право, которое не есть ни законъ, ни справедливость, а одновременно то и другое и ничего изъ обоихъ» (404). «И «наука», выдвигающая смутное Право въ качествѣ основного понятія цивилистики, *дѣйствуетъ въ пользу революціонныхъ силъ*, а не въ пользу порядка и нуждающагося въ немъ прогресса народной жизни... Стремленіе захватить чужую собственность, такъ ярко проявившееся въ аграрномъ движеніи 1905—1907 г.г., можно поддерживать соображеніями съ точки зрѣнія смутнаго «права», но не съ точки зрѣнія яснаго закона» (410). [На стр 418, прим. 1, авторъ снова ставитъ въ связь «ограбное» движеніе съ «верхоглядствомъ» русскихъ «дѣятелей» изъ юристовъ].

На стр. 468, 473 и 479 авторъ важнѣйшею и коренною причиною смуты 1904—1906 г.г. выставляетъ «заносъ на нашу почву дурно понятыхъ идей изъ иной юридической и политической жизни, а въ этомъ дурномъ усвоеніи чужихъ идей болѣе всего виноваты были юристы, воспитанные *на фразѣ*» [1]).

На стр. 422—428 авторъ даетъ намъ критику традиціонныхъ взглядовъ на понятія *собственность* и *договоръ*. По его утвержденію, «не смотря на древность этихъ понятій и на массу труда, истраченнаго цивилистами на опредѣленіе ихъ, они не выдерживаютъ критики современнаго языковѣдѣнія (422—423).

И коренная ошибка въ этихъ обычныхъ опредѣленіяхъ та, что элементъ участія или содѣйствія государственной власти въ созданіи этихъ понятій обычно не указывается. Юристы видятъ въ *правѣ собственности* фактъ, существующій

---

[1]) На стр. 398: «Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ вопросахъ философско-юридическаго характера, поднимаемыхъ, напр., во время общественныхъ кризисовъ, юристы не стоятъ выше толпы, равно какъ и то, что подъ флагомъ мифическаго «права» можно проводить любыя (не исключая самыхъ нелѣпыхъ) требованія къ законодательству». На стр. 404: ...«Эта фантастическая предпосылка или отправная гипотеза науки не даетъ изучающему возможности здраво смотрѣть на явленія общественной и государственной жизни: понимать прошлое и разбираться въ настоящемъ, какъ только возникаютъ вопросы, лежащіе за предѣлами практическихъ будничныхъ интересовъ».

независимо отъ закона и имъ только признаваемый и ограничиваемый [1]). «Такой взглядъ неправиленъ по существу: право—относительное понятіе, которое требуетъ существованія закона, безъ него не можетъ возникнуть и не имѣетъ смысла» (424).

Еще хуже обстоитъ дѣло съ опредѣленіемъ *«договора»* (425). Обычное опредѣленіе, повторяющее старое римское «duorum pluriumve in idem placitum consensus», не схватываетъ важнаго для понятія цивилистическаго договора: упускается изъ виду творческая роль *закона* въ созданіи понятія договора. «Самъ по себѣ договоръ, какъ простой consensus, не можетъ создать легальныхъ правъ и обязанностей»—безъ содѣйствія *закона* (426).

Такимъ образомъ, авторъ приходитъ къ выводу (427, 428, 490), что «вся цивилистика имѣетъ дѣло съ легальными понятіями, т. е. съ такими, *существеннымъ* признакомъ которыхъ является юридическій (легальный) элементъ». «*Въ понятіяхъ юридическихъ элементъ участія закона не можетъ быть выдѣленъ безъ вреда для правильнаго мышленія, правильной ориентировки въ явленіяхъ, правильной оцѣнки ихъ и правильной дѣятельности*» (428).

Данныя языковѣдѣнія приводятъ автора и къ пессимистическому воззрѣнію на *изученіе иностранныхъ законодательствъ* (стр. 392, 396, 417, 454—468). «Языковѣдѣніе учитъ, что представленіе объ иноземномъ законодательствѣ (въ его реальномъ значеніи) мы пріобрѣтаемъ главнымъ образомъ при помощи языка. Но законодательство каждаго народа и эпохи представляетъ нѣчто индивидуальное, а языкъ не годенъ для познанія индивидуальнаго. Поэтому картина иноземной юридической жизни по условіямъ развитія нашего знанія необходимо является въ значительной долѣ продуктомъ конструктивнаго воображенія» (454).

«Языковѣдѣніе учитъ насъ, что изученіе чужихъ законодательствъ можетъ имѣть только относительную или *условную*

---

[1]) На стр. 423—424 авторъ приводитъ опредѣленіе понятія права собственности *Randa*. Хотя этотъ ученый и выдвигаетъ на первое мѣсто—*законъ*, но и онъ говоритъ, что объемъ заключающейся въ правѣ собственности власти «принимаетъ свои *естественныя* границы тотчасъ же, какъ прекратилось правовое давленіе, вызвавшее ограниченіе». «Значитъ—восклицаетъ В. Д. Катковъ—право собственности есть фактъ, существующій самъ по себѣ и имѣющій свои «естественныя» границы, которыя подвергаются давленію ограничивающаго это право закона».

цѣнность. Оно открыло намъ одну необыкновенно важную черту нашего мышленія: его *національный* характеръ. Разъ мышленіе тѣснѣйшимъ образомъ связано съ языкомъ, оно необходимо должно быть національнымъ, ибо дѣйствительность знаетъ не языкъ in abstracto, а языки» (455). «Понятія, которыми оперируетъ римскій, французскій, нѣмецкій или англійскій юристъ или законодатель не могутъ быть *тожественными* съ тѣми, которыя существуютъ въ языкѣ и мышленіи юриста или законодателя русскаго» (455). Посему, *пользованіе научною мыслью чужого народа* становится *затруднительнымъ и опаснымъ*. «Всѣ мы плохо знаемъ свой собственный языкъ и еще хуже знаемъ языки иныхъ народовъ... Обыкновенно мы безсознательно въ иностранные термины вкладываемъ *наше національное содержаніе* и извращаемъ мысль автора—иностранца или законодателя—иностранца, подобно тому какъ въ слова village или Dorf вносимъ представленія о русской деревнѣ» (463) [1]).

Соотвѣтственно этому, авторъ на различныхъ страницахъ своего труда (392, 396, 417, 451, 456, 461, 463—466, 475), утверждаетъ, что «единственную вещь, которую мы сколько-нибудь знаемъ, это—*насъ самихъ*». «Все остальное мы знаемъ *черезъ насъ самихъ* и *по аналогіи* съ нами. Въ *переносѣ* знанія о насъ самихъ и о томъ, что ближайшимъ образомъ окружаетъ насъ, на внѣшній міръ и на то, что дальше отъ насъ, и заключается сущность познаванія» (465). «О другихъ народахъ мы знаемъ только *по аналогіи* съ тѣмъ, что мы знаемъ *о себѣ и своемъ*» (465) [1]). «Мы, русскіе, можемъ понимать римскаго

---

[1]) На стр. 464—465: «Если знаніе своего обыкновенно у людей недостаточно, то знаніе чужого по большей части жалко и даже смѣшно въ силу различія исторіи народа, его психологіи, воспитанія, стремленій, міросозерцанія, привычекъ мышленія и т. д. Знать, что такое dominium у римлянъ, не значитъ знать только то, что оно à peu près соотвѣтствуетъ русскому собственность и слагалось изъ такихъ то и такихъ составныхъ частей, ближайше опредѣляемыхъ такими-то и такими нормами, но значитъ знать одновременно мѣсто, какое это понятіе занимало у римлянъ среди другихъ понятій общественной, государственной и религіозно-нравственной жизни, равно какъ и то, какъ оно отражалось на ихъ практической дѣятельности, т. е. насколько вліяло оно на ихъ волю и чувства».

[1]) На стр. 466: «Понятія, выросшія на почвѣ чужой національной жизни, воспринимаемыя нами путемъ словъ языка, не могутъ имѣть научной цѣны понятій опытнаго знанія, ибо создаются они независимо отъ соотвѣтствующихъ переживаній и воззрѣній (Anschauungen) путемъ *пере-*

или англійскаго юриста лишь по аналогіи съ тѣмъ, что знаемъ, пережили, видѣли и имѣемъ сами, т. е. всегда только кое-какъ, à peu près, примѣшивая то, что чуждо мысли иноземнаго юриста, и не схватывая того, что составляетъ національную особенность его идей» (467).

Въ заключеніе, авторъ призываетъ современныхъ юристовъ усвоить *духъ* римскихъ юристовъ. «Духъ же этотъ—въ *творчествѣ* римскихъ юристовъ. Римскіе юристы не переписывали какихъ-либо образцовъ, въ ихъ время и не существовавшихъ, а создавали юриспруденцію самостоятельнымъ мышленіемъ. Современные же «романисты» дѣйствуютъ какъ разъ наоборотъ, воспитывая способности воспріятія уже готоваго и не развивая способностей творческихъ» (468).

II.

Уже приведенныхъ выше выписокъ достаточно, что бы уяснить себѣ основную мысль автора. Эта послѣдняя опредѣляется задачей автора: забить осиновый колъ въ современную юриспруденцію. Ибо, разъ цивилисты, какъ и вообще юристы, вводятъ въ науку «мифологическія понятія» (стр. 494)—вродѣ «*права*», «*законовъ развитія*» и т. д.,—настоящая наука замѣняется фальсификаціей, гдѣ изученіе явленій реальнаго міра уступаетъ мѣсто «жонглированію словами, истинный смыслъ которыхъ не улавливается самимъ жонглеромъ» (494).

И вотъ въ настоящее время, когда вся современная философія права такъ единодушно ищетъ новыхъ путей къ возрожденію естественнаго права, «Право»—этотъ неугасающій свѣточъ для преходящаго и несовершеннаго положительнаго права,—объявляется В. Д. Катковымъ какою то помѣсью «взаимно другъ друга исключающихъ представленій (закона и справедливости» (412), «отраженіемъ анархіи въ духовной жизни людей» (408), понятіемъ, сочиненнымъ въ угоду вожделѣній толпы (409)!! И все это доказывается изъ «данныхъ языковѣдѣнія»! Какъ будто нѣтъ, кромѣ языковѣдѣнія,—*исторіи*, которая также учитъ насъ многому и совершенно иному! Она учитъ, что во всѣ времена въ правовомъ сознаніи всѣхъ народовъ живучи были опредѣленные *идеалы правды*, которые

носа въ слова представленій и понятій изъ нашей собственной жизни, всегда не тожественной съ чужою».

направляли и «нравственно санкціонировали» (Сократъ) право положительное.

Въ общемъ, не смотря на самоувѣренный, побѣдоносный тонъ изложенія, аргументы автора неубѣдительны, а выводы далеко не опредѣленны. Авторъ отвергаетъ реальность отвлеченнаго «права» и признаетъ реальность только *законовъ*. [«Законъ» имъ понимается въ широкомъ смыслѣ, какъ всякая норма поведенія, охраняемая государственной властью, стр. 401, 404]. Но въ то же время авторъ (419, 449) настаиваетъ на томъ, что «для того, чтобы понимать право собственности по русскимъ законамъ, нужно знать *всѣ* русскіе законы,... и *всю* русскую жизнь съ ея нравами, общественными и экономическими условіями, съ душевными особенностями ея населенія и т. д.». «Самые священные принципы гражданскаго законодательства... должны непремѣнно пониматься и толковаться *сообразно обстоятельствамъ времени, степени культурности народа, особенностямъ его экономическаго развитія, нравственнымъ и метафизическимъ вѣрованіямъ и прочимъ элементамъ исторической общественно-политической жизни народа*» (450).

Но гдѣ же послѣдовательность?! На стр. 412 (passim) онъ отвергаетъ «право», ибо въ этомъ словѣ «скованы два представленія (закона и справедливости), часто взаимно другъ друга исключающія». Авторъ высмѣиваетъ «законы развитія права», приглашаетъ имѣть дѣло только съ «реаліями».... А теперь (419, 450) онъ включаетъ въ опредѣленіе понятія того или иного права (напр. собственности) не только познаніе *законовъ*, но и—ряда смутныхъ, неустойчивыхъ и во всякомъ случаѣ эволюціонирующихъ факторовъ, какъ то—нравы, общественныя и экономическія условія, душевныя особенности населенія и проч.

Ту же неопредѣленность мы находимъ въ разсужденіяхъ автора объ образованіи *понятій*. Съ одной стороны, онъ утверждаетъ, что теоретическое опредѣленіе границъ понятій гражданскаго законодательства есть, по ученію языковѣдѣнія,— *«невыполнимая задача»* (419). Однако, онъ же признаетъ справедливымъ мнѣніе, что «только переработавъ законодательство («право») въ научную систему понятій, юристъ получаетъ возможность правильно толковать и примѣнять отдѣльныя его нормы» (433). «Цивилистика, какъ и юриспруденція вообще, всегда была и всегда будетъ наукой понятій (Begriffsjurispru-

deuz). Роль понятій въ столь практической наукѣ, какъ цивилистика, имѣющая предметомъ ближайшіе бытовые и экономическіе интересы людей, необычайно важна» (485).

Ту же расплывчатость мнѣнія мы должны отмѣтить и касательно вопроса объ изученіи *иностраннаго права*. Съ одной стороны, пользованіе научной мыслью чужого народа «опасно» (463, 466), ибо истинное пониманіе чужого права исключено: изученіе иностраннаго права даетъ «фантастическую картину» (464). Съ другой стороны, авторъ признаетъ «желѣзную необходимость» изучать законы чужихъ странъ (417) и рекомендуетъ даже изучать творенія римскихъ юристовъ для познанія ихъ «духа» (467). «Знаніе римскаго, греческаго, индійскаго, китайскаго, японскаго англійскаго и прочихъ законодательствъ необходимо серьезно образованному юристу» (481).

Также звучитъ противорѣчиво и горячій призывъ автора (VI, VII, 454, 467, 468, 470, 472—474) унаслѣдовать «*творческій духъ*», «*творческіе пріемы*» римскихъ юристовъ. «Наибольшую цѣнность въ римской юриспруденціи представляютъ не *результаты*, достигнутые ею,... а *путь*, по которому шла она въ своемъ развитіи, т. е. ея методъ» (473). Но, вѣдь, «римская юриспруденція—плодъ творческой переработки доступняго юристамъ того времени фактическаго матеріала нормъ на фундаментѣ современной общей научной и философской подготовки» (VIII). И для того, чтобы намъ познать технику оперированія этимъ матеріаломъ, мы, конечно, должны познать, съ одной стороны, этотъ *матеріалъ*, и, съ другой стороны, усвоить себѣ *результаты* умственной работы римскихъ юристовъ. А это то, съ точки зрѣнія общихъ воззрѣній автора, *невозможно!* Ибо сокровища римскаго генія воплощены въ... «*слова*», а слово для насъ непонятно!...

Совершенно непостижимымъ противорѣчіемъ кажется намъ и протестъ, съ одной стороны, автора противъ *метафизики*, и призывъ его къ изученію «*реалій*», а, съ другой стороны, утвержденіе того же автора (450), что «самые священные принципы гражданскаго законодательства должны непремѣнно пониматься и толковаться сообразно... *метафизическимъ вѣрованіямъ*... народа».

Сама логическая аргументація автора во всей его книгѣ не отличается своею убѣдительностью.

Авторъ (449, 452) настаиваетъ на томъ, что «общее

языковѣдѣніе, уяснивъ намъ связь мышленія съ языкомъ и національный характеръ его, подчеркнуло связь нашихъ понятій и формулъ въ области юриспруденціи съ *національными особенностями* юридической жизни». Языковѣдѣніе учитъ, что «единицей мышленія является предложеніе», а потому терминъ, какъ слово,—пустая абстракція. А потому, термины—понятія имѣютъ смыслъ лишь въ связи съ той средой, въ которой они возникли и живутъ. [Отсюда усиленное подчеркиваніе національности законодательства!]

Но изъ разсужденій автора (440—450) о данныхъ науки языковѣдѣнія можно вывести—самое большее—заключеніе развѣ о томъ, что терминъ-понятіе не можетъ имѣть самостоятельнаго значенія («не можетъ быть представлено») внѣ связи его съ *законодательными текстами*, относящимся къ нему. Напр. понятія «договоръ», «собственность» суть голыя ничего не говорящія абстракціи, если мы не вольемъ въ нихъ положительнаго (изъ закона) содержанія.

Но отсюда выводить о *національности* самого законодательства—совершенно произвольно. Вѣдь, законодательство обязано не языковѣдѣнію, а историческимъ, экономическимъ и культурнымъ, общественнымъ причинамъ, и эволюціонируетъ совершенно *независимо отъ языка* [1]).

Точно также національность законодательства нельзя выводить изъ того закона лингвистики (454, 455), что невозможно дать *опредѣленія* понятія, ибо «все сводится къ постановкѣ одного слова вмѣсто другого..., и такъ какъ всѣ слова двусмысленны и многомысленны, то всякія опредѣленія никогда не могутъ замѣнить всесторонняго изученія института». Стр. 461: «Вырванное изъ того цѣлаго, среди котораго оно возникло и жило, римское dominium или proprietas, contractus, testamentum, familia, конечно, имѣетъ общее значеніе и настолько общее, что, въ этомъ искусственномъ обособленіи, можетъ считаться равнозначущимъ русскимъ словамъ—понятіямъ: собственность, договоръ, завѣщаніе, семья. Но слова—понятія не возникаютъ такъ самостоятельно, они порождаются *исторіей* рѣчи—мыш-

---

[1]) И самъ авторъ на стр. 452, упрекая современныхъ юристовъ въ увлеченіи римскимъ правомъ, говоритъ: «національный отпечатокъ юридическихъ идей и формулъ каждой страны стирался въ мертвыхъ словесныхъ оболочкахъ его».

ленія извѣстнаго народа и живутъ въ породившей ихъ средѣ, всегда сохраняя *особыя черты* націи и времени создавшихъ ихъ».

Напрашивается возраженіе! Конечно, «слова—понятія» суть продуктъ «рѣчи—мышленія». Но институты права (dominium, testamentum и пр.) суть «порожденіе» не «исторіи рѣчи—мышленія», а болѣе глубокихъ соціальныхъ и экономическихъ причинъ! И если есть настойчиво подчеркиваемая авторомъ связь между понятіемъ и рѣчью, то надо удивляться, какъ эта связь незначительна и блѣдна. Авторъ приводитъ термины: contractus, testamentum, familia. Эти термины не носятъ на себя слѣдовъ ни эпохи, ни націи ихъ создавшихъ! И теперь мы—юристы XX в.—говоримъ о «контрактѣ», «тестаментѣ», «фамиліи», хотя вливаетъ въ эти термины другое содержаніе, чѣмъ то, что вливалось XX вѣковъ тому назадъ... При чемъ же тутъ «*національный* характеръ», какъ «неизбѣжная черта терминовъ—понятій юриспруденціи» (462)? [1]). Мы возвращаемся просто къ давно доказанному—и не данными лингвистики—положенію объ условности, относительности, временности человѣческихъ учрежденій!

Далѣе. Мы видѣли выше (I), что положеніе: «мы не можетъ мыслить термина (напр. желѣзо), не мысля чего-либо о немъ, (—«единицей мышленія является предложеніе, слово отдѣльно взятое не можетъ имѣть полнаго смысла»),—авторъ (449—450) переноситъ въ область цивилистики. Но здѣсь авторъ попадаетъ на другіе рельсы, и изъ указаннаго положенія дѣлаетъ выводъ, что всѣ термины цивилистики должны толковаться въ связи со всѣми... «элементами исторической общественно-политической жизни народа».

Но, ясно, что зависимость понятій—терминовъ отъ серіи тѣхъ *предложеній*, изъ которыхъ они образуются, не есть зависимость юридическихъ институтовъ отъ «*обстоятельствъ вре-*

---

[1]) Если бы рѣчь—мышленіе было безусловно національно, то таковая черта была бы присуща всякой рѣчи—мышленію, напр. и въ *естественныхъ наукахъ*. А между тѣмъ,—...«въ естественныхъ наукахъ значеніе терминовъ—понятій приноравливается къ тѣмъ научнымъ образованіямъ, которыя получаются нами путемъ анализа фактовъ внѣшняго міра, изъ коихъ *исключено* все индивидуальное и однократное. Термины эти обладаютъ дѣйствительною общностью и не связаны съ какими либо національными чертами»...

мени, степени культурности народа, особенностей его экономическаго развитія, нравственныхъ и метафизическихъ вѣрованій». Изъ перваго наблюденія нельзя логически перейти къ заключенію о второмъ наблюденіи. И для того, чтобы доказать національность, относительность и временность содержанія понятія, напр. права собственности, вовсе не надо прибѣгать къ языковѣдѣнію—Есть для этого болѣе надежные пути! Это не—«сравнительное *языковѣдѣніе*», а—«сравнительное *законовѣдѣніе*». и что бы лучше доказать безплодность логическихъ выкладокъ автора, обратимъ вниманіе на то, что, если бы даже (въ гипотезѣ) указанныя данныя языковѣдѣнія (т. е. тотъ фактъ, что слово—образованіе позднѣйшаго происхожденія сравнительно съ фразою) оказались отвергнутыми, то утвержденіе о національности и преходящей природѣ *правовыхъ* понятій все же было бы непоколебленнымъ и оставалось бы вѣрнымъ! значитъ выводы касательно цивилистики основываются не на данныхъ языковѣдѣнія, а на данныхъ науки всеобщей исторіи права.

Поэтому, нельзя утверждать, что «*языковѣдѣніе вноситъ новое болѣе правильное и болѣе глубокое пониманіе всѣхъ терминовъ цивилистики*» (451). Такое утвержденіе, повидимому и не точно выражаетъ мысль автора, если оно хочетъ лишь сказать, что языковѣдѣніе *указываетъ* намъ на несовершенство терминовъ, какъ орудій слова, не могущихъ охватить все богатство выражаемыхъ ими понятій [1]). Указанный выводъ автора, какъ будто вытекающій изъ его разсужденій, на самомъ дѣлѣ противорѣчитъ имъ, ибо термины, по основному тезису автора,—сами по себѣ суть «слова—трупы» (481), и, конечно, воскресить ихъ—не въ силахъ языковѣдѣнія.

Итакъ, изъ тѣхъ данныхъ языковѣдѣнія, которыя привелъ авторъ, можно было бы заключить, примѣнительно къ цивилистикѣ, развѣ только то, что терминъ—понятіе можетъ имѣть смыслъ не самъ по себѣ, а въ связи съ цѣлымъ *предложеніемъ* закона. Къ этой мысли приближается авторъ на стр. 490, говоря о терминѣ, какъ «узловомъ пунктѣ» огром-

---

[1]) Болѣе точно на стр. 480, 481: «Языковѣдѣніе предъявляетъ къ цивилистикѣ требованіе развитія *сознательнаго, самостоятельнаго, критическаго и*, въ хорошемъ смыслѣ, *свободнаго* мышленія»... «Основою усвоенія, преподаванія и развитія науки должно служить правильное, критическое отношеніе къ слову»...

ного ряда предложеній. Но гдѣ же мостъ между этимъ положеніемъ и тѣми утвержденіями, которыя авторъ дѣлаетъ на стр. 450—451?!

На стр. 390--403 авторъ отрицаетъ реальность «*права*, въ качествѣ яко бы особаго явленія» и утверждаетъ, что такая терминологія есть выдумка, «породившая много нелѣпостей» (412), могущая «вести иногда къ весьма *пагубнымъ послѣдствіямъ* для знанія» (стр. 402) [1]), которая «всегда будетъ направлять мысль на ложную дорогу» (стр. 407), и «есть цѣлое *государственное бѣдствіе*» (408). На стр. 422—425 авторъ настаиваетъ на томъ, что современная наука права разсматриваетъ *право собственности*, какъ фактъ, существующій самъ по себѣ и имѣющій свои «естественныя» границы, которыя подвергаются давленію ограничивающаго это право закона. На самомъ же дѣлѣ, право есть порожденіе *закона* не существуетъ до закона. Но, признавая даже правильность разсужденій автора, позволительно спросить: оказало ли въ исторіи человѣчества какое-либо вліяніе на юриспруденцію такое неправильное логическое построеніе господствующей науки? Изданіе законовъ о защитныхъ лѣсахъ, водные законы, даже отмѣна крѣпостного права и пр. и пр.,—все это всегда принималось населеніемъ и заинтересованными кругами безропотно, отнюдь не какъ нарушеніе «естественныхъ границъ» правъ собственности. Исторія не дала намъ примѣра, когда юриспруденція была реформирована неправильнымъ опредѣленіемъ понятія.

Красочно описываетъ авторъ (на стр. 408 сл.), что только *законъ*, а не мифическое «право» можетъ дать надежный устой для гражданской жизни народа. А возведеніе «права» на степень «особаго общественнаго явленія» «откроетъ двери для силъ, стремящихся нарушить установленный складъ имущественныхъ отношеній» (409), ибо толпа будетъ вносить въ право свои вожделѣнія, не согласованныя съ закономъ. Но авторъ и не пытается доказать, что изъ неправильной терми-

---

[1]) На стр. 410 авторъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что «Касс. Сенату приходится время отъ времени напоминать о недозволительности руководиться соображенія, почерпнутыми въ «*теоріи права*».—Но этотъ прозрачный намекъ на К. Р. 1891/62 неудаченъ, ибо это К. Р. единично и стоитъ особнякомъ, высмѣянное въ литературѣ и опровергнутое уже въ О. С. 1892/35 и всей послѣдующей судебной практикой!

нологіи въ исторіи человѣческой культуры произошли какія-нибудь «вредныя послѣдствія». Приписывать же «смуту въ жизни страны» неправильной терминологіи по меньшей мѣрѣ наивно. И смуты и революціи обязаны накапливающимся историческимъ причинамъ, давно выясненнымъ историками: они обязаны тому, что государственныя формы не измѣняются въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ экономическихъ и иныхъ общественныхъ отношеній и вновь усилившіеся общественные классы не пользуются правами, соотвѣтственными ихъ положенію. Конечно, лозунгомъ общественнаго движенія можетъ быть и противное г. Каткову слово «Право», въ смыслѣ идеи равенства всѣхъ передъ закономъ и свободы,—въ предѣлахъ не-отжившаго закона, а соотвѣтственно нуждамъ здраваго общежитія. Но для г. Каткова это—«фразы», не связанныя съ закономъ, а потому не носящія въ себѣ «опредѣленной идеи»! (стр. 398, прим. 1).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что г. Катковъ приписываетъ терминологіи ту историческую роль, которой она не имѣетъ. Отсюда—и рядъ дальнѣйшихъ недоумѣній.

Въ *словѣ*—утверждаетъ авторъ—лежатъ болѣе глубокія вещи, чѣмъ знаютъ лица его произносящія. Даже въ вульгарномъ языкѣ простолюдина скрыты богатства, о коихъ онъ и не подозрѣваетъ.

Съ этимъ, конечно, надо согласиться. Но развѣ можно дѣлать отсюда выводъ, что только говорящій на родномъ языкѣ способенъ обнять содержаніе и смыслъ произносимыхъ словъ? Утверждать это было бы не лучше утвержденія, что русскій не способенъ различать формы и красоты цвѣтовъ, растущихъ на Альпахъ, только потому, что онъ не каждый день топчетъ ихъ своими ногами! Странно, поэтому, утвержденіе автора (469 сл.), что мы не можемъ познать иноземнаго права, вслѣдствіе ...«*недостаточнаго знанія иностраннаго языка*». На самомъ дѣлѣ, если нѣмецъ, воспитанный на *BGB.* и въ нѣмецкой средѣ, связываетъ себѣ другія представляенія со словомъ «Eigentum» (вспоминая, напр., §§ 826, 1004 и др. § BGB.), чѣмъ русскій юристъ, произносящій это слово,—то это не потому, что русскій юристъ «не понимаетъ» точно нѣмецкаго языка или «не переживаетъ» національныхъ воззрѣній нѣмца, а потому, что онъ просто не знаетъ соотвѣтствующихъ законовъ; а если онъ знаетъ всѣ относящіяся сюда статьи закона, онъ будетъ имѣть

объ «Eigentum» тоже представленіе, какъ и нѣмецкій юристъ!

И не думаемъ, чтобы г. Катковъ серьезно сталъ бы настаивать на недоступности для русскаго юриста изученія иностраннаго права. Это утвержденіе ему нужно, чтобы подчеркнуть *національность* своего права, и опасность рецепціи иноземныхъ «либеральныхъ учрежденій» (450). В. Катковъ, какъ мы видимъ, упорно не хочетъ знать другого царя, кромѣ Кесаря. Идеалы правды суть порожденіе мятежнаго духа толпы, «inanis philosophia»...

Заканчиваемъ нашу замѣтку пожеланіемъ, чтобы мысли автора не заронили въ сердцахъ молодежи (для г.г. студентовъ книга болѣе доступна по цѣнѣ: 1 р. 90 коп.) зерна невѣрія. Только вѣрой въ «Право» и въ его торжество и живемъ мы, безъ нея было бы тошно жить на землѣ...

Т. М. Яблочковъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

Юридическія Записки,

ИЗДАВАЕМЫЯ

Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ

подъ редакціей: Б. А. Кистяковскаго, А. Р. Свирщевскаго, Л. С. Таля, В. Н. Ширяева

въ количествѣ четырехъ выпусковъ (въ мартѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ) по 10 печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Въ Юридическихъ Запискахъ помѣщаются: 1) оригинальныя статьи по юридическимъ и экономическимъ наукамъ; 2) обозрѣніе наиболѣе важныхъ статей въ иностранныхъ юридическихъ и экономическихъ журналахъ; 3) хроника законодательная и судебная; 4) смѣсь; 5) критика и проч.

За 1908—13 г.г. въ Юридическихъ Запискахъ были помѣщены статьи:

А. А. Алексѣева, А. С. Алексѣева, В. И. Веневитинова, М. И. Боголѣпова, А. И. Бѣликова, А. М. Винавера, А. Э. Вормса, А. К. Вульферта, П. В. Гидулянова, И. И. Голубева, І. М. Гольдштейна, В. Горы, А. И. Зака, Е. П. Ефимова, А. А. Жижиленко, Яр. Каллаба, Б. А. Кистяковскаго, бар. С. А. Корфа, А. М. Кулишера, П. Кравцова, С. Левина, Ѳ. И. Леонтовича, П. И. Люблинскаго, П. Е. Михайлова, С. А. Муромцева, В. П. Мышцына, Я. Натансона, Ф. К. Нейбеккера, П. Б. Новицкаго, Р. М. Орженцкаго, Н. П. Паліенко, М. Я. Пергамента, С. Первушина, П. А. Покровскаго, С. П. Покровскаго, С. Е. Сабинина, А. Р. Свирщевскаго, В. В. Святловскаго, Е. В. Спекторскаго, М. П. Соболева, В. В. Сокольскаго, П. К. Сухоплюева, Ѳ. В. Тарановскаго, Г. Г. Тельберга, Е. П. Темниковскаго, М. И. Туганъ-Барановскаго, Г. С. Фельдштейна, В. П. Фрезе, бар. А. Л. Фрейтагъ-Лорингговена, Н. Н. Шапошникова, В. Н. Ширяева, С. А. Шумакова, Т. М. Яблочкова.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1914 годъ

съ доставкой и пересылкой **4 рубля.**

Цѣна отдѣльнаго выпуска Юридическихъ Записокъ **1 р. 35 к.** двойного—**2 р. 70 к.**

Подписная плата адресуется въ г. Ярославль, зданіе Демидовскаго Юридическаго Лицея, редакціи Юридическихъ Записокъ. Отдѣльные выпуски продаются тамъ же, а также въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Кіева и др.

Принимается подписка на 1914 годъ.

НА ЖУРНАЛЪ

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ

(Восьмой годъ изданія).

Подписной годъ начинается 1-го января и заканчивается 31-го декабря 1914 г. Юридическая Библіографія въ восьмомъ году своего изданія будетъ выходить попрежнему пять разъ въ годъ въ двухмѣсячные промежутки, за исключеніемъ лѣтняго каникулярнаго времени, въ объемѣ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ для каждаго выпуска. Подписная цѣна въ годъ съ пересылкою и доставкою 2 руб. Подписчики, внесшіе подписную плату за 1913—14 годъ (съ 1 іюня 1913 г. по 31 мая 1914 г.) и желающіе получать Юридическую Библіографію до конца 1914 года, доплачиваютъ за время съ 1 іюня по 31 декабря 1915 г. 1 руб. 20 коп. Отдѣльные выпуски Юридической Библіографіи продаются по 40 коп., двойные по 80 коп.

Подписка на Юридическую Библіографію принимается: въ г. Ярославлѣ въ конторѣ редакціи Юридической Библіографіи. Всегда имѣются на складѣ отдѣльные выпуски Юридической Библіографіи, какъ вновь выходящіе, такъ и за старые годы въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ „Правовѣдѣніе“ (Никольская, д. № 9) и въ книжномъ магазинѣ товарищества „Н. П. Карбасниковъ“ (Моховая, д. № 24, противъ университета) и въ Петербургѣ—въ юридическомъ книжномъ складѣ „Право“ (Литейный пр., 28).

Программа Юридической Библіографіи: 1) отзывы о вновь выходящихъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ по юридическимъ наукамъ, по политической экономіи, статистикѣ и соціологіи, 2) критическіе обзоры литературы по извѣстной наукѣ или ея отдѣлу или частному вопросу, 3) перечень вновь выходящихъ по юриспруденціи и по политико-экономическимъ наукамъ книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей, 4) академическая лѣтопись, гдѣ помѣщаются свѣдѣнія объ академической жизни и некрологи выдающихся ученыхъ юристовъ.

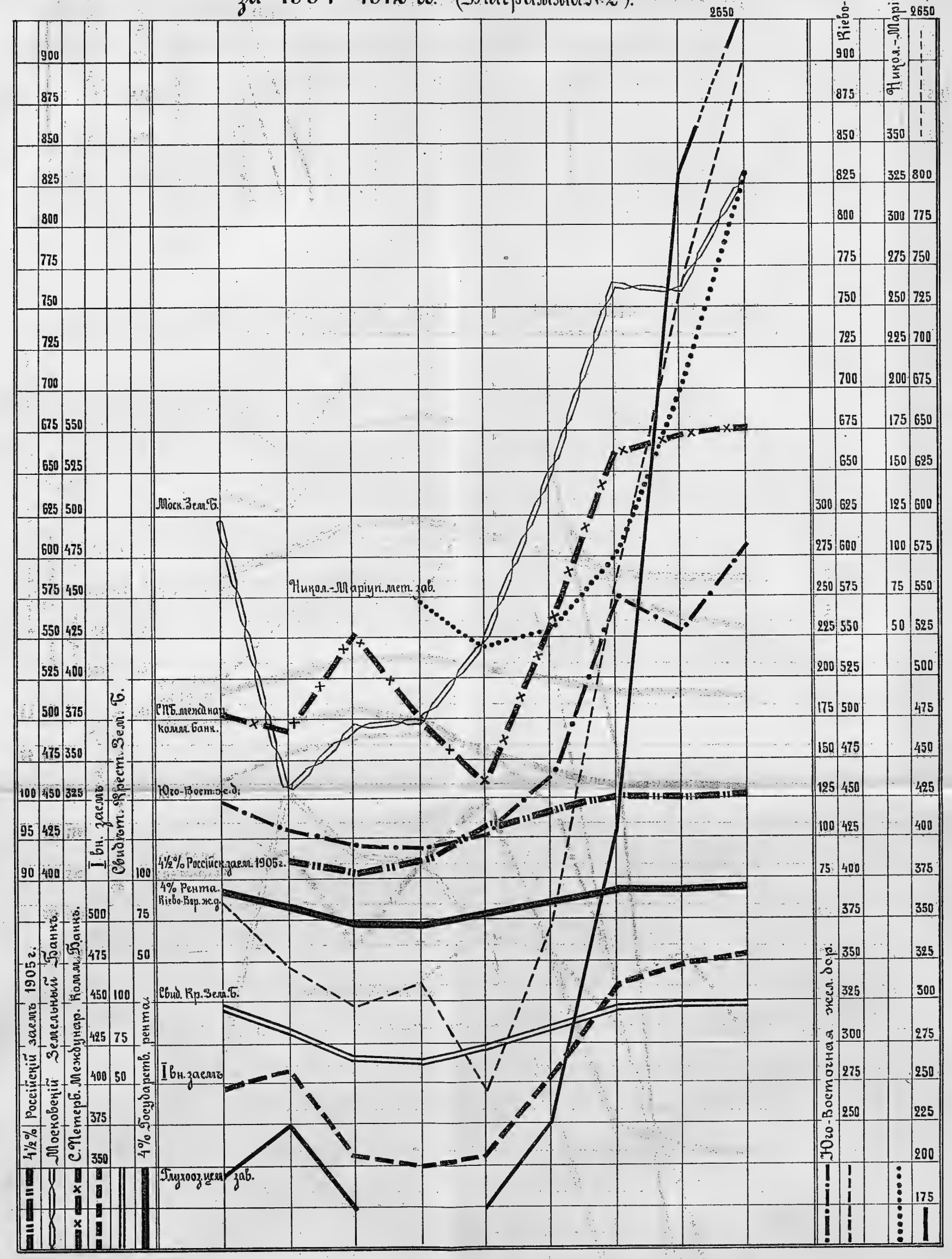
Въ вышедшихъ съ 1907 года до сего времени нумерахъ ***Юридической Библіографіи*** были помѣщены рецензіи и замѣтки слѣдующихъ лицъ:

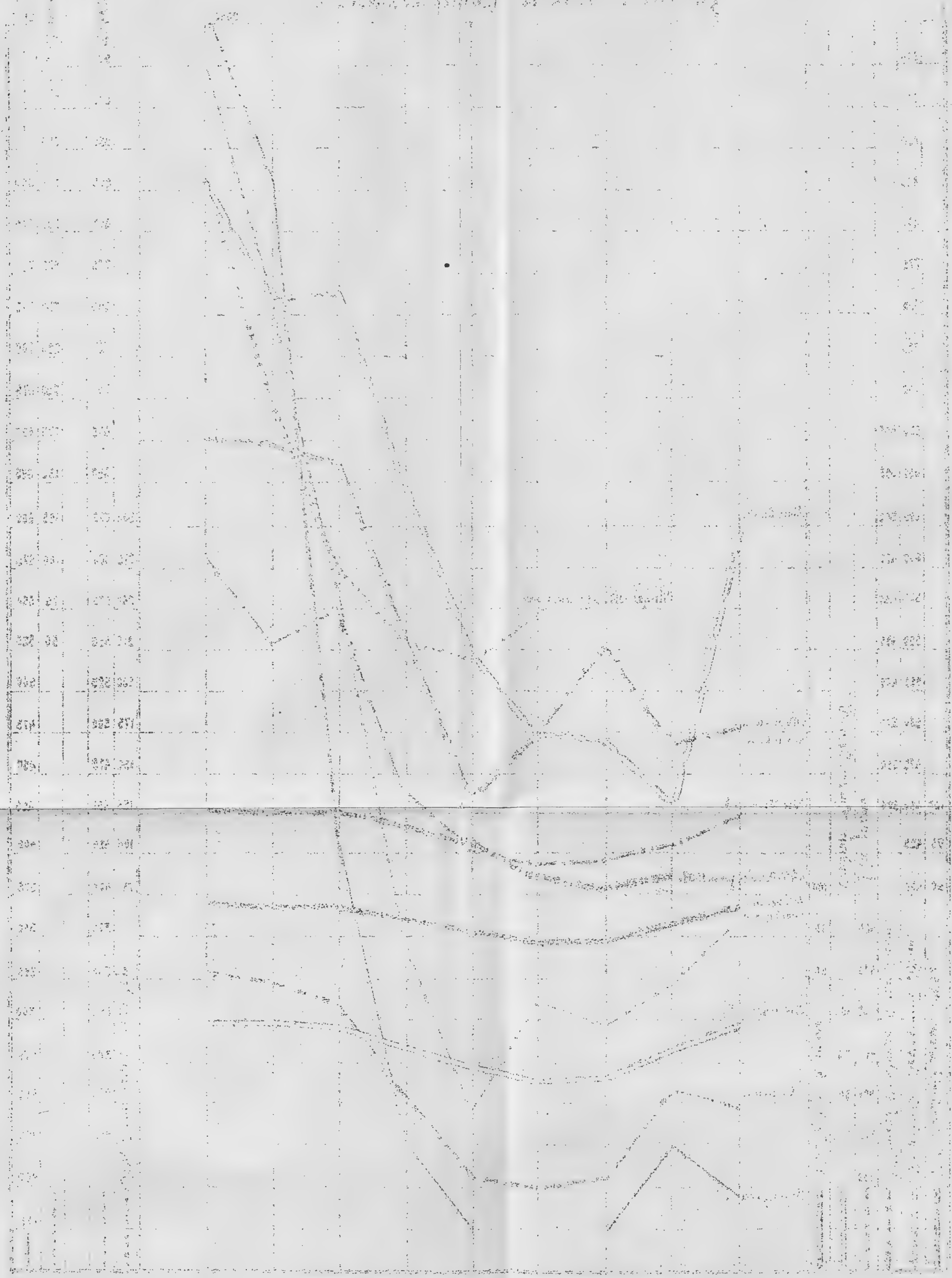
З. Д. Авалова, П. М. Богаевскаго, А. А. Борового, А. Н. Бѣликова, Ст. Веселовскаго, А. М. Винавера, С. И. Викторскаго, А. Э. Вормса, П. П. Гензеля, М. Н. Гернета, П. В. Гидулянова, Д. С. Глаголева, Н. Н. Голубева, Г. В. Демченко, А. И. Елистратова, А. А. Жилина, А. В. Завадскаго, Ф. Ф. Зигеля, И. О. Зубова, И. А. Ильина, Н. А. Каблукова, К. Кадлеца, гр. Л. А. Камаровскаго, Б. А. Кистяковскаго, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, бар. С. А. Корфа, С. А. Котляревскаго, П. С. Кравцова, В. А. Краснокутскаго, І. М. Кулишера, С. Кутржебы, Ѳ. И. Леонтовича, П. И. Люблинскаго, В. Ѳ. Матвѣева, А. Н. Миклашевскаго, П. Е. Михайлова, В. Н. Мышцына, Э. Немировскаго, Н. Я. Новомбергскаго, И. Х. Озерова, Р. М. Орженцкаго, Н. И. Паліенко, М. Я. Пергамента, И. Н. Покровскаго, С. П. Покровскаго, А. А. Рождественскаго, С. Е. Сабинина, А. Р. Свирщевскаго, В. И. Серебровскаго, В. И. Синайскаго, Е. Д. Синицкаго, Е. В. Спекторскаго, Н. С. Суворова, И. К. Сухоплюева, Б. И. Сыромятникова, Ѳ. В. Тарановскаго, бар. М. А. Таубе, Л. Я. Таубера, В. Н. Твердохлѣбова, Г. Г. Тельберга, Г. И. Тихтина, И. Н. Трепицина, В. А. Удинцева, Г. С. Фельдштейна, М. С. Фельдштейна, А. Н. Филиппова, А. Ф. Фортунатова, Б. Н. Фрезе, бар. А. Л. Фрейтагъ-Лоринговена, М. И. Фридмана, В. М. Хвостова, Д. А. Червонецкаго, И. И. Чистякова, М. П. Чубинскаго, П. Шапошникова, В. Шесана, В. Н. Ширяева, А. В. Шмидта, С. А. Шумакова, В. Г. Щеглова, Т. М. Яблочкова, А. С. Ященко.

Въ Юридической Библіографіи помѣщаются за особую плату объявленія о вновь выходящихъ книгахъ и другія извѣстія книжнаго рынка. Присылаемыя въ редакцію книги своевременно отмѣчаются въ журналѣ и, по мѣрѣ возможности, рецензируются.

Издатель: *Демидовскій Юридическій Лицей.*

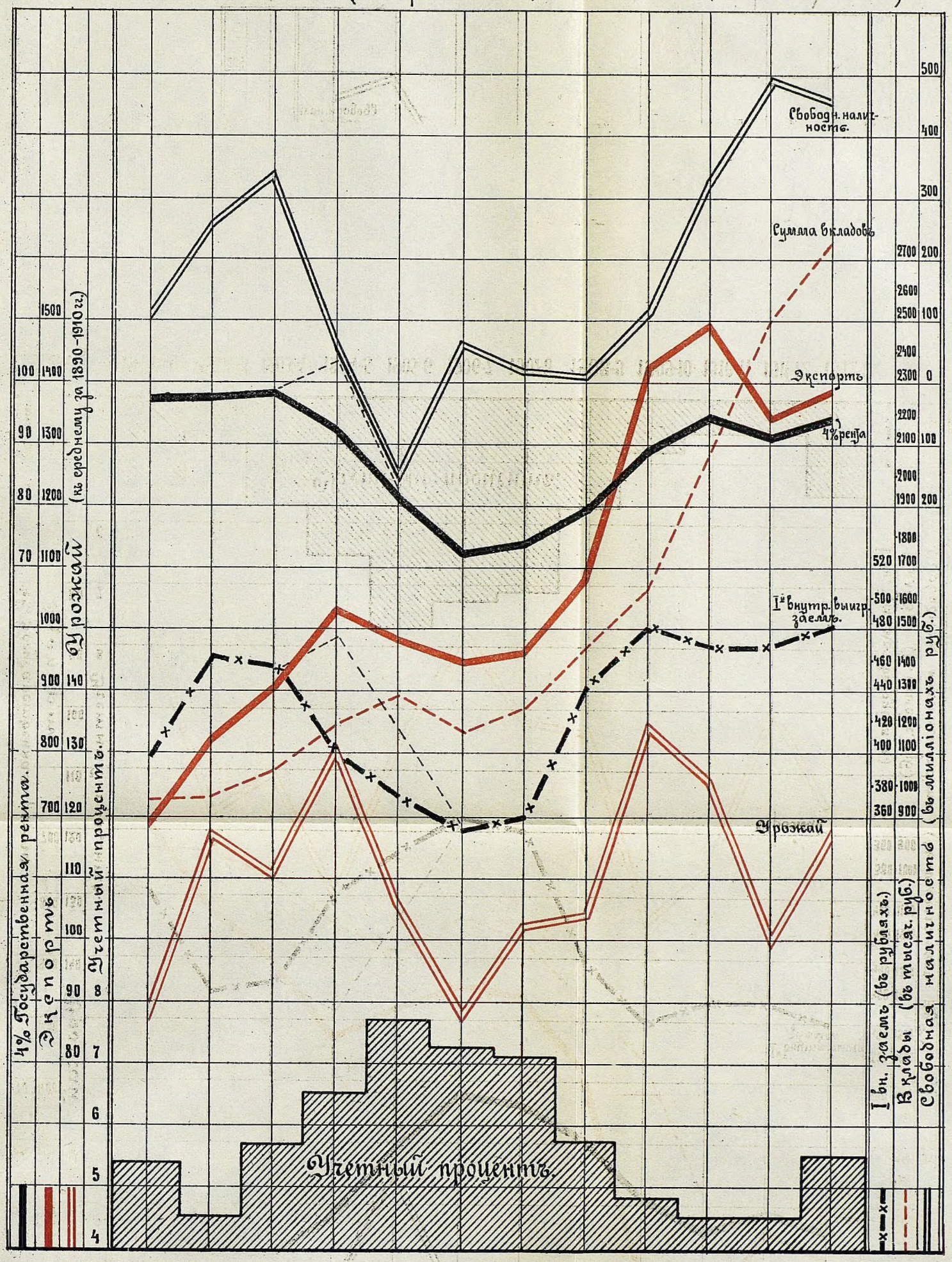
Движеніе государственныхъ фондовъ, дивидендныхъ бумагъ и вкладовъ и текущихъ счетовъ (въ учрежденіяхъ краткосроч. кредита). за 1904 - 1912 гг. (Діаграмма №2ая).



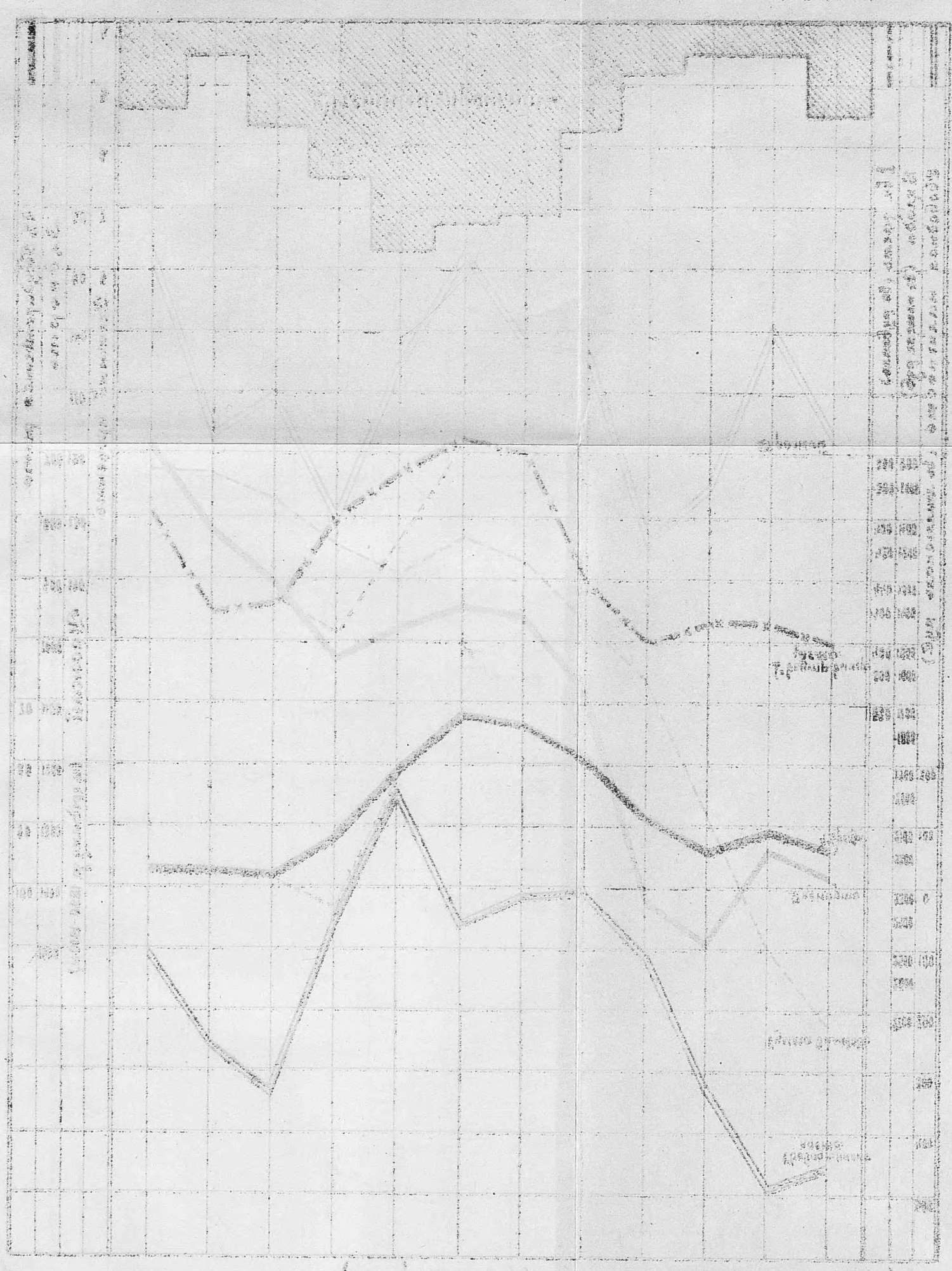


Движеніе Государственныхъ фондовъ въ связи съ колебаніями урожаевъ и хлѣбнаго экспорта за 1901/2 по 1912/3 сельск. хоз. годы.

(Діаграмма №3). (съ 1-го Іюля по 30-е Іюня).



Год. с.хоз. 1901-2 1902-3 1903-4 1904-5 1905-6 1906-7 1907-8 1908-9 1909-10 1910-11 1911-12 1912-13.



00082985
ЮФ СПбГУ